УДК I «K» 1.062)
ШIIC Н7 я2
Ц 85

Автор А Л. *Цуканов*
Художник *Ю. А. Станишевский*
Под общей редакцией *Е. М. Ивановой*

Цуканов А. Л.
ц 85 Я познаю мир: Детская энциклопедия: Философия. — М.: 000 «Фирма "Издательство АСТ"»; 000 «Издательство Астрель», 1999 — 480 с: ил.
ISBN 5-271-00035-4 (000 «Издательство Астрель»)
ISBN 5-237-04004-7 (00О «Фирма "Издательство АСТ"»)

Новое издание «Философии» в серии «Я познаю мир» посвящено истории философского мышления, насчитывающей уже более двух с половиной тысяч лет. Сегодня мы являемся обладателями огромной сокровищницы идей и целых философских систем выдающихся мыслителей. О более чем 90 самых знаменитых из них и рассказывает эта книга. Из нее вы узнаете об их жизни, о проблемах, их волновавших, и о том, каким образом эти проблемы ими разрешались.
Издание снабжено предметно-именным указателем.

УДК 1(031.062)
ББК 87я2

ISBN 5-271-00035-4 (ООО «Издательство Астрель»)
ISBN 5-237-04004-7 (ООО «Фирма "Издательство АСТ"»)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга, которую вы держите в руках, рассказывает о философах и философских системах, ими созданных. Первые философские учения появились очень давно — в VI веке до нашей эры. И появились они сразу в нескольких центрах человеческой цивилизации: Индии, Китае, Греции. Само слово **«философия»** — греческое по происхождению. Впервые **философом,** то есть человеком, *любящим мудрость,* назвал себя знаменитый греческий мистик и математик **Пифагор.** Слово это прижилось и стало очень популярным в Древней Греции, где звание «философ» было одним из самых почетных. Особенно прославил его своим жизненным примером **Сократ,** чье имя стало вторым нарицательным именем каждого философа. Шли годы и века, античная цивилизация сошла с исторической сцены, но философия, как и многие другие науки и искусства, созданные в античности, продолжала жить и развиваться вплоть до наших дней.

Философы пытались и пытаются дать ответы на заданные ими самими вопросы о Боге, о тайнах происхождения и существования мира и природы, о том, что такое человек и в чем смысл жизни. И до появления философии люди размышляли обо всем этом. Плоды их размышлений нашли свое отражение в

мифах, преданиях и **ритуалах,** вводивших людей в глубины природных и человеческих тайн, сопровождавших их при рождении и смерти, освящавших брак и добывание пищи, помогавших избавиться от болезней и напастей природных катастроф.

Что же подвигло их искать *другое* знание, которое мы, в отличие от знания мифологического, называем философским? Прежде всего — сомнение. Первые философы усомнились в правильности того, о чем говорили им мифы и ритуалы, в правильности их собственного понимания и знания реальности. И им пришлось мыслить, искать ответы, искать мудрость, ибо они любили ее. И все философы, приходившие на смену своим предшественникам, тоже сомневались и тоже пытались разрешить свои сомнения — так вплоть до наших дней.

Обращаясь за помощью и советом к своим предшественникам или современникам, философы часто горячо спорили с ними и в этих спорах создавали свои собственные философские учения и системы. Трудно отделить личность философа, его жизненный путь от его философии. Да и нужно ли? Они ведь не мешают, а, напротив, помогают понять друг друга: философ — свою философию, философия — создавшего ее философа. Поэтому каждый рассказ в этой книге посвящен конкретному философу, его жизни и мысли, и тому, что из его мыслей отложилось в строившемся веками здании философии.

НАЧАЛО ФИЛОСОФИИ

Как избавиться от страданий?
Наставник государства
Путь старого учителя
Вселенная, замешанная на... воде
Философия числа

КАК ИЗБАВИТЬСЯ ОТ СТРАДАНИЙ?

В VI веке до н.э. в Индии в княжеском роде Шакьев («Могущественных») родился мальчик, которому дали имя Сиддхартха. Он жил в роскоши в великолепном княжеском дворце. Сиддхартха получил блестящее образование, а его способности, ум, сила и ловкость поражали всех, знавших его. Когда он стал совершеннолетним, ему дали второе имя — **Гаутама.** Юноша женился на красавице из знатного рода, и у них родился сын. Отец Гаутамы с самого его детства делал все, чтобы мальчик, а потом и юноша, как можно меньше соприкасался с реальной жизнью, с царившими в ней нищетой, несчастьями, болезнями, страданиями и гибелью людей. Но вечно держать сына в неведении он, конечно, не мог.

Будда

Однажды Сиддхартха Гаутама выехал на своей позолоченной колеснице, запряженной белоснежными конями, за ворота княжеского дворца и встретил старого сгорбленного нищего. В другой раз — тяжелобольно-

го, лежавшего на обочине дороги. В третий раз он увидел покойника, которого оплакивали его близкие. Эти три встречи поразили его — впервые так явственно он увидел нищету, болезнь и смерть. Когда Гаутама выехал за ворота дворца в четвертый раз, то встретил спокойного, погруженного в свои мысли монаха-аскета — эта встреча решила его судьбу, ибо молодой принц понял разницу между преходящими радостями материальной жизни и непреходящей ценностью жизни духов-

ной. И тогда он решил: «Я сделаю то, что сделал этот аскет. Я откажусь от всех богатств и последую своим путем. Покинув мир **с** его удовольствиями, я обрету спокойствие и познаю истину, с помощью которой научу людей преодолевать нищету земной жизни». В 29-летнем возрасте Гаутама тайно покинул дворец отца.

Шесть лет он провел в скитаниях и лишениях. Ведя аскетическую жизнь, он исхудал, но преобразился духовно. Однажды ночью, как рассказывает древнее предание, на него снизошло всеведущее просветление. Человеческая жизнь, понял Гаутама, связана со **страданием.** Но источник страдания находится не вне, а внутри человека, потому что люди сами предаются страстям, желаниям, стремлениям. Если люди ищут наслаждений, если они жаждут их, то неизбежно возникает страх потерять предмет наслаждения. Люди, думающие, что им принадлежат дома, поля, скот, богатства, неизбежно обречены на страдания, потому что все это временное, преходящее. Ибо единственное, чем может владеть человек, по мнению Гаутамы — это мудрость познания.

С этого момента в судьбе Гаутамы произошел великий перелом — он стал называться Буддой, что на древнем языке санскрите означает **просветленный,** достигший прозрения. Всю последующую жизнь Будда провел, странствуя и проповедуя свое уче-

мне. Умер он в возрасте 80 лет, и его останки были преданы огню с соблюдением царских почестей.

Еще при жизни Будды его учение — буддизм — обрело множество сторонников и горячих поклонников. Будда считал, что целью человека является нирвана (состояние покоя, угасания) — область, куда человеческая душа должна попасть, если она вырвется из колеса бесконечных земных перерождений. Ведь, как и все индусы, Будда верил, что после смерти человека его душа вселяется в другое тело, снова и снова перерождается для земных страданий. После смерти Будда был возведен в ранг бога. Воображение верующих наделило Будду сверхъестественными способностями: становиться невидимым, летать, проходить сквозь стены и горы, выходить из земли и проваливаться сквозь землю, ходить по воде, держать в руках солнце и луну, управлять миром. Высказывания Будды, его поучения и беседы со своими последователями изложены в буддийских сутрах (священных книгах). Вот некоторые из его наставлений:

«Размышление — путь к бессмертию, легкомыслие — путь к смерти. Бодрствующие в размышлении не умирают никогда; легкомысленные, неведающие подобны мертвым».

«Из наслаждения возникает печаль, из наслаждения возникает страх; кто свободен от наслаждений, нет для того уже ни печали, ни страха».

«Человек становится мудрым не вследствие учености. Становится он мудрым потому, что освобождается от страстей и желаний».

НАСТАВНИК ГОСУДАРСТВА

Конфуций

Кун Цю (551—479 гг. до н.э.), позже принявший имя **Кун-фу-цзы (Конфуций** в европейских языках), что означает «Учитель Кун», родился в небольшом городке Цюйфу княжества Лу, располагавшегося в древние времена на востоке Китая. Он появился на свет в семье мелкого чиновника. Отец его умер рано, и мальчик остался на попечении матери. В семь лет его отдали в школу, где он проучился десять лет с большим прилежанием. Маленький Кун Цю проявил совсем недетскую, по мнению его учителей, приверженность к ритуалам и обрядам. Впоследствии эта приверженность заняла важное место в его философском учении.

В возрасте 19 лет Конфуций женился и был определен на должность хранителя зерновых амбаров. Он отличался благоразумием и добрым отношением к людям, мягкостью и огромным трудолюбием. Конфуций довольно долго находился на различных должностях у правителей нескольких княжеств, но

не достиг больших чинов и удалился от службы, чтобы заняться философией и проповедовать свои взгляды. До 66 лет он много путешествовал по Китаю, затем вернулся в свой родной город, из которого уже не выезжал до самой смерти. Его учение быстро обрело популярность, и к концу его жизни насчитывалось 3 тысячи его последователей по всему Китаю. После смерти Конфуция на месте его дома был построен храм, который постепенно разросся в целый храмовый ансамбль, в главном здании которого — Дворце высшего совершенства — находится статуя самого мудреца, сидящего со сложенными руками. В

руках у него дощечка для записей, с которой он отправлялся на доклад **к** правителю. На пьедестале надпись — «Самый святой, одаренный даром духа».

Учение Конфуция изложено в его книге «Луньюй» («Рассуждения и беседы»), а также в летописи «Чунь-цю»(«Весна и осень»), в составлении которой Конфуций, как полагают, принимал активное участие. Больше всего его интересовали вопросы жизни и поведения человека в обществе и в государстве, то есть вопросы этики. Отвечая на них, Конфуций сформулировал правила человеческого поведения, то есть нормы **морали. О** том, насколько важным считал Конфуций понятие морали, свидетельствует его высказывание: *«Умереть с голоду — событие маленькое, а утратить мораль — большое».* Основным для **конфуцианства** является представление о **благородном муже** (цзюн-цзы), который должен обладать пятью основными добродетелями: человеколюбием, чувством долга, приверженностью этикету, знанием и верностью. Кроме того, обязательным качеством является сыновняя почтительность.

Под **человеколюбием** Конфуций понимал милосердие, сдержанность, скромность, доброту, сострадание и любовь к людям. Конфуций говорил, что «благородный муж» должен, во-первых, помогать другим достичь того, чего сам бы хотел достичь, и, во-вторых, не делать другим того, чего не желал бы себе. *«Не бойся*

исправлять свои ошибки» — говорил Конфуций, имея в виду, что любое нарушение принципа человеколюбия должно быть исправлено и не повторяться в дальнейшем. Он требовал от «благородного мужа» постоянного самоанализа и самосовершенствования: «Когда видишь мудреца, думай о том, чтобы уподобиться ему; когда видишь глупого человека, подвергни себя внутреннему анализу». «Не меняются только самые мудрые и самые глупые,» — также говаривал он.

Конфуций очень высоко ценил знание древних традиций и церемоний и верность им. «Преодолей себя, восстанови **ритуалы,»** — призывал он своих последователей. Сам философ был тонким ценителем ритуалов, особенно сильно на него действовала музыка. Рассказывают, что, услышав однажды прекрасные мелодии царства Шао, он в течение трех месяцев не чувствовал вкуса еды. Конфуций не мыслил жизни в государстве без строгой регламентации человеческих отношений, без этикета: *управлять — значит* ***упорядочивать.*** Ритуалы и церемонии вкупе с добродетелями, присущими «благородному мужу», помогают, как считал Конфуций, упорядочить **и** внутреннюю жизнь человека. «Как можно управлять другими людьми, если не умеешь управлять собой?! Если же управляешь самим собой, то управлять государством будет нетрудно».

Конфуций призывал людей к соблюдению «золотой середины» в их поведении и понимал, что этого нелегко достичь: «Поскольку нет людей, которые действуют в[1] соответствии со срединным путем, приходится иметь дело с людьми либо излишне несдержанными, либо излишне осторожными. Несдержанные хватаются за все, а осторожные бездействуют, когда необходимо действовать».

Конфуций стал самым почитаемым в Китае философом, удостоенным через столетия после его смерти титулов «первый святой», «наставник государства», «великий учитель нации».

ПУТЬ СТАРОГО УЧИТЕЛЯ

Легенда гласит, что будущий великий философ **Лао-цзы** (конец VII — нач. VI вв. до н.э.) поначалу служил архивариусом при царском дворе. Свое знаменитое имя он получил, уже став известным учителем мудрости, да оно и значит — «старый учитель». О Лао-цзы рассказывали множество легенд. Говорили даже, что он владел секретом бессмертия. Однажды Лао-цзы решил совершить путешествие через горный перевал Ханьгу. Но его слуга, Сюй-цзы, которому было даровано бессмертие, отказался сопровождать хозяина, требуя, чтобы философ уплатил ему по 100 монет за каждый день предыдущей службы.

Поскольку выяснилось, что срок службы насчитывал уже 200 лет, то Лао-цзы, конечно, не мог уплатить такую огромную сумму. Слуга пожаловался чиновнику, и тот призвал к себе старого учителя. Придя на суд, Лао-цзы подозвал к себе Сюй-цзы и приказал ему наклонить голову. Когда тот сделал это, у него изо рта выпал какой-то талисман с написанными на нем словами — а слуга тут же упал бездыханным. На расспросы перепуганного

чиновника Лао-цзы ответил, что давно уже дал слуге талисман бессмертия, дабы предохранить его от разрушительного действия времени. Пораженный чиновник пообещал сам уплатить слуге требуемую сумму — тогда Лао-цзы бросил талисман на тело слуги и тот ожил как ни в чем не бывало.

Свое учение — даосизм — Лао-цзы изложил в одной-единственной книге «Дао дэ цзин» («Книга о дао и дэ»). **Дао** и дэ — два главнейших понятия в философии Лао-цзы.

Дао — означает путь, но одновременно — это первоначало и первопричина всего сущего. Это нечто чувственно неощутимое, но дающее миру возможность существовать. Это та пустота, из которой возникает все: «Из глины делают сосуды, но употребление сосудов зависит от пустоты в них. Пробивают двери и окна, чтобы сделать дом, но пользование домом зависит от пустоты в нем» — говорил Лао-цзы.

Познание дао заключается в созерцании внутренней сути вещей. Для этого необходимо прийти в полную гармонию с природой, с ее законами. Любое непродуманное, своевольное действие человека может разрушить эту гармонию, поэтому основа познания дао — созерцание. Последователи Лао-цзы для этого в одиночестве удалялись на лоно природы и там, часами и днями сидя неподвижно, пытались проникнуть умственным взором в суть всех вещей.

Второе понятие даосизма — дэ (добродетель) — непосредственно связано с дао. Дэ — это то, через что дао проявляется в конкретных вещах и действиях: **«Дао** рождает вещи, дэ вскармливает их. Поэтому нет вещи, которая не почитала бы дао и не ценила бы дэ... Дэ взращивает вещи, воспитывает их, совершенствует их, делает их зрелыми, ухаживает за ними, поддерживает их». Из понятия дэ вытекает суть и форма правильного ощущения себя и правильного поведения человека в мире: *«Создавать и не присваивать,*

творить и не хвалиться, являясь старшим, не повелевать — вот что называется глубочайшим дэ». Дао и рожденная в нем природа вечны, поэтому, считал Лао-цзы, смерти и тления может избежать тот человек, который сумеет слиться с дао, войдет в абсолютную гармонию с природой.

Лао-цзы всегда настаивал на тонком и гибком отношении к миру. Все чрезмерное, использующее грубую силу вызывало у него отторжение и насмешку: «Человек при своем рождении нежен и слаб, а по смерти крепок и тверд. Все существа и растения при своем рождении нежные и слабые, а при гибели иссохшие и. ломкие. Твердое и крепкое — это то, что погибает, а нежное и слабое — это то, что начинает жить. Поэтому могущественное войско не побеждает, крепкое дерево погибает. Место сильного и могущественного внизу, а слабого и нежного наверху».

Лао-цзы

Необходимо отказаться от всего внешнего, поверхностного в жизни, истинное знание должно быть внутренним, глубинным. *«Знающий не доказывает, а доказывающий не знает»,* — так говорил Лао-цзы.

ВСЕЛЕННАЯ, ЗАМЕШАННАЯ НА... ВОДЕ

Первый из греческих мудрецов Фалес из Милета (640—562 гг. до н.э.) был родом из богатой и знатной семьи, считавшей своим прародителем легендарного царя Кадма, брата Европы, основателя Фив. В молодости он много путешествовал, побывал в Вавилоне, где познакомился с учениями халдейских мудрецов, и в Египте, где обучался у жрецов.

Сам Фалес вел очень скромную и уединенную жизнь. Когда в молодости его мать стала настаивать на том, чтобы он женился, Фалес ответил: «Слишком рано!», а когда он возмужал, то на аналогичные требования матери ответил: «Слишком поздно!»

Фалес

Много внимания Фалес уделял занятиям астрономией и геометрией. Он первый среди греков обнаружил, что величина солнца составляет 1/720 часть круга, им проходимого, что месяц состоит из тридцати дней, а год — из 365 дней. В геометрии Фалес первый установил, что углы при основании равнобедренного треугольника равны, сформулировал правило

равенства треугольников по стороне и двум углам. Рассказывают, что когда Фалес вписал прямоугольный треугольник в круг, то из благодарности богам принес им в жертву быка — настолько велика была его жажда познания. Свои познания в астрономии и геометрии Фалес применял на практике — он сумел правильно предсказать затмение, которое произошло 28 мая 585 г. до н.э., а также измерил высоту египетских пирамид по их тени, дождавшись часа, когда тень человека равна его росту.

Но главным, на что направлял все свои познания и умственные силы Фалес, были размышления о мире, вселенной, человеке. Он ввел понятие первоосновы мира, первоматерии (по гречески — архэ). Ею он назвал воду. Под «водой» Фалес подразумевал, конечно, не обычную физическую воду. Это был символ, выражащий идею всеединства мироздания. Он говорил, что мир одушевлен и полон божеств, он приписывал душу даже неодушевленным телам, приводя в качестве примера магнит и янтарь. Фалес говорил и о том, что «души бессмертны» и что «всё — из воды и всё разрешается в воду», выражая этими словами идею вечности мира и его многоликости. В «бесконечной воде», говорил Фалес, содержится возможность вечного развития вселенной. Все, что есть в мире, возникает на ее основе путем сгущения и разрежения. Уче-

ние Фалеса о воде как первоматерии заложило основы всей греческой философии, связав воедино мир, человека и силы, которые ими движут. Кстати, Фалеса и его учеников, составивших знаменитую **«Милетскую школу»**, называли не философами, а **физиологами** (от греч. «фюзис» — «природа»), подчеркивая этим, что основное их внимание было направлено на прояснение природы (т.е. строения, структуры) всего сущего, природы мироздания.

Фалес уже при жизни прославился во всей Греции своей мудростью. По преданию, когда рыбаки выловили из моря жертвенный треножник Аполлона и дельфийский оракул повелел отдать его самому мудрому человеку, то треножник был отдан Фалесу. Он же был назван первым из знаменитых «семи мудрецов». Известны такие изречения Фалеса:

Древнее всего сущего — бог, ибо он не рожден.
Прекраснее всего — мир, ибо он творение бога.
Больше всего — пространство, ибо оно объемлет всё.
Быстрее всего — ум, ибо он обегает всё.
Сильнее всего — неизбежность, ибо она властвует всем.
Мудрее всего — время, ибо оно раскрывает всё.

Когда Фалес сказал, что «между жизнью и смертью нет разницы», его тут же спросили:

«Почему же ты не умрешь?» — «Именно поэтому», — ответил мудрец. На вопрос, что возникло раньше — ночь или день — он ответил: «Ночь — раньше на один день». Древние греки относились к философам не только как к ученым, но и как к учителям жизни. Поэтому Фалесу приходилось отвечать на множество трудных вопросов. Вот некоторые из них:

Что на свете трудно? — Познать себя.

Что легко? — Советовать другому.

Что приятнее всего? — Удача.

Что божественно? — То, что не имеет ни начала, ни конца.

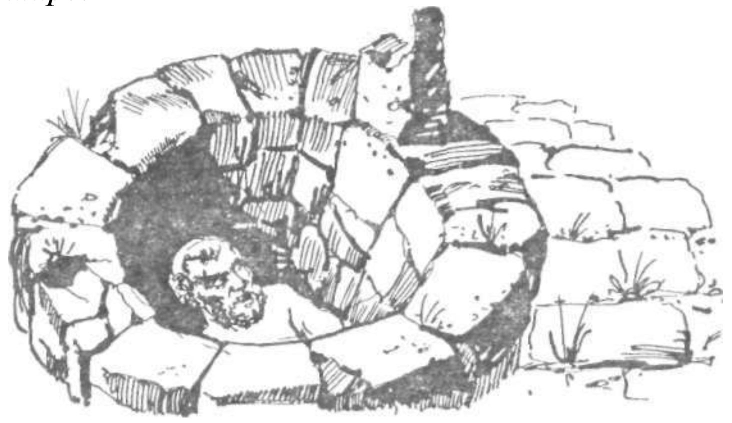
Что ты видел небывалого? — Тирана в старости.

Какая жизнь самая лучшая и справедливая? — Когда мы не делаем сами того, что осуждаем в других.

Кто счастлив? — Тот, кто здоров телом, восприимчив душою и податлив на воспитание.

С Фалесом случались и смешные истории. Однажды ночью он вышел из дома, чтобы наблюдать за звездами. Заглядевшись на небо, он споткнулся и упал в неглубокий колодец. Когда он стал звать на помощь, то проходившая мимо женщина язвительно заметила: «Что же ты, хочешь познать то, что делается на небесах, а не видишь того, что у тебя под

ногами». Эта притча стала основанием для важного принципа, действующего в философии: *при построении научных и философских теорий нельзя забывать о реальном мире.*

Сам Фалес вовсе не был беспомощным человеком. Однажды он решил показать согражданам, что живет без излишеств не потому, что не может добыть себе денег, а потому, что предпочитает такую жизнь. Предвидя большой урожай оливок, он арендовал все маслодавильни в Милете, а когда урожай был собран, стал сдавать их внаем и нажил на этом много денег.

Когда Фалес умер, на его гробнице сограждане сделали такую надпись:

Эта гробница мала, но слава над ней необъятна:
В ней пред тобою сокрыт многоразумный Фалес.

ФИЛОСОФИЯ ЧИСЛА

«Жизнь подобна игрищам: иные приходят на них состязаться, иные — торговать, а самые счастливые — смотреть; так и в жизни: иные, подобно рабам, рождаются жадными до славы и наживы, между тем как философы — до единой только истины», — так говорил **Пифагор** (584—500 гг. до н.э.), знаменитый философ, математик, врач и мистик. Именно от него, по преданию, мир впервые услышал слово **«философ»,** что означает «любящий мудрость». Пифагор говорил, что никто не мудр, ибо человек не в силах достичь всего, он может лишь стремиться к мудрости.

Пифагор

Пифагор родился на греческом острове Самос, но когда подрос, то, жадно ища знаний, покинул отечество для того, чтобы стать посвященным во многие таинства, как эллинские, так и других народов и религий. У египетских жрецов, халдеев и финикийских магов он научился азам математики, перенял учение о мистической связи числа и мировых начал, в том числе и учение о переселе-

нии душ, а также получил представление о множестве мистических ритуалов.

Сам Пифагор утверждал, что он несколько рождений назад был сыном бога Гермеса, и когда тот предложил ему на выбор любой дар, кроме бессмертия, попросил оставить ему память обо всем, что с ним происходило и будет происходить. Эту же цель — вспомнить все из прошлых жизней — Пифагор ставил перед своими учениками в созданной им **Пифагорейской школе** в городе Кротоне (на юге Италии).

Обучение в этой школе было построено по принципу строгой иерархии и полного подчинения ее главе и основателю. Пифагор принимал туда далеко не всех, ибо считал, что знания могут получать лишь избранные, то есть доказавшие свое моральное право на эти знания. Первые пять лет обучения его ученики проводили в молчании, внимая речам Пифагора, но не видя его. И лишь пройдя через сложные испытания, они получали право видеть Пифагора и беседовать с ним.

Фалес считал, что в основе всего лежит вода, а Пифагор — число, поэтому основу пифагорейского учения составляет **наука о числах,** в которой они соотносятся не только с геометрическими фигурами, но и вообще со всеми существующими в мире вещами. Вот как он формулирует эти отношения в своих записках: «Начало всего — единица; единице как причине подлежит как вещество неопре-

деленная двоица; из единицы и неопределенной двоицы исходят числа; из чисел — точки; из точек — линии; из них — плоские фигуры; из плоских — объемные фигуры; из них — чувственно-воспринимаемые тела, в которых четыре основы — огонь, вода, земля и воздух; перемещаясь и превращаясь целиком, они порождают мир — одушевленный, разумный, шаровидный, в середине которого — земля; и земля тоже шаровидна и населена со всех сторон». Числу все вещи подобны — так говорил Пифагор. К примеру, единице, двойке, тройке и четверке в геометрической интерпретации соответствуют точка, прямая, квадрат и куб. Сумма этих чисел дает число «десять», которое пифагорейцы почитали как идеальное число, выражающее Божественную сущность. Нам сейчас представления Пифагора могут показаться несколько наивными и смешными, но в самом деле, разве не верно, что в основе всего мира лежат математические — числовые и геометрические — соотношения?

Пифагор так же открыл числовые соотношения, на которых зиждется музыкальная гармония: интервалы музыкальной гаммы могут быть выражены как отношения 1:2, 2:3 и 3:4. Даже проблему счастья Пифагор связывал со «знанием о совершенстве чисел». Так, когда он нашел, что квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов, то принес богам богатые жертвоприношения.

Причину такого отношения к числам можно понять, если вспомнить пифагорово учение о человеческой душе, которую он полагал состоящей из трех частей: **ума, рассудка** и **страсти.** Причем ум и страсть присущи и душам других живых существ, а вот рассудок — свойство только человеческой души. Страсть — сильные человеческие чувства, такие, как любовь или ненависть, — расположена, как считал Пифагор, в сердце. Под «умом» он подразумевал способность к анализу чувственного восприятия мира, а «рассудок» — это способность к отвлеченному, абстрактному размышлению над мировыми сущностями и законами. Именно эту часть души Пифагор называл бессмертной, все остальное — преходяще. Число же и есть тот самый независимый от изменчивой реальности отвлеченный инструмент, которым может оперировать рассудок.

Каждое число для Пифагора обозначало собой противоположности, на гармоническом соотношении которых держится упорядоченный **Космос:**

1 (предел—беспредельное), 2 (нечет—чёт), 3 (единое—многое), 4 (правое—левое), 5 (мужское—женское), 6 (покой—движение), 7 (прямое—кривое), 8 (свет—тьма), 9 (доброе—злое), 10 (квадрат—прямоугольник).

Счастлив человек, говорил Пифагор, если душа у него становится доброю, но в покое она не бывает и ровным потоком не живет. Только при определенном усилии человек может выполнить то, что Пифагор считал главным: соблюдать меру во всем.

Пифагор оставил множество наставлений «правильной жизни»:

нельзя вымаливать себе что-то у богов, ибо в чем наша польза, мы не знаем;
ни в питье, ни в пище не должно преступать соразмерности;
не клясться богами, а стараться, чтоб вера была твоим собственным словам;
в общении держаться так, чтобы не друзей делать врагами, а врагов — друзьями;
ничего не мнить своею собственностью;
закону пособлять, с беззаконием воевать.

Ему же принадлежит знаменитое выражение: *«начало — полдела»*.

Основы учения Пифагора нашли продолжение у гностиков, в европейских религиозных орденах и у масонов.

ДОСОКРАТОВСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Досократовская философия

Беспредельное, глобус и солнечные часы

Дети воздуха

Сколько раз можно войти в одну и ту же реку?

В чем сущность Бога?

Быть или не быть? (за 2000 лет до Шекспира)

Ахиллес и черепаха

Любовь и вражда

Небесный свод из камня

«Атомная» философия

ДОСОКРАТОВСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Начальный, самый первый период философии в Древней Греции носит название **досократовского** — он продолжался с VI по IV в. до н.э., когда начал философствовать Сократ. Философы-досократики усомнились в самых основных знаниях, которые давала им мифология, — знаниях об образовании мира, о богах, о законах, которые управляют природой. Что на самом деле лежит в основе мира, как он развивается, и происходит ли это развитие вообще — такие вопросы задавали они. Вектор их философского познания был направлен в основном на строение мира.

Но не надо думать, что первые философы не уделяли внимания человеку, ведь человек для древних греков был неразрывно связан с миром, был его маленьким отражением. Если мир был Космосом, макрокосмом, то человек — **микрокосмом,** частью и подобием Космоса. Понятия **первоосновы,** или **первоматерии, бытия** и **небытия, движения** и **покоя, необходимости** и **случайности,** наконец **смерти** и **бессмертия** — относились как к миру, так и к человеку. Через них первые греческие философы пытались понять, что такое **добро** и что такое **зло, свобода** и **рабство, душа** и **разум (логос).** Фрагменты и изречения, дошедшие до нас, часто загадочны и темны для понимания современного человека, но попытаться

понять их необходимо, ибо тогда станет понятным многое из того, что стало основой для всей последующей философии.

БЕСПРЕДЕЛЬНОЕ, ГЛОБУС И СОЛНЕЧНЫЕ ЧАСЫ

Анаксимандр

Второй философ Милетской школы, ученик Фалеса, Анаксимандр (611—546 гг. до н.э.), был человеком глубокого ума, мудрым и добродушным. Рассказывают, что однажды, когда он пел, над ним посмеялись дети. Узнав об этом, он сказал: «Что ж, ради детей придется мне научиться петь получше». Анаксимандр прославился своими философскими прозрениями относительно мирового **Первоначала,** строения космоса и происхождения человека.

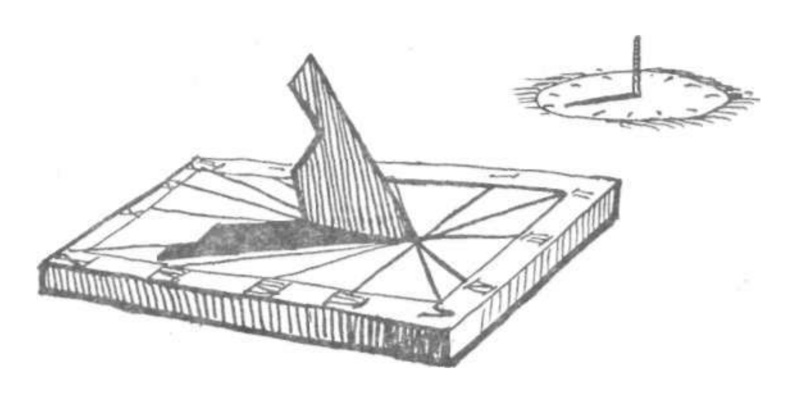
В качестве начала мира,' начала всех вещей, или Первоначала, Анаксимандр принимал не воду, как Фалес, и не число, как Пифагор, а нечто, что он назвал словом **апейрон,** которое приблизительно можно понять как **Беспредельное.** Из него рождается всё, воз-

никают небеса и находящиеся в них миры. Оно вечно и неизменно, и объемлет все миры; в нем заключается, по Анаксимандру, «всяческая причина всеобщего возникновения и уничтожения». Этими словами Анаксимандр подчеркивает, что то, что является Первоначалом, первоматерией, нельзя представить в виде некой определенной природной стихии, будь то вода, земля, воздух или огонь.

Первоначало нельзя измерять ни пространственными, ни временными измерениями. Беспредельное можно сравнить с вечным движением. *Части изменяются, целое же остается неизменным* — этой фразой Анаксимандр фактически предвосхитил формулу Всеобщего закона сохранения энергии. Он заложил представление о Первоначале, как всеобщем **Едином,** из которого «выделяются содержащиеся в нем противоположности» — «теплое и холодное, влажное и сухое». Эти свойства соответствуют определенным вещам и стихиям: огню — тепло, льду — холод, воде — влажность, земле — сухость и т.д.

Анаксимандр нарисовал интересную картину геоцентрического строения Вселенной: «Земля свободно возносится, не будучи ничем связана, и удерживается, так как отовсюду она одинаково удалена». В некоторой степени эти слова напоминают Закон всемирного тяготения, сформулированный Ньютоном в **XVII** веке.

Анаксимандр первым из греческих философов говорил, что Земля — шарообразна и находится в постоянном вращательном движении, которое служит источником холода и тепла. Он также первым в Греции соорудил **солнечные часы,** по которым определил дни равноденствия и солнцестояния, и первым нарисовал очертания земли и моря и, кроме того, соорудил **небесный глобус.**

Представления Анаксимандра о возникновении жизни на Земле тоже содержат сходство с современными научными представлениями: «Первые животные зародились во влажном и имели на себе покров с шипами. Но когда они вырастали, выходили на сушу и, когда покров ломался, жили еще краткое время». Анаксимандру же принадлежит первое представление об эволюционном возникновении человека: «Вначале человек родился от животных другого вида».

ДЕТИ ВОЗДУХА

Третьим знаменитым философом Милетской школы, учеником Анаксимандра был **Анаксимен** (585—524 гг. до н.э.)- Ему выпало жить в тяжкие для ионической Греции времена междоусобных войн. «Как же помышлять о делах небесных, когда приходится страшиться гибели или рабства?» — писал философ. Тем не менее, Анаксимен отнюдь не переставал «помышлять о делах небесных» и создал свое оригинальное учение об основах мира. Будучи учеником Анаксимандра, Анаксимен всемерно чтил и его учителя, Фалеса: «Пусть же всякая наша речь начинается именем Фалеса». Поэтому в своих представлениях о первоначале этот философ постарался объединить и учение Фалеса о «воде», и учение Анаксимандра о Беспредельном.

Анаксимен

В качестве **первоосновы** всего сущего, то есть первоматерии, Анаксимен принял беспредельный, имеющий неопределенную форму **воздух.** Все **сущее,** все стихии и даже боги, считал Анаксимен, возникают из воздуха. Он

называл их *«детьми воздуха»*. Выделение стихий из воздуха происходит по сформулированному еще Фалесом принципу «сгущения и разрежения»: «Разрежаясь, воздух становится огнем, сгущаясь — ветром, потом — облаком, а сгустившись еще больше, — водой, потом землей, потом камнями, а из них — все остальное». Сам по себе воздух «не явлен взору, а обнаруживает себя, когда становится холодным или теплым, сырым или сухим, и движущимся». Таким образом, Анаксимен сохранил и принцип столкновения противоположностей, сформулированный его учителем Анаксимандром.

До нас дошла и еще одна фраза Анаксимена, которая многое говорит о том, каким образом древние философы связывали вопрос о первоматерии с проблемой человека и его души: «Как душа наша, сущая воздухом, скрепляет нас воедино, так дыхание и воздух объемлют весь космос». Человек таким образом воспринимается не только как часть Космоса (макрокосма), но и как его маленькая копия (микрокосм).

Исходя из представления о первоматерии как воздухе, Анаксимен пытался разрешить многие вопросы. Например, он полагал, что Земля плоская и покоится в пространстве на своего рода подушке из сжатого под ее давлением воздуха. Когда она слишком суха, то воздух просачивается сквозь нее, что приводит к землетрясениям. Радуга, считал Анак-

симен, возникает из-за того, что солнечные лучи не могут пройти сквозь тучу (сгущенный влажный воздух) и отражаются от нее. Наконец, небо представляет собой ледяной свод, к которому, наподобие огненных гвоздей или листьев, прибиты звезды.

СКОЛЬКО РАЗ МОЖНО ВОЙТИ В ОДНУ И ТУ ЖЕ РЕКУ?

Гераклит Эфесский (540—480 гг. до н.э.) — один из самых загадочных и трудно понимаемых древнегреческих философов-досократиков. О жизни его известно, что он происходил из рода эфесских царей и должен был наследовать власть, но уступил трон своему брату.

Гераклит Эфесский

Гераклит был горячим по темпераменту человеком и остроумным оратором, не стеснявшимся резких выражений. Так, обидевшись на сограждан за то, что они изгнали его друга Гермодора со словами: «Меж нами никому не быть лучшим, а если есть такой, то быть ему на чужбине и с чужими», он отказался написать для них законы, так как город, по его мнению, уже находился во

власти дурного правления. После этого он удалился в храм Артемиды и стал играть там с мальчишками в бабки, а изумленным эфесцам заявил: «Чему дивитесь, негодяи? Разве не лучше так играть, чем управлять в вашем государстве?» В конце концов Гераклит вовсе ушел из Эфеса и жил некоторое время в горах, питаясь травами и кореньями, .однако вскоре заболел водянкой и умер.

За свою жизнь Гераклит написал лишь одну философскую книгу .«О *природе»,* но когда ее прочел Сократ, то сказал: «Что я понял — прекрасно; чего не понял, наверное тоже; только, право, для такой книги нужно быть делосским ныряльщиком, чтобы не захлебнуться в ней». Персидский царь Дарий, прочитав книгу, признал Гераклита мудрей-

шим из греков и пригласил его к себе для философских бесед, но тот отказался. В Греции Гераклита даже прозвали «темным» из-за непонятности многих его изречений.

В качестве первоосновы мира Гераклит называл стихию **огня:** «Огонь есть основной элемент, все является видом огня и все происходит путем разрежения и сгущения». Огонь для философа есть первоматерия (архэ), движущая мир, который *«возникает из огня и опять сгорает в определенные периоды в течение всего века; свершается это согласно судьбе».* В этой фразе Гераклита заключено и представление о цикличности движения мира, и представление о неизбежности, или **необходимости,** судьбе как первопричине всего происходящего в мире.

Понимание изменчивости мира выражено Гераклитом в его знаменитом принципе: *все течет, все изменяется,* и в не менее знаменитой фразе: *«Нельзя дважды войти в одну и ту же реку».* Философ попытался соотнести представления о **Первоматерии** и о принципе существования мира с проблемой человека и его души. «В одни и те же реки мы входим и не входим, существуем и не существуем», — говорил он, подчеркивая этим, что человек как разумное существо существует не всегда, а лишь когда соприкасается мысленно с так называемой **«гераклитовой рекой»,** то есть с сущностью природы.

Точно так же Гераклит полагал, что законы, данные людям, не могут исполняться сами по себе — за их исполнение необходимо постоянно бороться: *«За закон народ должен биться, как за городскую стену»*.

В мире, считал Гераклит, всем правит **необходимость** (никэ), с которой связано понятие **закономерности (логос),** то есть системы законов, управлящих мирозданием, и понятие **меры,** возникающей из «соглашения противоположностей» .

С понятием логоса Гераклит тесно связывал понятие человеческой **души (психе).** Душа, как и сознание, подчинена логосу, а ее целью является познание: *«Пределов души не отыщешь, по какому пути не иди, — так глубок ее Разум»*. Без познания логоса любые представления поверхностны и бесполезны: *«Многознание уму не научает»*. Так говорил Гераклит и добавлял: *«Плохими свидетелями являются глаза и уши людей, если они имеют варварские души»,* то есть души, не просветленные познанием логоса.

В ЧЕМ СУЩНОСТЬ БОГА?

Один из основателей знаменитой философской Элейской школы **Ксенофан** (565—**470** гг. до н.э.) был родом из города Колофон, что на Востоке Греции. Из-за персидского нашествия он был вынужден покинуть родные места.

Почти 67 лет философ и поэт странствовал по Великой Греции и публично излагал свои сочинения — эпические стихи, элегии и басни. В конце концов он поселился в городе Элее на юге Италии, где и дожил до 95 лет. О своей долгой жизни Ксенофан сам говорил так:

Ксенофан

Солнце уже шестьдесят и семь кругов совершило,
Как я из края и в край мысль по Элладе ношу.
Отроду было тогда мне двадцать пять и не боле,
Ежели только могу верно об этом сказать.

Ксенофан предпринял первую в истории античной философии попытку кардинальным образом изменить представление о богах. Он критиковал то, как изображают их мифы и эпические сочинения Гесиода («Теогония») и **Гомера** («Илиада» и «Одиссея»): «Все это богам в баснях своих Гомер и Гесиод приписали, все то, что у людей грехом и позором считалось, — красть и прелюбодействовать и друг друга взаимно обманывать». Ксенофан оспаривал истинность **антропоморфных** пред-

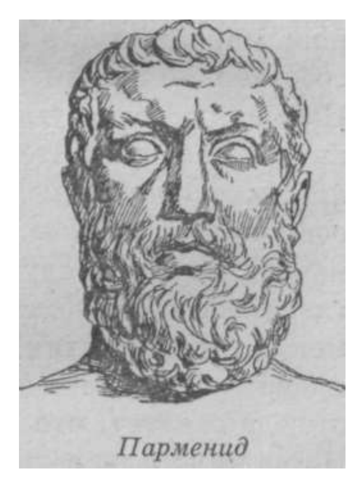
ставлений о богах, то есть приписывание им и внешнего человеческого облика, и свойственных человеку пороков. По мнению философа, такие представления искажали сущность богов, олицетворявших высшие силы мироздания, его первоначала и первопричины. Ксенофан иронически замечал: «Эфиопы своим богам приписали плоский нос и черную кожу. Тракийцы своим — синие глаза и волосы русые. Если бы волы, львы и кони имели руки или умели рисовать и поступали как люди, кони бы, подобно коням, а волы, подобно волам, изображали бы богов и наделяли бы их такими же телами, какие они и сами имели».

Сам Ксенофан попытался представить Бога как некую идеальную сущность — через идеальную геометрическую фигуру. Он дал по сути первое в истории философии **абстрактное,** не связанное ни с какими конкретными вещами **определение Бога:** ***«Сущность Бога —*** *шаровидна и нисколько не схожа с человеком; он весь — зрение, и весь — слух, но дыхания в нем нет; и он весь ум, разумение и вечность».*

Ксенофан первым разделил **человеческое познание** на два типа: познание через разум и познание через **чувства.** Лишь разум, полагал он, может дать истинное знание, а чувства обманчивы и приводят к неистинным, кажущимся знаниям. Ксенофан говорил: «Большинство слабее, чем ум». Когда **Эмпе-**

докл однажды сказал ему, что невозможно найти среди людей мудрого, Ксенофан ответил: «Конечно, ведь нужно самому быть мудрецом, чтобы узнать мудрого».

БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ? (ЗА 2000 ЛЕТ ДО ШЕКСПИРА)

Парменид

Древнегреческий философ **Парменид** (ок. 540—470 гг. до н.э.), ученик Ксенофана, излагал свои философские взгляды в стихотворной форме, часто прибегая к метафорам и аллегориям. Подобно Ксенофану, Парменид высказывал недоверие к истинности тех знаний, которые человек получает через свои природные чувства: *зрение, слух, обоняние, осязание* и *вкус.* На их основе можно лишь высказать свое **мнение (докса)** о какой-либо вещи. Настоящая **истина (алетейя)** обнаруживается в результате разумного осмысления. Мнение должно быть проверено разумом — только тогда оно может стать истиной. О Пармениде говорили, что «философию он разделил надвое — на философию истины и философию мнения».

Наши физиологические чувства обманчивы — они дают нам представление лишь о физическом мире, который все время меняется, поэтому и знание о нем изменчиво, как может быть изменчиво человеческое мнение. **Но разум** — это особое свойство человека, с помощью которого, как считал Парменид, мы способны познавать вечную, неизменную, или неподвижную истину о том, что лежит в основе мироздания, а значит — в основе нашей собственной жизни. Под основой мироздания Парменид подразумевал **сущее,** или **бытие,** которое он охарактеризовал так: оно *не возникло, непреходяще, единое, целое, устойчивое и незаконченное.* Слово *«не возникло»* означает в данном случае, что бытие было всегда, и что не было в истории мира такого момента, когда бытия не было бы. Ведь если предположить, что оно когда-то возникло, то отсюда следует, что когда-то не было ничего. Но из ничего не возникает ничего — так считал Парменид, а значит бытие всегда было и будет, то есть оно — *непреходяще.*

Единство и **целостность** бытия означает то, что, проявляясь в любом месте мира и в нашей жизни, оно проявляется всегда целиком. Например, нельзя частично соблюдать законы чести — честь либо есть, либо ее нет, она может быть лишь вся целиком, а не по частям. Устойчивость бытия означает для Парменида его неподвижность. В отличие от **Гераклита Эфесского** Парменид говорил, что

«все неподвижно», имея в виду, конечно, не физическое движение физических тел, а движение как изменение основы мира, его законов. Они неизменны, они всегда одни и те же.

Однажды Парменид поспорил с другим философом, придерживавшимся воззрений, сходных с воззрениями Гераклита. Для того, чтобы опровергнуть тезис Парменида «движения нет», ученик этого философа встал и начал прохаживаться. Тогда сам учитель побил ученика палкой, говоря, что стыдно в философском споре о сущности мира прибегать к наглядным примитивным демонстрациям.

Наряду с понятием бытия Парменид ввел понятие **небытия,** или **не-сущего,** — небытие, является ничем, не-сущее не существует. Но если так, то зачем Парменид вообще ввел понятие, которое ничего не обозначает? Здесь необходимо вспомнить последнюю характеристику бытия — незаконченность, которая предполагает, что к нему необходимо еще что-то добавить — то есть приложить усилие человеческого разума. Древние греки считали, что без человеческого усилия не может существовать ни закон, ни порядок — всё распадется в **хаос.** Так же и с бытием — без нашего усилия по его держанию оно *для нас* распадается, сдвигается в небытие. Небытие есть отсутствие бытия в жизни человека, если тот не совершает каждый раз усилия по держанию бытия в своей жизни.

Что же до самого человека, то о нем Парменид сказал весьма загадочно: «Род человеческий первое начало свое имеет от солнца, но жар и холод, из которых все состоит, сильнее и солнца».

АХИЛЛЕС И ЧЕРЕПАХА

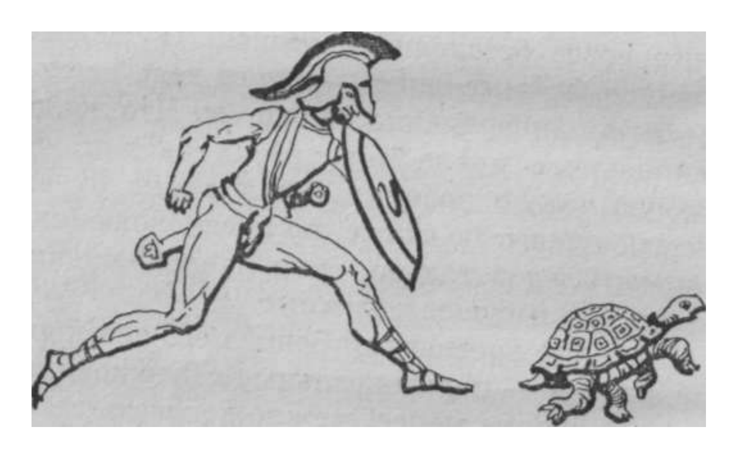
Однажды Зенон Элейский (пора его зрелости приходится на 460 г. до н.э.) спросил у своего собеседника: «Если одно зерно проса упадет на землю, услышим ли мы звук от падения?» «Нет,» — ответил тот. «А если на землю упадет мешок проса?» — «Конечно, услышим». Тогда Зенон предположил: «Нет ли определенного соотношения между мешком проса и одним зерном?» И после того, как собеседник согласился с этим, сказал: «Не может ли быть так, что существуют также соотношения между звуками? Если мешок проса производит звук, то производит ли его также одно зерно и десятитысячная часть зерна?» Так, по легенде, Зенон обосновывал тезис своего учителя Парменида о несовершенстве и ограниченности **чувственного познания.**

Зенон Элейский

Зенон прославился своими яркими и интересными логическими обоснованиями тезисов, сформулированных Парменидом. Например, тезис о **целостности** и **единстве бытия.** Допустим, что сущее (то есть всё, что существует в мире) делимо, тогда разделим его надвое, половину его опять разделим надвое и так до бесконечности. В итоге либо останутся некие предельные величины, наименьшие и неделимые, а числом бесконечные, либо сущее вовсе бесследно исчезнет. Последнее очевидно бессмысленно — сущее ведь не может быть одновременно не-сущим. Что же до бесконечного числа неделимых частиц, то каждую такую частицу мы должны будем считать сущим, но сущее, по предположению, делимо. Следовательно, само предположение неверно — и сущее неделимо.

Особенно прославили Зенона его знаменитые **апории** — парадоксальные утверждения, которые, тем не менее, можно доказать логическим путем — иллюстрирующие тезис Парменида о невозможности **движения.** Наибольшую известность получили две апории. Первая — **дихотомия** (деление пополам) — гласит, что если мы выйдем из пункта А и захотим за конечный промежуток времени прийти в пункт В, то не сможем этого сделать. Действительно, сначала нам нужно будет пройти половину этого пути, потом — половину оставшегося отрезка, потом — половину этой половины и так далее до бесконечности. Каждый раз мы' будем все ближе,

но никогда не достигнем цели. Вторая апория — *Ахиллес и черепаха* — утверждает, что если Ахиллес (как вы помните, это герой поэмы Гомера) захочет когда-нибудь догнать черепаху, то сделать этого он не сможет. Допустим, что Ахиллес, находящийся в пункте А, решил догнать черепаху, находящуюся в этот момент в пункте В. Когда он достигнет пункта В, черепаха успеет отползти в пункт

С, а когда он прибежит туда, она уже будет в пункте D, и так далее до бесконечности — Ахиллес никогда не догонит черепаху.

Конечно, наш разум отказывается верить такому абсурду, а современная математика с помощью дифференциального исчисления быстро опровергнет все эти аргументы Зенона. Но необходимо помнить, что, даже произнося обыденные слова, философ всегда вкладывает в них иной, более глубокий смысл. Он размышляет не о видимости, а о сути мира,

о **его** скрытой истине. Возможно, что слова «перейти из пункта А в пункт В» для Зенона означали — перейти от одного сущего к другому, но это невозможно — ведь сущее всегда одно.

Зенон, всегда бывший яростным противником любой тирании, мужественно вел себя, когда в результате неудавшегося заговора попал в руки элейского тирана Неарха. Когда тиран под пыткой потребовал, чтобы Зенон назвал соучастников по заговору, то философ сделал вид, что хочет назвать их и попросил тирана наклонить к нему голову, а когда тот приблизился, схватил его за ухо зубами и не выпускал, пока палачи не убили его.

По другой версии, Зенон, несмотря на страшные пытки, вел себя столь мужественно, что вдохновил этим других граждан Элей на восстание и они свергли тирана. Своим поведением он подтвердил одно из своих же изречений. Когда однажды его спросили, что дает человеку философия, Зенон ответил: *«Презрение к смерти».*

По мнению древнегреческого историка **Плутарха,** Зенон «доказал на деле, что великому мужу страшно лишь то, что постыдно, а боли боятся только дети, женщины и мужчины с женской душонкой». Сам Зенон говорил, что «легче окунуть в воду мех, наполненный воздухом, чем заставить силой хорошего человека совершить что-нибудь вопреки его воле».

ЛЮБОВЬ И ВРАЖДА

С золотым венцом на голове, бронзовыми сандалиями на ногах и Дельфийской гирляндой в руках он ходил по городам, желая снискать себе славу бога. Таков был облик Эмпедокла (484—424 гг. до н.э.), древнегреческого философа и поэта, политика и врачевателя, родившегося в Акраганте и умершего, если верить одной из многочисленных версий о его смерти, в жерле вулкана Этна.

Эмпедокл

Известно, что Эмпедокл написал два больших стихотворных философских сочинения: «Очищение» и «О природе». Он считал, что в основе мира находятся *четыре основных стихии,* каждая из которых в его представлении соотносится с определенным персонажем из греческого пантеона богов: **огонь** (Зевс), воздух (Гера), земля (Аид), вода (Нестида). Сами по себе они пассивны — все в мире образуется благодаря тому, что существуют две силы, которые смешивают и разделяют эти стихии. Эти силы — **любовь** и вражда — образуют дуалистический, то есть двухполюсный мир.

Любовь разъединяет однородное и соединяет разнородное, вражда — разделяет разнородное и соединяет однородное. Любовь, по мысли Эмпедокла, способствует созданию единого гармоничного мира, а вражда, напротив, способствует его распаду на несвязанные друг с другом стихии.

Эмпедокл одним из первых предложил очень интересную концепцию четырехступенчатого циклического развития Космоса. На первой стадии в мире властвует любовь, и мир образует некое неразличимое единство — **сфайрос.** На второй стадии в мир вторгается вражда и из первоначального единства начинают выделяться отдельные единичные вещи — это стадия частичного единства и частичного разделения, когда в мире все еще достаточно соразмерно и стабильно. На третьей стадии устанавливается власть вражды, равновесие нарушается, мир распадается на отдельные стихии. На четвертой стадии в мир вновь возвращается любовь и все опять начинает движение к единству и соразмерности.

Эмпедокл считал, что люди познают мир через свои природные чувства по **принципу познания** подобного подобным. Вот как он объяснял природу зрения: «Внутренняя часть глаза состоит из огня, а то, что его окружает, — из земли и воздуха, через которые он, благодаря тонкости своих частиц, проходит насквозь как свет в фонарях. Поры огня и воды расположены поочередно, из них порами огня

распознается белое, а порами воды — черное, так как к одному подходит одно, а к другому — другое». Иными словами, мы можем ощущать чувствами лишь то, что соприродно природе и составу наших органов чувств.

Эмпедокла считали в Греции способным творить чудеса. Так однажды, когда слишком сильные ветры грозили погубить урожай, он приказал расставить по краю поля растянутые на шестах шкуры животных — ветер утих, и Эмпедокла прозвали «укротителем ветров».

В другой раз в одном из городов случилась эпидемия из-за загрязненности реки. Эмпедокл посоветовал подвести к ней русло другой реки — вода очистилась, и эпидемия пошла на убыль — после этого Эмпедокла прозвали «великим врачевателем».

НЕБЕСНЫЙ СВОД ИЗ КАМНЯ

Однажды **Анаксагора** (500—428 гг. до н.э.) спросили, для чего он родился на свет? «Для наблюдения солнца, луны и неба» — ответил философ, которого его сограждане прозвали «Умом».

Анаксагор родился в городе Клазомены в знатной и богатой семье и по воспоминаниям современников всегда отличался великодушием. Так, когда родственники стали упрекать его в том, что он не заботится о своем добре, он ответил: «Почему бы вам самим о

нем не позаботиться?», и передал им свое имущество. В другой раз его упрекнули в том, что ему дела нет до отечества. Анаксагор ответил: «Отнюдь нет, мне очень даже есть дело до отечества», — и указал на небо.

Как-то Анаксагор предсказал падение небесного камня (метеорита), а когда тот действительно упал, то философ стал утверждать, что все небо состоит из камней и удерживается от распада благодаря быстрому вращению, а если оно замедлится, то небо упадет. Анаксагор же назвал солнце «глыбой, огненной насквозь» — за это высказывание афиняне привлекли его к суду, как за богохульство. Об этом суде до нас дошло несколько версий.

Анаксагор

По одной, Анаксагора приговорили к штрафу и изгнанию. По другой, Анаксагор уже находился вне города и казнены были его сыновья. Когда же Анаксагору сообщили об этом, он ответил: «Но ведь и мне и им давно уже вынесла свой смертный приговор природа!». По третьей версии Анаксагора спасло от казни лишь заступничество великого полководца Перикла, который спросил народ: дает

ли жизнь его, Перикла, какой-нибудь повод к нареканиям? А когда народ ответил, что нет, добавил: «А ведь я ученик этого человека. Так не поддавайтесь клевете и не казните его, а послушайте меня и отпустите». Когда же потом кто-то посочувствовал Анаксагору, что он, дескать, лишился общества афинян, он заметил: «Нет, это они лишились моего общества».

Основу философских воззрений Анаксагора составило его учение об Уме как принципе устройства Вселенной. Этот Ум (нус), «чистый, несмешанный», выделяет во всех остальных предметах однородные частицы — **семена вещей (гомеомерии).** Ум упорядочивает все в мире, проходит через все вещи. Вещи же могут соединятся и разъединяться — и это предстает перед нами либо как возникновение, либо как гибель и упадок. Таким образом, Анаксагор первым ввел понятие единого активного первоначала, которое движет миром, управляет процессами, происходящими в нем. Будучи нематериальной субстанцией, Ум, тем не менее, управляет материальными вещами, побуждает их взаимодействовать друг с другом.

Анаксагор ввел свой **принцип познания** — неподобного неподобным. Только так, считал он, мы можем различить вещи, ибо подобное сливается с подобным. «Мы распознаем горячим — холодное, соленым — пресное, кислым — сладкое». Но Анаксагор не

слишком доверял чувственному познанию — конечной инстанцией познания является человеческий разум, который, по Анаксагору, сроден космическому Уму. Например, Анаксагор не признавал того факта, что снег белый, потому что «снег •— это осевшая вода, вода черная, и снег тогда тоже черный».

Анаксагор попытался дать **определение человека,** как «самого разумного из всех животных, потому что у него есть руки». Аристотель по этому поводу язвительно заметил, что «логичнее было бы сказать, что человеку достались руки, потому что он — самое разумное из всех животных».

«АТОМНАЯ» ФИЛОСОФИЯ

Демокрит (460—370 гг. до н.э.) родился в богатом и знатном семействе в городе Абдеры. По преданию, когда Демокрит был еще мальчиком, у них в доме остановился на несколько дней персидский царь Ксеркс. В благодарность за гостеприимство царь повелел нескольким придворным мудрецам — халдеям — остаться и заботиться о воспитании и обучении маленького Демокрита. Юношей Демокрит совершил путешествие в Египет к жрецам, у которых научился геометрии, затем — в Персию, на Красное море, в Эфиопию-и даже побывал в Индии. Вернувшись в Грецию, Демокрит поступил в ученики к

философу Левкиппу (ок. 500—440 гг. до н.э.), который первым сказал, что Вселенная состоит из **пустоты** и полноты, из которых возникает и вновь распадается бесконечное множество миров, являющих собою вихревые сгустки множества разновидных тел. Эти тела Левкипп назвал **атомами.**

Демокрит, как и Левкипп, полагал, что в мире существуют два начала — пустота и атомы. Он по-своему воспринимал концепцию **Парменида** о **бытии** и **небытии.** Небытие, по Демокриту, существует и это — пустота. Бытие — не едино, но, напротив, представляет собой бесконечное множество невидимых вследствие малости своих объемов атомов.

Демокрит

Представления Демокрита об атомах несколько отличались от сегодняшних — он считал, что атомы обладают выпуклостями и крючкообразными зацепками, так что при столкновении они могут сцепляться и образовывать устойчивые структуры (тела). Атомы характеризуются величиной, формой, порядком, положением и тяжестью. Каждый атом сам по себе вечен и неизменен. Все вещи в мире существуют как сцепления

атомов: «Атомы... движутся в бесконечной пустоте, при этом они сталкиваются друг с другом, благодаря этому они соединяются, и из этого возникает все то, что мы видим».

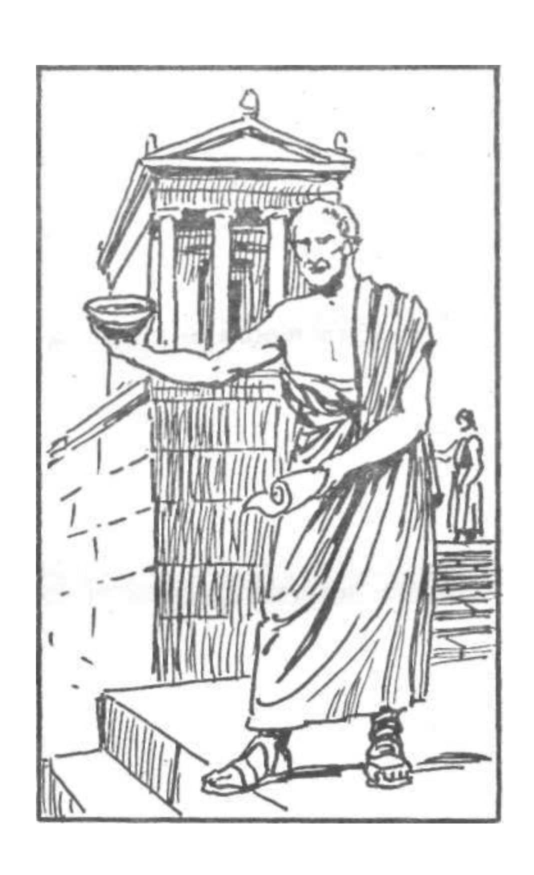
Большие скопления атомов в своем движении образуют вихревые потоки — так, по Демокриту, возникают целые миры, в которых все происходит с **необходимостью.** Демокрит отрицал существование **случайности.** Люди, говорил он, сами создали образ случайности, чтобы скрыть собственную нерасторопность. У всего, что происходит, есть своя **причина** — движение атомов. Поэтому Демокрит видел задачу **познания** в том, чтобы узнать причины всего и вся: *«Лучше было бы найти одно причинное объяснение, чем получить Персидское царство».* Такой взгляд в дальнейшем стал называться **детерминизмом.**

Познание, по Демокриту, включает в себя две ступени. Первая, низшая ступень — это **чувственное познание.** От каждого тела исходят излучения, представляющие собой тончайшие слои атомов, отделяющихся от его поверхности — их философ назвал **образами (идолами).** Органы чувств человека воспринимают именно эти образы, которые воздействуют на их атомные сцепления. Но такое познание несовершенно, ибо сцепления атомов быстропреходящи. Поэтому высшей ступенью познания является **познание разумом,** которое познает причинно-следственные связи в вещах.

С атомистикой связаны и представления Демокрита о **душе** человека. Она состоит из мелких шарообразных совершенно гладких и очень подвижных атомов, имеющих огненную природу. Душа распределена по всему телу человека и отвечает за все его действия, ощущения и эмоции, ее мыслительная часть расположена в мозгу. Жизнь души, по Демокриту, поддерживается дыханием, а когда человек умирает, то и его душа распадается на отдельные атомы.

Интересны взгляды Демокрита на взаимоотношения между отдельным **человеком** и **государством.** С одной стороны, он говорил, что «закону, чиновнику и старшему надлежит уступать», с другой — что «мудрец не должен слушаться закона, но жить свободно». Демокрит полагал, что основная задача мудреца как раз и состоит в том, чтобы понимать и формулировать законы. Роль государства он видел в том, чтобы мешать людям вредить друг другу. Главной целью человека он почитал «достижение доброй мысли», основа для которой — уравновешенность и умеренность. Сам Демокрит был очень скромен и трудолюбив, все свое имущество он растратил на путешествия, но когда он прочитал народу свое главное сочинение «Большой миространой», то настолько поразил абдерцев своей мудростью, что они вручили ему огромную по тем временам сумму в 500 талантов и воздвигли в честь него медную статую.

ГРЕЧЕСКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ, ЭЛЛИНИСТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Греческая классическая философия

«Человек есть мера всех вещей»

Я знаю только то, что ничего не знаю»

Идеальная философия

Философские мифы Платона

Строптивый ученик

Щука в… бочке

Эллинистическая философия

Философия против страха

Великодушие против страстей

Почему скептики
ничего не хотели знать?

ГРЕЧЕСКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Греческая классическая философия занимает исторический промежуток со второй половины V в. до конца IV в. до н.э. Это особая эпоха в становлении всей системы европейской философии. Прежде всего потому, что именно в ней творили такие великие титанические личности, как **Сократ, Платон** и **Аристотель.** Многие, если не все, постулаты, принципы, идеи, выраженные ими, оказывали и продолжают оказывать огромное влияние на философов и философские системы, созданные в течение последовавших затем 25-ти столетий.

Эти мыслители поставили в центр своей философии не космологические проблемы (то есть проблемы возникновения мира), а саму философию. «Я не мудрец, я только люблю мудрость», — говорил Сократ, объясняя мотивы по которым он называл себя философом. Но любить мудрость — значит стремиться понять ее. И потому мысли греческих классиков были направлены прежде всего на проблему познания, которая включает в себя обычно три главных вопроса: *Кто познает? Что познает? Как познает?* Соответственно выделились и три, скажем так, опоры философии: **субъект познания, объект познания** и **метод познания.**

Отвечая на эти три вопроса, великие философы спорили друг с другом, с другими философами — их споры стали своего рода **«вечным двигателем»** философской мысли. Первым начал спор Сократ, считавший, что **познание** начинается с **личности,** с внутреннего и внешнего мира того, кто познает. Познай себя, познай, что такое **добродетели,** — и ты получишь платформу, с которой можно будет познать и все остальное.

Эстафету спора переняли Платон и Аристотель. Платон был учеником Сократа и боготворил своего учителя, сделал его своим «философским героем». Аристотель в свою очередь поначалу учился у Платона, а потом заявил: «Платон мне друг, но истина дороже». Разошлись они во взглядах на то, с чего надо начинать познание. Платон считал — с *общего, идеального;* Аристотель — с *частного, конкретного, материального.* Так и появились философские системы **идеализма** и **материализма.** Идеи Истины, Добра, Красоты и Справедливости, объективные идеи, понятие Демиурга, Творца Вселенной — вот что внес в философию Платон. Понятия **Космического Разума,** «вечного двигателя», **формы** и материи, науки, искусства и опыта, законы логики, движения и развития, соразмерности — вот что дал философии Аристотель.

Кроме того, эти философы создали блестящие, с прекрасными традициями философ-

ские школы платонизма и аристотелизма, которые развили, умножили и передали мысли и сочинения своих основателей следующим философским эпохам.

«ЧЕЛОВЕК ЕСТЬ МЕРА ВСЕХ ВЕЩЕЙ»

Многим знакомо слово «софизм» — произносимое, как правило, с оттенком пренебрежения в голосе и обозначающее псевдомудрое, псевдоистинное высказывание. Это слово восходит к названию существовавшей в Древней Греции традиции софистов, или учителей мудрости. Они создавали школы, где обучали юношей разным наукам и искусствам, главным из которых они почитали искусство формулировать и отстаивать в споре свое мнение по тем или иным важным философским вопросам. Софисты любили рассуждать буквально обо всем — о строении мира, о бытии, о человеке и обществе, о математике, музыке, поэзии и многом другом. Часто эти рассуждения казались парадоксальными, противоречащими здравому смыслу, но софистов это мало беспокоило — главное, считали они, чтобы рассуждение, доказывающее то или иное мнение, было логически стройным. А соответствует ли оно истине или нет — неважно, ибо софисты считали, что нет и не может быть никакой общей или объективной истины.

Софисты занимали философскую позицию сомнения по отношению к тому, что утверждали до них первые натурфилософские системы Фалеса, Парменида, Гераклита, Демокрита и др. Софисты считали, что если принять точку зрения того или другого натурфилософа, то придется признать, что человеческое познание просто невозможно. Ведь познание есть процесс продвижения или развития сознания. Если же, к примеру, принять позицию **Парменида** о невозможности движения, то тогда никакой процесс, в том числе и познавательный, невозможен. Если же, напротив, принять позицию **Гераклита** о том, что «все течет, все изменяется», то получится, что познанию просто не на что будет опереться. Действительно, если я в данный момент познал что-то о предмете, то уже в следующий момент времени и этот предмет изменился, и я, познающий его, тоже изменился — таким образом, полученное знание неистинно, оно как бы повисает в воздухе.

Один из самых известных софистов, **Горгий** (ок. 483—373 гг. до н.э.), ученик **Эмпедокла,** первым сформулировал *три принципа относительности человеческого познания:* ничего не существует; если что-то и существует, то его нельзя познать; а если его и можно познать, то нельзя это знание передать и объяснить другому. Интересно, что Горгий огромное значение придавал главному из существовавших в те времена способов

передачи информации — речи. «**Речь,** — говорил он, — является могущественной владычицей, которая выполняет божественнейшие дела наименьшим и наинезаметнейшим телом, ибо способна и отогнать страх, и отвести скорбь, и вызвать заботу, и увеличить сочувствие».

Другой известный софист, **Протагор** (ок. **481—411** гг. до н.э.), рассматривая **проблему познания,** считал, что оно есть исключительно личное дело каждого человека. Нет общего, объективного знания о мире, каждый человек познает что-то свое, и сам для себя определяет истинность своего знания. Протагору принадлежит знаменитая фраза: *«Человек есть мера всех вещей»,* говорящая не о том, что человек властвует над миром, а о том, что у него нет никакого другого **критерия истинности** своего знания о мире, кроме себя самого.

Софисты прославились тем, что высказывали множество очень спорных мыслей. Чего скажем стоит только одна фраза софиста **Фразимаха** о том, что «справедливость — это не что иное, как выгода сильнейшего». Тем не менее, софистика сыграла очень важную роль в развитии философии — во-первых, она поставила вопрос об **относительности философского познания,** и, во-вторых, подготовила понимание того, что **человек есть центр философии,** и этим создала почву для появления учений таких великих философов, как Сократ, Платон и Аристотель.

«Я ЗНАЮ ТОЛЬКО ТО, ЧТО НИЧЕГО НЕ ЗНАЮ»

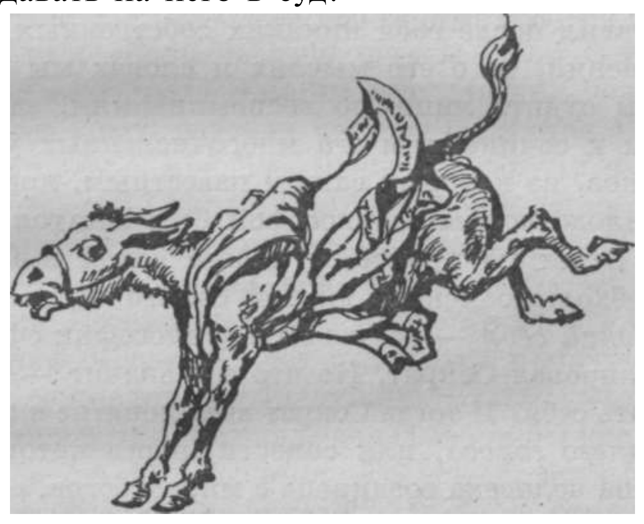
Эти слова произнес человек, чье имя стало олицетворением самой философии и классической фигуры философа — Сократ (469—399 гг. до н.э.), родившийся в бедной семье афинского скульптора Софрониска и повивальной бабки Финареты. В юности он работал подмастерьем в мастерской отца, но уже тогда был человеком необычным, отличавшимся добротой, дружелюбием, достоинством и независимостью. Один из богатых афинских граждан, Критон, привлеченный душевной красотой Сократа, дал ему денег для того, чтобы он мог получить образование.

Сократ

Очень быстро Сократ прославился как умный и находчивый собеседник в философских спорах, обладавший к тому же огромным даром красноречия. Правда, иногда ему приходилось и страдать от этого: некоторые побежденные им в споре «собеседники» колотили его и даже таскали за волосы, нередко его осмеивали и поносили, но философ воспринимал все это с завидным хладнокрови-

ем. Однажды очередной разозленный поражением афинянин пнул его ногой, а Сократ даже не повернул головы в его сторону: Удивленные свидетели спросили его, как он может все это терпеть, на что философ ответил: «Если бы меня лягнул осел, разве стал бы я подавать на него в суд?»

Сократ был не обычным ученым: он никогда не записывал своих мыслей, не пытался создать стройного учения об основах мироздания, о Космосе, о происхождении человека, животных и прочих вещей. Его не интересовали вопросы о природе первоматерии, не интересовали законы, лежащие в основе разных природных явлений. Этим он резко отличался от первых греческих философов **милетской, элейской,** или **пифагорейской школ.** Не был он и софистом: «какой я **мудрец,**

говорил он, — я только люблю и ищу мудрость, я — философ».

Целью и смыслом философии Сократа стал человек. Как жить человеку? В чем Смысл его жизни? Каким образом и для чего ему нужно познавать истину? На эти вопросы Сократ и пытался дать ответ. Поскольку он не оставил после себя никаких собственных сочинений, то о его мыслях и словах мы можем судить лишь по воспоминаниям, записям и сочинениям его многочисленных учеников, из которых самым известным, ярким и плодотворным философом был **Платон.**

Ответ на проблемы человеческой жизни необходимо искать внутри самого человека. *Познай себя* — такую цель философии сформулировал Сократ. Но что это значит — познать себя? И тогда Сократ ввел понятие *внутреннего голоса,* или **совести,** через которую душа человека соединена с миром богов, с основами бытия. Но для того, чтобы слышать его, человеку необходимо вести добродетельную или нравственную жизнь. Главными **добродетелями** Сократ считал сдержанность (способность укрощать страсти, знать меру всего), мужество (способность преодолеть опасность) и **справедливость** (то есть соблюдение божественных и людских законов). Такова основа учения Сократа, получившего название **этической философии.**

Сократ всегда стремился подтверждать свои доводы не только словами, но и собствен-

ной жизнью. **Диоген Лаэртский** так описывает участие Сократа в битвах Пелопонесской войны: «Среди повального бегства афинян он отступал, не смешиваясь с ними, и спокойно оборачивался, готовый отразить любое нападение». В другой раз один его богатый ученик, Алкивиад, предложил Сократу большой участок земли, чтобы выстроить дом, но тот ответил: «Если бы мне нужны были сандалии, а ты предложил бы мне для них целую бычью кожу, разве не смешон бы я стал с таким подарком?» Чем меньше человеку нужно, говорил Сократ, тем ближе он к богам.

Особое внимание Сократ уделял разработке **метода познания,** или способа, философствования, которое для него заключалось прежде всего в беседе. Сократ стремился в аргументах собеседника обнаружить слабые места, противоречия, которые доказывали бы неправильность его позиции. То есть к аргументам собеседника, считал философ, необходимо относиться с **сомнением** или с **иронией** — благодаря этому познающий убеждается в неправильности своих рассуждений и, начиная искать истину в другом направлении, постепенно находит верный путь.

В споре рождается истина — таков метод философствования Сократа, получивший название **маевтики.** Но дело здесь не только и не столько в том, кто кого переспорит. Знание, считал Сократ, уже содержится в душе человека от рождения, необходимо только

помочь ему родиться на свет, то есть необходимо осознать уже существующее знание. Есть притча о том, как Сократ беседовал с неграмотным мальчиком-подмастерьем. В процессе разговора мальчик сумел сформулировать теорему Фалеса, знание которой было заложено в его душе от рождения, — ему необходимо было лишь *вспомнить* это знание.

В своих рассуждениях Сократ, как правило, стремился на основе поиска общих черт разных частных жизненных случаев вывести общие нравственные законы — это стало своего рода предтечей философской диалектики, основа которой заключается в сопоставлении разных аргументов и контраргументов по решению того или иного вопроса.

Сократ прославился не только своей жизнью и философией, но даже своей смертью. Несмотря на свое дружелюбие, он, тем не менее, резко высмеивал некоторых своих сограждан за неразумность, расточительность и другие пороки. Кое-кто из них решил ему отомстить и подал жалобу в суд за якобы «нечестие и развращение юношества», требуя смертной казни.

В суде Сократ вел себя мужественно, произнес великолепную защитительную речь, содержание которой передал Платон в своем первом философском сочинении *«Апология Сократа»* («апология» означает — «защита»). Но афинская толпа была настроена против философа. Его признали виновным, а когда

стали выбирать наказание — оштрафовать его или казнить, то Сократ горько пошутил: «По заслугам моим я бы себе назначил вместо всякого наказания обед в Пританее» (Там афиняне устраивали пиры в честь особо почетных гостей и граждан города).

Озлобленные судьи приговорили его либо к смерти от яда, либо к изгнанию. Сократ выбрал смерть, так как считал, что бегство может лишить убедительности и достоверности его учение. Ожидая казни, он произнес несколько знаменитых монологов, в частности — о бессмертии души, переданный Платоном в его диалоге «Федон». А затем Сократ без колебаний выпил цикуту. Очень скоро афиняне раскаялись в содеянном, объявили траур, казнили клеветников Сократа, а в честь него самого воздвигли бронзовую статую. С тех пор греки всячески старались не притеснять философов и уж тем более — не казнить их.

ИДЕАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

От рождения будущий великий философ **Платон** (427—347 гг. до н.э.), один из создателей греческой классической философии, имел другое имя — Аристокл. Свое знаменитое имя он получил от учителя гимнастики за крепкое телосложение («платон» означает — «широкий»). Правда, некоторые его современники полагали, что он получил это имя за широту своего слова, а некоторые — что за широкий лоб. В юности Платон перепробовал много занятий: был борцом, занимался живописью, писал стихи, потом начал писать трагедии. Переворот в его судьбе случился после встречи с **Сократом.**

Платон

Однажды, когда ему было 20 лет, Платон решил поучаствовать в поэтических состязаниях и там случайно услышал беседу Сократа со своими учениками. Это так увлекло его, что он сжег написанную для состязаний трагедию и стал учеником Сократа. Сократ был для Платона непререкаемым авторитетом, позже он стал главным героем почти всех платоновских

диалогов, высказывающим точку зрения и аргументы самого автора, так что подчас трудно различить, где в диалоге выражена мысль Сократа, а где — Платона. После смерти Сократа Платон учился у последователей Гераклита Эфесского, Парменида и у великого греческого геометра Евклида, ездил в Италию к пифагорейцам и в Египет к жрецам.

Вернувшись в Афины, Платон купил имение в **Академии,** месте, получившем свое название по имени героя Гекадема. Здесь он и основал свою знаменитую **школу академической философии.** Но на этом его путешествия не закончились. У Платона сложились странные отношения с Сицилийскими правителями. На Сицилию он в течение всей жизни ездил три раза, и все три — неудачно.

Первый раз Платон приехал на Сицилию просто из любознательности — посмотреть на остров и на вулканы. Но правивший на Сицилии тиран **Дионисий** заставил философа жить при себе. Однако тиран и философ не могли ужиться долго — вскоре они рассорились. Дионисий хотел даже казнить Платона, но в итоге продал его в рабство спартанцам. Как только Платона привезли в Спарту, ему опять стала угрожать смертная казнь, поскольку спартанцы незадолго до этого постановили, что каждого афинянина, ступившего на их землю, должна ждать такая участь. Однако, узнав, что он — философ, они не решились сделать этого. В конце концов друзья Платона

выкупили его. Дионисий, понимая, какую дурную славу он заслужил за такое обращение с философом, передал Платону просьбу не говорить о нем дурного, на что тот ответил, что ему недосуг даже помнить о Дионисии.

Во второй раз Платон поехал на Сицилию к Дионисию Младшему по его приглашению. Платон надеялся, что ему позволят создать небольшую модель его знаменитого Государства, идею которого он выразил в одноименном философском трактате. Но отношения с сицилийским тираном опять не заладились, и Платона снова чуть было не продали в рабство. Третья поездка также не принесла ничего хорошего.

Были у Платона столкновения и с афинскими гражданами. Так, он единственный решился защищать своего друга военачальника Хабрия, когда того обвинили в измене. Когда он шел на суд, к нему пристал ябедник Кробил: «Ты заступаешься за другого и не знаешь, что тебя самого ждет Сократова цикута!» Но Платон ответил ему: «Я встречался с опасностями, сражаясь за отечество, не отступлю и теперь, отстаивая долг дружбы».

Платон был первым греческим философом, создавшим всеобъемлющую философскую систему. Она включает в себя представление о мире в целом, представление о человеке и его душе и представление об обществе и государстве. Основу всей философии Платона составляет учение об **Идеях, или Эйдо-**

сах (образах). Платоновские Идеи далеки от тех идей, которые время от времени просто возникают в наших головах. Для Платона — это нечто высшее, нематериальное, но тем не менее самое прекрасное и разумное, что только может быть на свете. И самое реальное, ибо Идеи заключают в себе высшее **Знание** обо всех законах и связях, на которых основывается жизнь человека и существование мира. Все наши человеческие знания и мысли, по Платону, есть лишь отражение, повторение, **воспоминание** о тех Идеях, которые, еще до рождения, могут лицезреть человеческие души.

Мир, по мысли Платона, состоит из трех частей. Главной и высшей частью является мир Идей, или бытия Идей, вторая часть — материальный мир, в котором живут люди, и третья часть — тьма, или небытие, разрушение всего того, что содержат в себе Идеи. Главными Платон считал **этические** Идеи — Идеи **Истины, Добра, Красоты** и **Справедливости.** Жить нравственно — значит жить в ощущении этих идей.

ФИЛОСОФСКИЕ МИФЫ ПЛАТОНА

Свои мысли Платон излагал через диалоги, в которых участвуют два или более собеседника, один из, которых, как правило Сократ, высказывает авторскую точку зрения по

тем или иным вопросам. Необычен и стиль диалогов — философы разговаривают на возвышенном, образном, почти поэтическом языке. Для пояснения наиболее трудных ключевых моментов своего учения Платон прибегал к особому философическому мифотворчеству. Наиболее существенными и важными считаются три платоновских мифа: миф о Пещере, миф о Колеснице и миф об Андрогине.

В мифе о Пещере Платон раскрывает картину жизни человеческого сознания в материальном мире. Представьте себе, что в некой пещере сидит узник, связанный таким образом, что может видеть лишь ее стену. А перед входом в пещеру пляшут люди с факелами, горят костры. Что видит узник на стене пещеры? Неясные, хаотическим образом движущиеся тени. Он не может знать, что происходит за пределами пещеры, — он видит лишь тени от происходящего. Так и человеку в этом мире кажется, что он видит реальную картину происходящего, а на самом деле — он видит лишь тень реальности, видит лишь отсветы Идей.

Миф о Колеснице Платон создал для иллюстрации проблемы человеческого познания. Душа человека до его рождения пребывает в некоем Небесном мире и, в числе других душ, на своей колеснице взбирается на вершину горы, с которой она смогла бы лицезреть *Занебесье* — мир Идей, расположенный даже

выше мира богов. Одновременно Платон метафорически рисует свое представление о душе человека: возница — разум; белый **конь — благородные чувства;** черный конь — низкие **страсти.** Черный конь не слушает

возницу, все время норовит сбиться с пути, мешает колеснице двигаться вперед к вершине горы. Белый конь, напротив, послушен разуму и изо всех сил тянет колесницу по правильному пути. От того, какой из коней возобладает, зависит, увидит ли душа царство Идей и насколько хорошо она сможет рассмотреть это царство. Этим мифом Платон обосновывал основной **метод познания — воспоминание.** Человек способен познать, то есть вспомнить лишь то, что имеет отношение к тем идеям, которые видела в Занебесье его душа. Все последующие системы интуитивного познания и познания верой будут основываться на этом платоновском принципе воспоминания.

Миф об Андрогине Платон изложил в диалоге *«Пир»,* посвященном **проблеме любви.** Когда-то все люди были другими — **Андрогинами** (мужеженщинами). Их тело было шаровидным, они имели по четыре руки и ноги, на круглой шее — одна голова с двумя лицами. Андрогины были сильны и могущественны, так что однажды задумали даже захватить Олимп. Тогда Зевс решил их наказать **и** разделил каждого Андрогина пополам. С тех пор люди являются лишь половинками тех изначальных людей, поэтому и бродят они по свету и ищут свою вторую половину. Так возникает любовь — тяга к обретению изначальной целостности. В том же «Пире» Платон выстроил **«лестницу познания»,** по которой любовь, великий гений человека, ведет его к вершинам истины: сначала человек влюбляется в красивое тело, потом — отдает должное красоте многих тел, затем — понимает, что есть красота выше телесной, красота души, потом — что есть Красота сама по себе, или идея Красоты.

Помимо этических идей Платон рассматривал и т.н. **объективные идеи,** отражающие структуру определенных объектов. Например, существует идея «стула», которая определяет те его качества, без которых тот или иной конкретный предмет не может быть назван стулом. Это не значит, что объект, отражающий эту идею, должен обязательно иметь форму привычного для всех нас стула. Если мы,

например, сидим на столе, то в эту минуту идею «стула» отражает именно стол, поскольку эта идея связана с человеческой потребностью сидеть на чем-то.

Еще одна идея Платона — это **идея государства,** выраженная им в одноименном обширном диалоге. **Идеальное государство** Платона — это не только проект совершенной государственной машины. «Идеальное государство» — это в буквальном смысле попытка Платона вычленить из самой природы государства, как органической формы существования человеческого общества, основную его идею. Зачем государство существует? Тенью какой идеи, необходимо присущей человеческому существованию, оно является? Платон нашел эту идею. Государство, считал он, есть объединение людей, создаваемое ими для воплощения в их жизни идеи Справедливости.

Таковы основы философии Платона, его системы **идеализма,** которая охватила практически все стороны человеческой жизни и легла в основу огромного количества последующих философских систем.

СТРОПТИВЫЙ УЧЕНИК

«Платон мне друг, но истина дороже» — так сказал о своем учителе, Платоне, другой великий философ — **Аристотель** (384—322 **гг.** до н.э.). И у него были на то свои причины.

Аристотель

В 17 лет юный Аристотель, наслышанный о славной Академии Платона, покидает дом своего отца, Никомаха, придворного лекаря македонского царя Аминта II, деда Александра Македонского. Поступив в Академию, Аристотель вскоре проявляет себя не только как один из самых даровитых ее учеников, но и как единственный академик, осмеливавшийся спорить с Платоном. Тот даже как-то раз шутливо заметил: «Аристотель меня брыкает, как сосунок-жеребенок свою мать».

Десять лет провел Аристотель в Академии, а потом вернулся в Македонию, где стал воспитателем юного Александра. Когда **Александр Македонский** вырос и стал царем, возжелавшим завоевать не только всю Грецию, но и весь мир, Аристотель не одобрил его намерений и вернулся в Афины. Здесь он организовал свою философскую школу в **Ликее** (или — Лицее).

У Аристотеля была своеобразная манера учить и вести философские беседы, все время прохаживаясь, поэтому он и его ученики были названы **перипатетиками** (от греч. «перипатео» — «прохаживаться»).

Иногда философу приходилось отвечать на каверзные вопросы. Однажды, когда он подал милостыню человеку дурного нрава, его попрекнули этим, а он ответил: «Я подаю не нраву, а человеку». В другой раз ему сказали, что кто-то бранит его заочно. Аристотель ответил: «Заочно пусть он хоть бьет меня», имея в виду, что настоящий спор можно вести только лицом к лицу с оппонентом. Даже знаменитого острослова **Диогена Синопского** Аристотель сумел победить в словесной стычке. Однажды тот предложил Аристотелю сушеных смокв. Поняв, что на случай, если он откажется, у Диогена запасена очередная подковырка, Аристотель взял смоквы и сказал Диогену: «И словцо ты потерял, и смоквы».

Именно Аристотель сказал, что корни учения горьки, зато плоды сладки. Когда же его спросили, какую пользу он извлек из философии, Аристотель ответил: *«Стал добровольно делать то, что другие делают в страхе перед законом»*.

Аристотель не соглашался с **Платоном** по основному вопросу философии — что лежит в основе мира, что движет им, вещами и людьми? Платоновскую теорию об **Идеях** Аристотель понял как представление о том, что некая самостоятельная сила движет и миром, и всеми вещами в нем. Но такой мир нельзя познавать, считал философ, ведь нельзя даже предположить, что произойдет с какой-либо вещью в следующий момент, если она

управляема силой, которая действует по одной лишь ей известным законам. Нет, решил Аристотель, познание мира нужно начинать с познания конкретных вещей, а не с заоблачных Идей. Иными словами, в познании нужно идти от **частного** к **общему,** а не от **общего —** к **частному,** как у Платона.

«Все люди от природы стремятся к знанию» — с этих слов Аристотель начал свой знаменитый труд, названный позже *«Метафизика»,* в котором он выстроил своего рода «лестницу познания». Ее ступеньками стали иерархически расположенные виды познания. Первая ступень — **чувственное восприятие** — простейший тип познания, свойственный всем живым существам, которые способны видеть, слышать, осязать предметы, имеют обоняние и вкус. Вторая ступень — **представление** — возникает на основе чувственного восприятия. Столкнувшись с чем-либо, увидев что-то, мы получаем об этом некоторое представление. Третья ступень — **опыт на** основе памяти — свойственен в основном только человеку. Аристотель приводит пример **с** врачеванием. Если Сократ, пишет он, пришел к врачу и тот, помня, что при такой же болезни такое-то лекарство помогло другому больному, дал Сократу это средство, то это дело опыта. Если же врач твердо знает, что при такой-то болезни такое-то средство помогает всем больным, то этот врач обладает более совершенным знанием — **искусст-**

вом — это и есть четвертая ступень познания. Опыт, говорил Аристотель, есть знание о единичном, тогда как искусство есть знание об общем. Но есть и пятая, высшая ступень — **наука** — знание о первоначалах и первопричинах. Не совсем обычна история появления названия **«Метафизика».** Это слово придумал не Аристотель, а его последователь **Андроник Родосский,** живший в I в.н.э., который издал первое собрание сочинений великого философа. После тома аристотелевой «Физики» шел том, в котором были собраны трактаты, посвященные проблемам сущего, бытия, первоначал и первопричин — их-то Андроник и назвал «Метафизикой» (т.е. — после физики). В дальнейшем этим термином стали обозначать те разделы философии, которые посвящены проблемам **онтологии,** т.е. проблемам бытия и первопричин мира.

Аристотель считал, что в основе мира лежит **первоматерия,** которую он однако не воспринимал как что-то конкретное — это своего рода возможность, **потенция** существования вещей в мире. Сами же конкретные вещи образуются лишь когда первоматерия получает **форму** — так образуется **реальное,** или **актуальное, бытие.** Бытие вещей есть *материя плюс форма* — такова формула Аристотеля. Прежде всего, считал он, мы имеем дело **с** каждой конкретной вещью, поэтому для нас важно в ней то, что отличает **ее** от всех других вещей в мире, — это **первичная сущность**

вещи. Но многие вещи имеют и общие признаки, по которым их можно объединить **в роды** и **виды** — их он называл **вторичной сущностью** вещи.

Все в мире движется, считал Аристотель, причем движется не просто так, а к некой цели. Такое движение философ назвал **энтелехией,** или развитием. У всякого движения должна быть причина, следовательно должна существовать и первопричина, которая когда-то впервые побудила материю к образованию формы. Аристотель, следуя собственной логике, пришел к неизбежности предположения о **первоначале,** или перводвигателе. Так появилось в философии понятие **«вечного двигателя», Космического разума,** частью которого является личный разум человека.

Все другие **причины** движения Аристотель разделил на четыре вида: **материальная, формальная, активная** и **финальная.** Скажем, если плотник мастерит стул, то материальной причиной стула является дерево, формальной — форма стула, активной — сам мастер, а финальной — то, для чего предназначен этот стул.

Что же до человека, то ему, считал Аристотель, необходимо в жизни прежде всего чувство **меры.** Например, слишком богатым быть нехорошо, но и слишком бедным — тоже. Аристотель различал и виды **души: вегетативную** (растения), чувственную (животные), разумную (человек). Разумная душа человека после его смерти соединяется с Космическим разумом. В соответствии с чувством меры, гармонии и своей тяги к классификации Аристотель даже типы государственного устройства разделял на естественные и неестественные.

Аристотель выступил в греческой философии как великий классификатор и систематизатор, проповедник рассудочного, логического познания. Он стал основателем системы **материализма.**

ЩУКА В... БОЧКЕ

Однажды великий полководец Александр Македонский подошел к философу, который лежа грелся на солнце, и предложил ему в знак уважения исполнить любое его желание. «Хорошо, — ответил философ, — у меня к тебе только одна просьба: отойди, ты заслоняешь мне Солнце». Этим философом был знаменитый **киник Диоген Синопский** (404—323 гг. до н.э.), изгнанный из своего родного города и живший теперь в Афинах в глиняной бочке. Что же до Александра, то он не

обиделся — он был даже польщен тем, что люди считают, будто он способен заслонить само Солнце.

Киническая философия возникла как одно из необычных продолжений сократовского подхода к философствованию. Ее основателем был **Антисфен** (ок. 446—366 гг. до н.э.), ученик Сократа. Как и **Сократ,** киники ставили в центр своей философии этические идеалы, такие, как добродетель, честность, независимость личности. Более всего они заботились о независимости собственных суждений и **с**

большим сомнением относились к таким философам, как **Платон** и **Аристотель,** претендовавшим на установление истины о мире и человеке. Киники, особенно этим прославился Диоген, высмеивали таких философов, показывали несостоятельность многих, вроде бы очень привлекательных, теорий. Хотя за ними

Диоген

закрепилась репутация пересмешников (известное нам слово «циник» есть слегка переделанное от «киник»), тем не менее, они внесли весомый вклад в развитие философского и научного мышления. Например, Антисфен цервым дал определение **научного понятия:** *«Понятие есть то, что раскрывает, что есть или чем бывает тот или иной предмет».* Свое название киническая школа получила по месту, где преподавал Антисфен — гимнасий Киносарге, что означает буквально «зоркий пес». Основной принцип киников — *достаточно быть добродетельным, чтобы быть* ***счастливым.***

Диоген из Синопа был учеником Антисфена, хотя само ученичество нелегко ему далось. Когда он первый раз пришел

к Антисфену, тот замахнулся на Диогена палкой. Диоген, подставив голову, сказал: «Бей, но ты не найдешь такой крепкой палки, чтобы прогнать меня, пока ты что-нибудь не скажешь». Диоген провел самую простую жизнь — такая жизнь была идеалом киников. Сначала он спал только на собственном плаще, а позже поселился в глиняной круглой бочке — в таких обычно хранили зерно или вино. При этом Диоген закаливал себя — летом он лежал на горячем песке, а зимой обнимал статуи, запорошенные снегом.

Прославился Диоген своими язвительными саркастическими высказываниями, подчас ставившими в тупик высокоумных и рассудительных философов. Но ведь на то и щука в озере, чтобы карась не дремал. Диоген говорил, что когда видит правителей, врачей или философов, то ему кажется будто человек — самое разумное из всех животных, но когда он встречает снотолкователей, прорицателей или людей, которые им верят, а также тех, которые чванятся славой или богатством, то ему

кажется, будто ничего на свете нет глупее человека. Когда **Платон** заявил, что дал определение человека: «двуногое существо без перьев», то Диоген на следующий день стал показывать всем общипанного петуха, со словами: «Вот вам человек Платона». Пришлось последнему внести поправку в свое определение — «с плоскими ногтями».

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Эллинистическая философия IV—II вв. до н.э. — это философия, возникшая в начале заката великой греческой цивилизации. Позади смелые попытки досократиков решить проблему зарождения и функционирования Космоса, позади грандиозные философские построения Платона и Аристотеля, которые, с одной стороны, ответили на множество вопросов, а с другой — открыли еще большее количество проблем и поводов для бесконечных философских споров. И вот на смену им пришли люди, которых волновали не столько проблемы строения Космоса или проблемы познания, сколько вопросы: *Зачем жить? Как жить?* Очень зыбкие вопросы, ведь даже само понятие «жизнь» несет в себе некоторую неопределенность, ибо «жить» — значит «быть в каждый последующий момент времени другим». Но философы той эпохи попытались

дать свой ответ на эти вопросы и тем положили начало великому, длящемуся и по сей день спору об «образе жизни».

Позади был гром оглушительных побед Александра Македонского, создавшего Македонско-греческую империю, которая распалась сразу после его смерти. В Греции наступает время постепенного политического и духовного угасания, в результате которого уже в 146 г. до н.э. она превратится в провинцию начинающей свое восхождение в мировой истории Римской империи. Наверное философам, которые не могли не заметить признаков начинающегося упадка, наблюдать эту картину изнутри было не очень весело. Как еще объяснить тот факт, что, ставя себе целью в жизни добиться «счастья», и **эпикурейцы,** и **стоики,** и **скептики** дружно заявляли, что дорога к счастью лежит через полное спокойствие души **(атараксию).** Спорили они лишь о путях достижения этого спокойствия. Эпикурейцы считали, что нужно избавиться от надуманного страха и исполнять лишь необходимейшие желания. Стоики пытались жить *согласно с природой,* то есть — добродетельно и разумно, не поддаваясь затемняющим разум **страстям,** не теряя хладнокровия, что бы вокруг ни происходило. Наконец, скептики решили просто — не знать, то есть и не стремиться знать; ибо знать, говорили они, все равно невозможно, и эта невозможность заложена в человеческой природе.

ФИЛОСОФИЯ ПРОТИВ СТРАХА

Чего только не рассказывали об **Эпикуре** (342—271 гг. до н.э.), основателе одного из интереснейших направлений в философии — **эпикуреизма,** или **эпикурейства.** Его обвиняли и в праздности, и **в** склонности к обжорству и разным наслаждениям, и даже в том, что он, якобы, пытался присвоить учение **Демокрита** об атомах. Одним словом, Эпикур еще при жизни получил весьма сомнительную славу. Еще более сомнительную славу прожигателей жизни, во что бы то ни стало стремящихся удовлетворить свои прихоти, получили его последователи-эпикурейцы. Тем не менее, как пишет об Эпикуре известный историк древнегреческой философии, **Диоген Лаэртский,** его учение стало одним из самых популярных в античном мире. А многие мысли, высказанные им, продолжают жить **в** философии вплоть до нашего времени.

Эпикур

Эпикур начал философствовать уже в 14 лет. Его взгляды на строение мира сформировались в основном на основе учений Де-

мокрита и Анаксагора. Как и они, Эпикур считал, что *«ничто не возникает из несуществующего и не разрушается в несуществующее»,* ибо тогда все просто давно погибло бы. Поэтому в основе мира, полагал Эпикур, находится бесчисленное множество атомов, а между ними — столь же беспредельная по обширности пустота. Все состоит из атомов и определяется их движением и взаимодействием. Но если, по мнению Демокрита, в мире все жестко предопределено из-за движения атомов, то Эпикур считал, что благодаря хаотичности их движения, наряду с необходимостью существует и случайность, то есть — свобода выбора действий, которой может воспользоваться человек.

Душу человека Эпикур называл *вторым телом,* состоящим из трех элементов: ветра, тепла и *тонких* атомов, которые и соединяют ее с физическим телом. Именно душа человека позволяет ему чувствовать себя и окружающий мир. Пока жива душа, говорил Эпикур, человек чувствует и ощущает, но если «второе тело» распадается (а это происходит при смерти физического тела), то отмирают все чувства и способности.

В философии Эпикура учение о душе занимает самое важное место, ибо именно с понятием души связывает он цели и поведение человека в жизни. Целью жизни Эпикур считал достижение так называемого **спокойствия души (атараксии).** Этого душевного состоя-

ния можно достичь при соблюдении двух условий: во-первых, освободиться от **страха,** и, во-вторых, удовлетворить все необходимые потребности.

По Эпикуру, есть два основных типа страха — страх смерти и страх перед **богами.** Но смерти, говорил Эпикур, нет нужды бояться, поскольку душа человека смертна. Значит, после смерти человека не ожидают ни боль, ни страдания — ничто. Пока мы есть — смерти для нас нет, когда наступает смерть — нас уже нет, поэтому смерти нет ни для живых, ни для мертвых.

Что же до **богов,** то взгляды Эпикура в этой области тоже весьма необычны. Он не утверждал, что богов нет, напротив, он полагал, что они есть — бессмертные и блаженные. Они тоже состоят из атомов, но в отличие от земных существ обладают способностью вечно обновлять свой атомный состав, не допуская процесса распада. Но это означает, говорил Эпикур, что боги живут в особых областях — междумириях — блаженных островах, которых не достигают бушующие в обычных мирах разрушительные стихии. Поэтому-то богам нет дела до того, что происходит в человеческом мире, — вмешательство в него разрушило бы их самих. Так что бояться кары богов здесь, на земле, тоже неразумно. Боги не могут быть врагами человека — им просто нет до него дела, считал Эпикур.

Но, избавившись от страха, человек оказывается перед второй проблемой — проблемой удовлетворения возникащих у него желаний. Превыше всего Эпикур ставил **наслаждение** — из-за этого понятия и возникает путаница в понимании его учения, а заодно и все слухи о его обжорстве, праздности и т.д. На самом деле, как пишет Диоген Лаэртский, Эпикур был невероятно благочестив и скромен, никогда не уклонялся от трудностей и бед. Нарицательным обозначениемм роскоши и удовольствий стало выражение *«сады Эпикура»* — на самом же деле у него был один небольшой сад, купленный им за весьма умеренную цену. Что же до «обжорства» Эпикура, то знавшие его близко люди сообщают, что пил он, как правило, воду, а ел простой хлеб. В одном из писем другу Эпикур писал: «Пришли мне горшочек сыра, чтобы можно было пороскошествовать, когда захочется». Дело в том, что под наслаждением Эпикур понимал прежде всего устранение всяческой боли и страдания — душевного и физического. *«Никакое наслаждение,* — говорил он, — *само по себе не есть зло, просто средства достижения иных наслаждений доставляют куда больше хлопот, чем наслаждений»*. Проблема наслаждения для Эпикура заключалась в умении разумно отделить желания, которые необходимо выполнять, от желаний, которые выполнять не нужно и даже вредно.

Эпикур выделил три типа желаний. Первый тип: желания **естественные и необходимые,** то есть те, которые избавляют от страдания (например желание воды при жажде). Второй тип: желания **естественные и не необходимые,** то есть те, которые только разнообразят наслаждения, но не снимают страдания (например роскошный пир). Наконец, третий тип: желания **неестественные,** которые не только не устраняют боль, но и являются плодом празднomыслия (например желание памятника после смерти). Эпикур считал, что необходимо выполнять лишь желания первого типа, и тогда можно достичь спокойствия души.

Свое представление о естественности Эпикур переносил и на сферу взаимодействия между людьми, на сферу закона и **справедливости.** Он ввел понятие **естественного права** как договора о пользе, цель которого не причинять и не терпеть вреда. Соответственно и справедливость, по Эпикуру, есть соблюдение этого договора, который *«заключается при общении людей и всегда применительно к тем местам, где он заключается».* Эпикур предложил даже своего рода критерий справедливости того или иного закона — справедливо только то, польза чего подтверждается нуждами человеческого общения.

Умер Эпикур в 72 года от тяжелой болезни почек. По рассказам очевидцев, он лег **в**

медную ванну с горячей водой, попросил чашу неразбавленного вина, выпил, пожелал друзьям не забывать его учений и скончался.

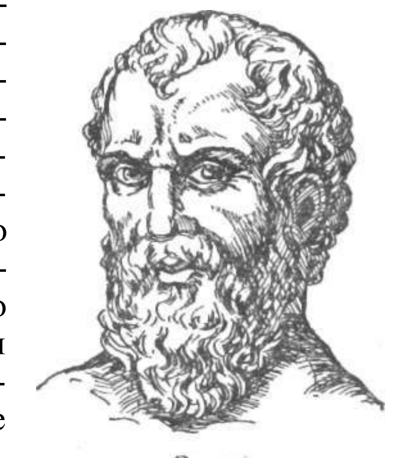
ВЕЛИКОДУШИЕ ПРОТИВ СТРАСТЕЙ

Однажды **Зенои из Кития** (336—264 гг. до н.э.), что на Кипре, обратился к оракулу с вопросом, как ему жить наилучшим образом, и оракул ответил: «Взять пример с покойников». Предначертания оракула нельзя понимать буквально, поэтому Зенон, поразмыслив, начал читать древних писателей и философов. Через некоторое время ему пришлось плыть из Финикии в Пирей с грузом пурпура, и его корабль потерпел крушение. Зенон, однако, спасся и через некоторое время добрался до Афин.

В Афинах он прежде всего зашел в книжную лавку и увидел там книгу философа **Ксенофонта** «Воспоминания о Сократе». Про-

чтя ее, Зенон пришел в такой восторг, что тут же начал спрашивать у прохожих, к кому ему нужно обратиться, чтобы стать учеником философа. В это время мимо проходил афинский философ-киник, ученик Диогена, **Кратет** (сказавший как-то, что философией нужно заниматься до тех пор, пока не поймешь, что нет никакой разницы между вождем войск и погонщиком ослов), и афиняне посоветовали Зенону обратиться к нему. Так будущий основатель **стоической философии** стал учеником киника. Позже Зенон ушел от Кратета и учился у других философов, а затем основал собственную школу.

В самом центре Афин в те времена возвышалось сооружение, выстроенное в V в. до н.э. афинским полководцем, героем греко-персидских войн Кимоном. Это была зала с колоннадой, именуемая Пестрой (Расписной) Стоей. Украшенная многочисленными фресками, она символизировала военные подвиги греков как в исторические, так и в мифические времена. Но к тому времени, когда, прохаживаясь по этой зале, излагал свои философские суждения Зенон, она уже не пользовалась доб-

Зенон

рой славой. Напротив, во времена Тридцати тиранов здесь проходили судебные процессы, в результате которых было казнено почти полторы тысячи афинских граждан. Полагают, что Зенон выбрал Пеструю Стою из скромности — он считал, что в такое место не придет много народа. С тех пор Зенон и его последователи стали именоваться **стоиками.**

В своей философии Зенон и его ученики на первое место выдвигали проблему блага и зла в человеческой жизни. В воззрениях на устройство мира они придерживались атомной концепции Демокрита, причем в отличие от Эпикура считали, что движение атомов предопределено, а следовательно, и в жизни человека властвует предопределение — человек не волен в выборе тех жизненных обстоятельств, в которые он попадает. А если так, рассуждали стоики, то главное для человека научиться, несмотря на обстоятельства, действовать так, чтобы не лишиться главного своего качества — **добродетели.**

Добродетельная жизнь для стоиков — это жизнь *в согласии с природой,* что фактически означает жизнь в согласии с разумом. Ибо именно природой, проникнутой божественной силой, человеку в качестве «совершенного вождя» дан разум. Жить разумно — это значит жить в согласии со всеобщим божественным законом, воздерживаться от всего того, что им запрещено. Это, считали стоики, создает человеку ровнотекущую счастливую жизнь.

Что есть **добродетель** в представлении стоиков? На первом месте среди добродетелей у них разумение, то есть знание, что есть зло, а что — добро, а что — ни то ни другое. Вторая добродетель — **мужество,** то есть знание, что предпринять, чего остеречься, а в чем не держаться ни того ни другого. Третья добродетель — сдержанность — это способность не переходить меру, определенную разумом, самообладание. Четвертая добродетель — **справедливость** — зиждется на знании природных законов и их исполнении. И, наконец, пятая добродетель — особая стоическая добродетель — это **великодушие,** то есть знание или самообладание, позволяющее быть выше всего, что с тобой происходит, как хорошего, так и дурного. Именно стремление следовать пятой добродетели — величию души — принесло многим стоикам славу, а стоическому учению — заслуженную популярность.

Например, однажды во время представления в театре один поэт прочел стихотворение, в котором издевался над присутствовавшим здесь же стоиком **Клеанфом,** учеником Зенона. Клеанф даже не пошевелился — и восхищенный таким самообладанием народ стал рукоплескать Клеанфу, а поэта выгнал из театра. Когда же смущенный поэт пришел к Клеанфу просить прощения, тот простил его, сказав: «Раз уж Дионис и Геракл не гневаются на насмешки поэтов, то нелепо было бы и мне сердиться на случайную брань».

Злом стоики почитали все, что по своей сущности противоположно добродетели или благу: неразумие, трусость, разнузданность, несправедливость, малодушие. Всякое благо стоики почитали прекрасным, а зло, напротив, — безобразным. Но откуда берется зло? Прежде всего из действий или желаний неразумных, несогласных с природой. От неразумия, заблуждения, считал Зенон, в душе человека происходят движения несогласные с природой — их он называл **страстями.**

Стоики сформулировали целый перечень страстей, разделив их на четыре главных вида: **скорбь** (неразумное душевное сжатие), **страх** (ожидание зла), желание (неразумное возбуждение) и наслаждение (неразумное возбуждение к предмету, который лишь по видимости предпочтителен). Эти виды, в свою очередь, также делились. Например, к скорби стоики относили такие страсти, как *зависть* (скорбь о чужом благе), *ревность* (скорбь о том, что другому досталось То, чего хочется самому) и *соперничество* (скорбь, когда другой располагает тем же, чем и ты).

К страху относили *робость* (страх совершить действие), *испуг* (страх, от которого отнимается язык) или *стыд* (страх бесчестия). Но разве бесчестия не следует бояться? Дело в том, что стоики требовали различения между настоящим бесчестием (к которому относили, скажем, потерю одной из стоических добродетелей), и бесчестием ложным, кажущимся.

К желаниям стоики относили *враждебность* (желание зла другому, причем долгое и усиливающееся), *гнев* (желание наказать того, кто, по-твоему, незаслуженно обидел тебя) или *любовь* (стремление к сближению, вызванное видимостью красоты). Конечно, стоики не отрицали вообще любовь. Скажем, любовь к благу, а следовательно и к красоте, настоятельно ими рекомендовалась, однако, считали они, необходимо различать истинную красоту — красоту души, и красоту видимую, то есть — только внешнюю.

Наконец к наслаждениям стоики относили такие страсти, как *злорадство* (наслаждение от чужих несчастий), *очарование* (наслаждение, получаемое через слух) или *распущенность.* Невозможность избавиться от этих страстей стоики расценивали как своего рода болезнь души.

Но все-таки стоики не считали, что душа человека должна освободиться вообще от каких-либо движений. Они рассматривали и три типа так называемых **«добрых страстей»: радость** (противоположна наслаждению), **осторожность** (противоположна страху) и **воля** (противоположна желанию). Идеалом человека у стоиков выступает мудрец — человек, достигший вершин знания и понимания природы и ее законов, неподверженный страстям, безыскусный в жизни, пекущийся о личном и общественном благе. **Мудреца** стоики называли даже божественным, ибо такой

человек провидит растворенного в природе бога, чувствует его и понимает.

Философы-стоики дали множество примеров великодушного, мужественного, хладнокровного, несмотря на обстоятельства поведения. С тех пор такое поведение и называют **стоическим.**

Зенону было уже 98 лет, когда, спускаясь с лестницы, он споткнулся, упал и сломал палец. Тут же, постучав рукой оземь, он промолвил стихотворную строчку: «Иду, иду, зачем зовешь?» — и умер на месте, задержав дыхание.

ПОЧЕМУ СКЕПТИКИ НИЧЕГО НЕ ХОТЕЛИ ЗНАТЬ?

«Он ничего не называл ни прекрасным, ни безобразным, ни справедливым, ни несправедливым и вообще полагал, что истинно ничто не существует, а людские поступки руководятся лишь законом и обычаем — ибо ничто не есть в большей степени одно, чем другое» — так **Диоген Лаэртский** описал суть философских воззрений одного из основателей третьего направления эллинистической философии — **скептицизма — Пиррона Элидского** (360—270 гг. до н.э.). **В** юности Пиррон был живописцем, потом стал учеником философа **Анаксарха,** знаменитого тем, что он разубедил **Александра Македонского,** возом-

нившего себя богом. Вместе с Анаксархом Пиррон встречался с индийскими толкователями Вед и персидскими магами. В конце концов он пришел к выводу о невозможности познания как такового и о необходимости воздержания прежде всего от суждения о чем бы то ни было, от каких-либо эмоций и реакций на происходящее вокруг него и с ним самим. В этом и был основной смысл **скептической философии.**

Пиррон Элидский

Пиррон ни от чего не уклонялся и ничего не сторонился, не считался ни с какими опасностями, правда от многих опасностей его оберегали друзья. Когда Пиррон шел по улице, он как бы Ничего не замечал. Однажды его учитель Анаксарх попал в болото, а Пиррон прошел мимо, не подав ему руки. Многие граждане стали его бранить за это, а сам Анаксарх восхвалял — за безразличие и безлюбие. Про него ходили анекдоты, что он сам носил на базар продавать кур и поросят, а когда прибирал в доме, то по своему всегдашнему безразличию мыл и свинью. Однако когда кто-то обидел его сестру, Пиррон сильно разгневался, когда же его упрекнули в

этом, то он ответил, что «не за счет женщины подобает щеголять безразличием».

О его самообладании говорит и такой случай. Однажды Пиррон плыл на корабле с товарищами и попал в бурю. Друзья его сильно испугались, а Пиррон подбодрял их, приводя в качестве объекта для подражания корабельного поросенка, который знай себе ел и ел, несмотря ни на какую бурю.

Как и эпикурейцы, и стоики, скептики стремились в философствовании и в жизни достичь атараксии, то есть **спокойствия души.** Мир задевает нас, мир тревожит наш разум и наши чувства, заставляет их напряженно работать в поисках истины, в поисках определения, что есть добро, а что — зло, что есть благо, а что — нет, что есть красота, а что — безобразие. Но под силу ли это человеческому разуму и чувствам? Нет, не под силу ~ так считали скептики, и потому для достижения душевного равновесия необходимо отказаться от всяческих попыток узнать, понять, рассудить.

Скептики пытались объяснить и даже доказать правомочность своих сомнений относительно способностей человека к познанию. Пиррон создал целую цепочку из десяти доказательств, или десяти **тропов.** Первый троп: у всех, и у людей, и у животных чувственные органы индивидуальны и по-разному определяют свои ощущения. Второй: у каждого человека свои собственные наклонности

и предпочтения. Третий: разные органы чувств одного человека дают совершенно разные представления о вещах (яблоко для зрения желтое, для вкуса — сладкое, для обоняния — душистое). Четвертый: наши чувства и наше восприятие меняются в зависимости от нашего состояния (сон, бодрствование, молодость, старость и т.д.). Пятый: в зависимости от воспитания, обычаев у нас у всех разные представления о Добре и зле, о прекрасном и безобразном, об истинном и ложном, о богах и т.д.

Шестой говорит о том, что все вещи и элементы, из которых они состоят, перемешаны так, что мы не можем разделить их и выделить в чистом виде (так камень, тяжелый в воздухе, в воде гораздо легче — и непонятно, то ли он легкий, а в воздухе тяжелеет, то ли он тяжелый, а в воде легчает). Седьмой: наше представление о вещах зависит от того, из какого положения, с какого расстояния мы их воспринимаем (то, что вблизи велико, издали кажется малым). Восьмой: в зависимости от качества и количества одни и те же вещи по-разному влияют на нас (пища в малом количестве дает силы, а в большом — наводит истому). Девятый: одни события случаются часто, а другие — реже, поэтому и возможности их познания разные и интерес к ним разный — одни вещи привычны, другие непривычны. Десятый троп: все понятия, которыми оперирует наша мысль,

относительны — день-ночь, низ-верх — то есть произведены не природой, а нашей же мыслью. А все, что относительно, — непознаваемо само по себе.

Таков пафос скептической философии — ничего познать нельзя, ибо *одно не более, чет другое.* Поэтому скептики, решая неизбежные практические проблемы, руководствовались принципом **«мягкости»** и **«терпимости»,** стараясь воздерживаться от явного вреда.

О философском авторитете Пиррона говорит то, что сам Эпикур часто расспрашивал об этом удивительном скептике, а сограждане Пиррона назначили его верховным жрецом и ради него освободили всех философов от налогов.

ФИЛОСОФИЯ
ДРЕВНЕГО РИМА

Философия древнего Рима

От политического красноречия к философии

Воспитатель тирана

Раб, который всегда был свободным

Философ на троне

Философский экстаз

ФИЛОСОФИЯ ДРЕВНЕГО РИМА

К I веку до н.э. Римская республика становится самой мощной державой в Средиземноморье. Греция уже почти полвека как находится под ее владычеством, но парадокс в том, что и Рим находится под своеобразным владычеством Греции, — это владычество греческой культуры и философии. Римляне ездят в Грецию учиться, римские философы продолжают развивать философские учения классического и эллинистического периодов: **платонизм, аристотелизм, стоицизм, эпикурейство, скептицизм.**

Одним из первых по времени философов Рима был эклектик **Цицерон. Эклектическая философия** пыталась совместить различные стороны предшествующих философских школ. Платонизм (особенно в рассуждениях о Государстве), стоицизм, эпикурейство и скептицизм смешаны в философии Цицерона. Какие-то стороны этих учений он отвергал, какие-то хвалил, но в этом обнажился один очень существенный для всей римской философии момент — проблема действия, деяния. Цицерон и рассматривал все эти течения с точки зрения пользы для действия, для реальной практической жизни, прежде всего — жизни политика, государственного деятеля, римского гражданина. Это для Цицерона было самым важным.

Прославили римскую философию и замечательные **философы-стоики: Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий,** пытавшиеся ответить на вопрос: как жить и действовать, когда ты ощущаешь, что мир рушится вокруг и вот-вот погребет и тебя под своими обломками? Их философские системы объединяет один и тот же пафос — действовать, несмотря ни на какие обрушивающиеся на тебя невзгоды и несчастья, действовать, пока физически можешь, пока жив.

Эпикуреец **Тит Лукреций Кар** (ок. 95—55 гг. до н.э.), исповедовавший принцип «спокойной и счастливой жизни», написал поэму «О природе», в которой изложил все основные положения эпикурейской философии. Скептик **Секст Эмпирик** (ок.200—ок.250) доказывал необходимость руководствоваться не философскими догмами, а прежде всего обычным здравым смыслом. По-своему действовал и неоплатоник **Плотин:** считая земной материальный мир иллюзорным и злым, он стремился к духовному действию — **экстазу,**

Тит Лукреций Кар

выходу души за пределы материальной оболочки (тела). Молчание и сосредоточение — таким было жизненное кредо неоплатоников.

Сопрячь свой внутренний мир, состояние своей души со своими действиями в этом мире, в этой жизни — таков основной пафос римской философии.

Секст Эмпирик

ОТ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРАСНОРЕЧИЯ К ФИЛОСОФИИ

Марк Туллий Цицерон (106—43 гг. до н.э.), знаменитый оратор, юрист, политик, а в конце жизни — философ, родился в провинциальном городке Арина, располагавшемся в 150 км от Рима. Родители его принадлежали к сословию римских всадников, второму после высшего сословия патрициев и сенаторов. Семья его была не слишком родовитой, не столь уж далекие предки происходили из свободных крестьян-огородников. И ставшее впоследствии столь знаменитым имя Цицерон образовано от плебейского прозвища Цицеро, обозначавшего одну из разновидностей гороха.

Цицерон

Происхождение во многом определило неспокойную и трагическую судьбу Цицерона. Всадническое сословие, к которому он принадлежал, находилось в особом положении — между сенатом и плебсом. Когда отцы-сенаторы забирали себе слишком много привилегий, всадники побуждали плебс к недовольству и бунту, требуя от сенаторов уступок. Уступки как правило делались самим всадникам, которые тут же бросали взбунтовавшийся плебс на произвол судьбы. В итоге простонародье называло всадников предателями, а сенаторы считали их выскочками.

В юношеском возрасте Цицерон прибыл в Рим, намереваясь со временем сделаться знаменитым и покорить Вечный город. Он получил блестящее эллинское образование, изучая греческий язык и литературу, философию, математику, риторику, латинскую грамматику, юриспруденцию. Философии Цицерон обучался у греческих мудрецов, принадлежавших к разным философским школам, — эпикурейца Федра, скептика Филона, стоика Диодота. Цицерон хотел знать разные точки зрения на проблемы мироустройства, государ-

ства и права, этические и нравственные проблемы, и даже на то, что представляют из себя боги и как они влияют на жизнь человека. В дальнейшем он будет стремиться взять от каждого из основных течений философской мысли то, что покажется ему наиболее правдоподобным и логически стройным, и соединить эти философские кусочки, или фрагменты, в некую новую систему. Так появился эклектизм — философское течение, собранное из фрагментов разных философий.

Закончив с отличием школу в Риме, Цицерон занялся адвокатской практикой, но в его судебных речах явно проскальзывали и его политические взгляды. В Риме царил жестокий тиран Сулла, которому не понравились блестящие речи молодого ритора, и Цицерон был вынужден уехать в Афины, остававшиеся центром наук и искусств. В Афинах Цицерон усовершенствовал свои знания в философии и риторике. Когда он уезжал, один из лучших греческих риторов, Молон, сказал ему: «Я, конечно, хвалю и удивляюсь тебе, Цицерон, но меня тревожат судьбы Греции. У нее ничего больше не осталось, кроме знаний и красноречия, но и те ты увозишь с собой в Рим».

Вернувшись в Рим после смерти Суллы, Цицерон полностью посвящает себя политической карьере. Он произносит множество великолепных речей, направленных на укрепление республиканских устоев Рима и защиту благосостояния его граждан. Он становит-

ся очень популярным в народе, и даже завоевывает симпатии сената. В 63 г. до н.э. Цицерон достиг, наконец, предела своих мечтаний: он избирается на высшую государственную должность в Риме — пост консула. На этом посту Цицерон раскрывает и уничтожает заговор военачальника Катилины против республики. Его речи *«Против Катилины»* стали хрестоматийным примером ораторского искусства.

Но триумф Цицерона на посту консула стал и началом его падения. Он выступил против пришедшего к власти триумвирата Цезаря, Помпея и Красса, и те натравили на него сторонников погибшего Катилины. В 58 г. до н.э. Цицерон, не дожидаясь приговора, добровольно удаляется в изгнание.

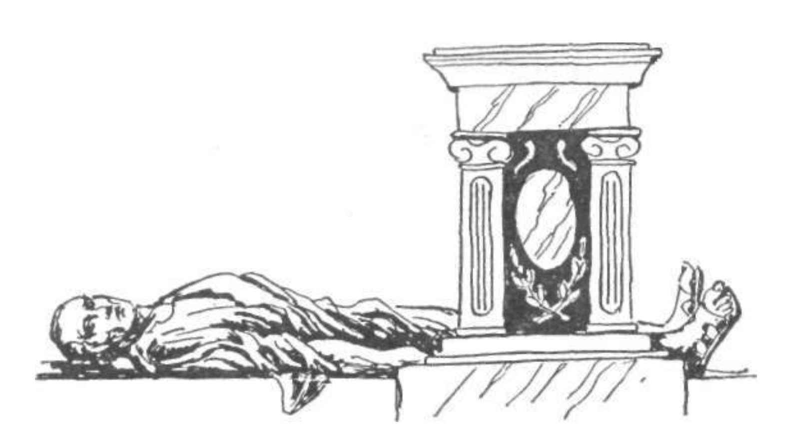
Собственные неудачи и невзгоды, желание осмыслить их вновь пробуждают в экс-консуле интерес к философии. Он пишет трактаты *«Об ораторе», «О государстве», «О законах»,* в которых, опираясь на труды Платона и Аристотеля, рассуждает о наилучшем государственном устройстве, о наилучшем правителе и о справедливых законах как основе народного блага. «Государство есть дело народа» — такого принципа придерживался Цицерон. В рассуждении о формах государства Цицерон занял эклектическую позицию. Он считал, что государство должно объединить наилучшие стороны трех форм правления: монархии, аристократии и демократии. Наи-

лучший правитель, по мнению Цицерона, должен опираться на древние устои и закон, который есть «заложенный в природе высший разум, велящий нам совершать то, что следует совершать, и запрещающий противоположное».

Последние годы жизни Цицерона прошли в постоянной тревоге и скитаниях, связанных с необходимостью участвовать в разных политических интригах, — в Риме вовсю бурлили события, в итоге которых он стал Империей. Сам Цицерон уже давно смирился с крахом своей политической карьеры, но люди, претендовавшие на власть, помнили его былую славу и популярность в народе. Поэтому, отдавая должное непревзойденному искусству великого оратора и агитатора, они стремились привлечь его на свою сторону. Цицерон чувствовал себя в положении «разменной монеты», метался между политическими лагерями Цезаря и Помпея, затем Октавиана (Августа) и Антония и каждый раз оказывался в проигрыше.

Но именно эти годы — годы расцвета философской деятельности Цицерона. В 45—44 гг. до н.э. он написал основные свои философские труды «Утешение», «Гортензий», «Академические исследования», «О границах добра и зла», «Тускуланские диспуты», «О природе богов», «О предвидении» — почти все они, по примеру Платона, построены в форме диалогов. В них Цицерон рассматривает с этических сторон учения эпикурейцев, стоиков

и скептиков. Он критикует позицию **эпикурейцев** с их теорией наслаждения и фактического отрицания богов. Ближе всего ему позиции **стоиков,** опирающихся на добродетель и противостоящих страстям, и **скептиков,** с их мнением о том, что нельзя «знать»,

а можно лишь «считать что-то чем-то». Путь к счастью, по мнению Цицерона, лежит через добродетель, которая заключается в преодолении всех жизненных невзгод силой воли, через разумное умеренное желание и служение общественным интересам. Цицерон отдавал должное и самой философии, занятия которой могут помочь человеку в трудную минуту, утешить его в горе.

Конец жизни Цицерона был трагичным. Почти насильно вовлеченный в борьбу между Октавианом Августом и Антонием, он принял сторону Октавиана и выступил с гневными речами-филиппиками против Антония.

Но враги на время помирились, и Антоний отомстил Цицерону, приказав убить его и выставить тело Цицерона на той же трибуне, с которой он столь блистательно произносил свои речи. «И больше народу приходило посмотреть на мертвого, чем послушать когда-то живого», — сообщает один из римских историков. **Плутарх** же писал, что римляне были в ужасе от такого зрелища.

ВОСПИТАТЕЛЬ ТИРАНА

Луций Анней Сенека-старший откровенно презирал философию, называя ее пустым расходованием умственных сил человека. Сам он был известным римским юристом, политиком и ритором, и двое его старших сыновей избрали себе поприще на государственной службе, в чем весьма преуспели. Что же до младшего сына, **Луция Аннея Сенеки** (4 г. до н.э.—65 г. н.э.), то он отнюдь не стремился к государственной карьере. Он занимался с прекрасными учителями философии, принадлежавшими к стоической и пифагорейской традициям, и с юных лет стремил-

Сенека

ся следовать заветам стоиков о сдержанной и аскетической жизни. И все же, воспитанный в представлении о необходимости исполнять долг служения Великому Риму, и из уважения к отцу будущий философ поступил на государственную службу. Такое решение далось ему нелегко, и последствия его не замедлили сказаться — вскоре юноша заболел настолько тяжело, что хотел даже покончить самоубийством, от чего его удержала лишь привязанность к отцу и нежелание доставлять ему горе. Для того чтобы поправить здоровье, Сенека надолго уехал в Египет, где занимался философией и естественными науками.

Возвратившись в Рим, он быстро продвинулся, став сначала придворным поэтом, а при императоре Калигуле — сенатором. Жизнь в Риме в те времена была очень сложна и чревата опасностями, она требовала поистине стоического мужества и самообладания. Однажды Сенека произнес в сенате столь блистательную речь, что возбудил в неуравновешенном Калигуле жгучую зависть — тот даже велел было казнить чересчур искусного оратора. Спасло Сенеку то, что все считали его больным и при смерти.

В 41 году, уже при императоре Клавдии, на Сенеку опять обрушивается опала — его ссылают на остров Корсику. В ссылке, практически в полном одиночестве Сенека много размышлял над превратностями человеческой судьбы. Написанный в то время философ-

ский трактат он так и назвал — «О превратности жизни».

Человек — от рождения странник в этом мире, который стал для него одним огромным Римом. Для достижения блага необходимо, считает Сенека, выполнять долг перед государством и перед самим собой и философией. Причем первичным является долг перед собой и философией: «Без спешки исполнять истинный долг можно лишь тем, кто захочет каждый день быть в теснейшей близости к Зенону, к Пифагору, к Демокриту и другим зачинателям благих наук».

В 48 г. Сенека получает прощение и возвращается в Рим, где новая жена императора Клавдия, Агриппина, предлагает ему стать наставником ее сына, Домиция Агенобарба — будущего императора Нерона. Верный своему принципу служения государству и народу, Сенека согласился. И действительно, первые пять лет (54—59 гг.) правления Нерона, когда Сенека еще мог реально влиять на него, римляне считали «счастливой эпохой принципата». Сенека пытался сделать из Нерона идеального, по понятиям стоиков, правителя — царя-муДреца, справедливого и милосердного. «Необходимо найти должную меру между мягкостью и строгостью для обуздания страстей толпы», — пишет он в трактате «О милосердии».

Но мечтам римского стоика не суждено было сбыться. Власть все больше и больше

развращала Нерона, бездарного артиста и еще худшего стихоплета, вообразившего себя гением и властелином мира. Сенека попал в очень трудное, трагическое положение. С одной стороны, он понимал, что необходимо уйти в отставку, с другой — наперекор всему пытался отстоять хоть что-то доброе и полезное в государстве. Сенека еще некоторое время остается при Нероне, принимает от него подарки и даже соглашается помочь «замять» страшное преступление деспота — матереубийство. Теперь уже против Сенеки ополчаются и многие его друзья, философы-стоики.

В поисках нравственной опоры Сенека пришел к выводу, что в человеке есть нечто, объединяющее собой и разум, и чувства — **совесть,** которая позволяет ему всегда и во всем сознавать нравственные нормы, выделяет человека из толпы, порабощенной погоней за удовлетворением своих страстей. Он критически относится к своему собственному положению: «Все философы говорят не о том, как живут сами, но о том, как должно жить. Говорю о добродетели, но не о себе, и воюю против грехов, а это значит и против своих собственных: когда их одолею, буду жить как надо».

В 62 году Сенека все-таки уходит в отставку и возвращает своему бывшему ученику все его подарки. Он не был сломлен. Его отставка — не только следствие крушения политических надежд, но это еще и резуль-

тат его личных философско-этических размышлений. «Великие люди радуются невзгодам, как храбрые воины — битве,» — пишет он в трактате «О страдании». Служить благу и добродетели можно не только на государственном посту, это можно делать и другими способами — на общественной должности, оратором или даже безмолвно присутствуя на собраниях. А если, считает Сенека, невозможно уже служить народу, выродившемуся в толпу рабов тирана, то надо служить «вселенскому сообществу богов и людей».

В последние годы жизни Сенека создает свои главные философские сочинения: «Изыскания о природе», «О благодеяниях» и «Письма к Луцилию». В «Письмах» он сформулировал **теорию нравственного самоусовершенствования,** цель которого — добиться полной независимости от внешних обстоятельств. И здесь Сенека опирался на понятие «совести», которая является нравственным мерилом всех его деяний. Совесть и есть та активная воля, что направляет нас к добру, «бичует злые дела», и именно перед ней человек в конечном счете держит ответ за совершенное: «Стремись найти задачи более важные, чем те, которыми ты до сих пор занимался, и верь, что важнее знать счет собственной жизни, чем общего блага, о котором ты пекся до сих пор!»

До самой смерти Сенека критически анализировал свои философские взгляды и деяния своей жизни. А смерть не заставила себя

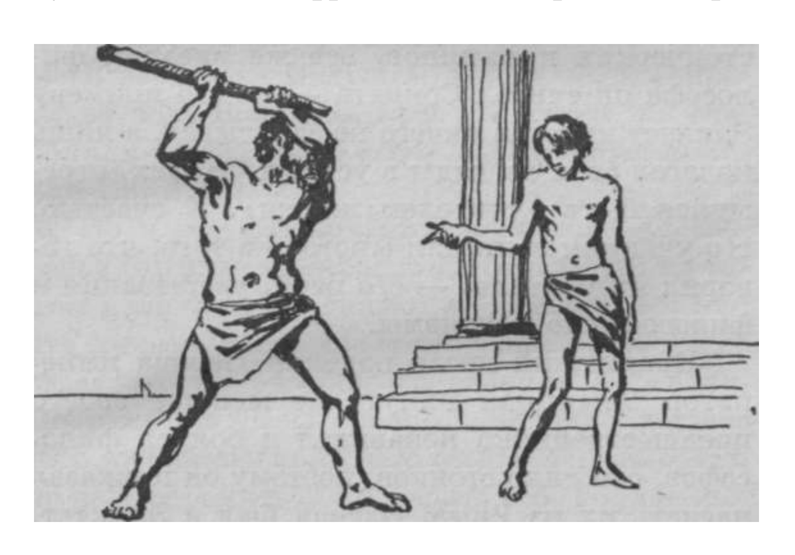
ждать. Погрязший в крови и низменном разврате Нерон не мог долго терпеть даже вдали от себя фигуру мудрого, великодушного человека, несмотря ни на что продолжавшего искать философскую основу нравственной жизни. Нерон обвинил Сенеку в заговоре и приказал ему умереть. Сенека, не дрогнув, выполнил повеление императора, кончив жизнь самоубийством.

РАБ, КОТОРЫЙ ВСЕГДА БЫЛ СВОБОДНЫМ

Эпиктет (60—138 гг.) родился в малоазийской части Римской империи. Мальчиком он был привезен в Рим на положении раба и продан вольноотпущеннику Эпафродиту, фавориту императора Нерона, который, кстати, потом «помог» Нерону покончить с собой. Жестокий самодур, Эпафродит любил издеваться над своими рабами. Однажды, когда Эпиктет был еще мальчиком, Эпафродит поставил его перед собой и стал бить палкой по ноге. На лице мальчика не отразилось ни страха, ни смятения. «Если ты будешь так бить, то сломаешь мне ногу», — спокойно сказал он Эпафродиту, но тот ударил еще сильнее, и Эпиктет упал со сломанной ногой. «Я же говорил, что ты сломаешь мне ногу», — спокойно сказал он. Такое поведение изумило Эпаф-

родита — он понял, что перед ним необычный человек. Эпиктет же после этого так и остался хромым на всю жизнь.

Прошло несколько лет и Эпафродит не раз имел случай удостовериться, что, в отличие от других рабов, Эпиктет никогда не унывал, всегда был спокоен и радостен, тщательно и без видимого напряжения выполнял свою работу. Однажды Эпафродит не выдержал и спро-

сил Эпиктета, каким образом ему в его положении удается сохранять бодрость духа. «Будь праведен и ты будешь свободен и радостен. Только пороки делают человека рабом. Всякий, кто захочет, может получить свободу — не ложную, а истинную: для этого только нужно освобождать себя от своих похотей», — так ответил Эпиктет. И Эпафродит,

поняв, что невозможно держать такого человека на положении раба, вскоре дал Эпиктету вольную.

Получив официальную свободу (а внутренне он никогда и не был рабом), Эпиктет пошел в учение к философам-стоикам, которые были изумлены его способностью понимать законы, лежащие в основе жизни, и умением доводить свое понимание до слушателей. Хотя в своей философии Эпиктет придерживался стоических принципов, все же идеалом философа он считал Сократа — по его примеру Эпиктет никогда ничего не записывал, а лишь излагал свои взгляды в устных беседах, стремился быть «учителем жизни». К счастью, его ученики записали многое из того, что говорил их учитель, — его речи, увещевания и философские афоризмы.

Правивший после падения Нерона император Домициан ничуть не меньше своего предшественника ненавидел и боялся философов, особенно стоиков, поэтому он приказал изгнать их из Рима. Изгнан был и Эпиктет, но он, в отличие от других, и не думал предаваться унынию: «Как только я скажу себе: как жаль, что мне не дозволено остаться в Риме, так я уже сделаю первый шаг к тому, чтобы быть рабом Рима и его властелинов».

Свобода человека, его души, воли и разума — краеугольный камень философии Эпиктета. Только оставаясь внутренне свободным, человек способен отличить добро от зла, спо-

собен обрести спокойную, наполненную светлой радостью жизнь. Эпиктет даже порицал клятвы, ибо они стесняют свободу разумного человека: «Для бесчестного человека клятва бесполезна: он привык обманывать людей и, дав клятву, не побоится ее нарушить. Честному же человеку клятва не нужна, потому что он и без клятвы не изменит истине. А между тем клятва приносит много вреда: она связывает разум и совесть человека и часто обязывает его в будущем делать то, что противно воле Божьей». *Рим прекрасен, но спокойная* ***душа*** *лучше всего* — таков был принцип Эпиктета.

Но в чем заключается человеческая свобода? Эпиктет прекрасно понимал, что на самом деле человек далеко не всегда свободен, что на него часто давят тяжелые обстоятельства, что он от многого зависим в жизни. Поэтому философ говорит: не надо желать того, существование чего от нас не зависит, и не надо стремиться присвоить себе то, что нам не принадлежит: «Не полагай своего счастья в том, что не в твоей власти». Когда флейтист играет наедине с самим собой, он спокоен и полон блаженства от извлекаемой им из его инструмента музыкальной гармонии, но если тот же музыкант играет перед публикой — он волнуется. Что произошло, спрашивает Эпиктет, неужели он вдруг разучился играть? Нет, конечно. Но в первом случае музыкант стремится извлечь и извлекает

лишь то, что целиком от него зависит, — музыку, а во втором он жаждет обрести то, что зависит не столько от него, сколько от публики, — славу, признание. Эпиктет полагал, что неразумно бояться неизбежного, например смерти, и неразумно отчаиваться от сваливающихся на человека несчастий: «Если настало тебе время нести неприятности — неси их бодро, а не так, как осел, противясь, стеная и изнемогая под ударами кнута».

Самым важным в жизни человека, для его души Эпиктет считал способность различать **добро** и **зло.** Зло принижает человека, затемняет его разум. Страдает самое дорогое для человека, то, что соединяет его с высшим божественным миром, — душа. Именно благодаря душе, говорил Эпиктет, человек может осуществлять свое истинное предназначение — развивать в себе божественное начало: *«Единственное наше благо в нас самих, в нашей душе»*. Добро и зло могут быть внешними и внутренними. Внутреннее добро возвышает в человеке божественное природное начало, зло принижает его. Внешнее добро есть желание блага другим, внешнее зло — желание блага лишь самому себе.

Эпиктет настаивал на том, что человеку необходимо активно бороться со злом. Просто так, само по себе, добро не победит — в этом смысле положение человека трагично, его постоянно обуревают страсти. Главное — не уступать им: *«Владей своими* ***страстя-***

ми, или они овладеют тобой». Эпиктет в своих беседах выстраивал целую стратегию борьбы со страстями. «Если приходит тебе в голову греховная мысль, задержи ее, попытайся представить себе все последствия ее осуществления, призови в голову противоположную ей, благородную мысль, и только тогда выбирай, как поступить». Эпиктет был против каких-либо уступок страстным желаниям — каждая такая уступка, считал он, хоть поначалу и приносит некоторое облегчение, но на самом деле все более и более парализует разумную волю к добру и, незаметно, постепенно затягивая человека в болото зла, порабощает его. Для того чтобы освободиться от соблазнов, необходимо проявить свободную волю, решительность: «Нерешительный человек всю свою жизнь плачется на свои несчастья».

В жизни Эпиктет был очень скромным, чурающимся богатства, славы и самодовольства человеком. Ставя себе в пример Сократа и Диогена, он жил в бедной хижине, у которой не было даже дверей. Он всегда очень критически относился к себе. «Если хочешь стать праведником, убедись сначала в том, что ты скверен», — говаривал он, призывая людей трезво оценивать свои мысли и поступки, не предаваться самолюбованию. Одну только роскошь он себе позволил — ему подарили бронзовый светильник, который вскоре выкрали воры. С тех пор Эпиктет пользовался только глиняным светильником.

«Укажите мне хоть один способ разбогатеть, не загрязняя злом свою душу, и я немедленно последую вашему совету», — посмеивался он над теми, кто удивлялся, почему столь умный и уважаемый человек живет в бедности. Когда Эпиктет умер, то один их его богатых почитателей купил его светильник за 3000 драхм. Но ученики Эпиктета посмеялись над ним: «Богач этот наверное думает, что если он будет пользоваться этим светильником, то станет так же мудр и славен, как сам Эпиктет».

ФИЛОСОФ НА ТРОНЕ

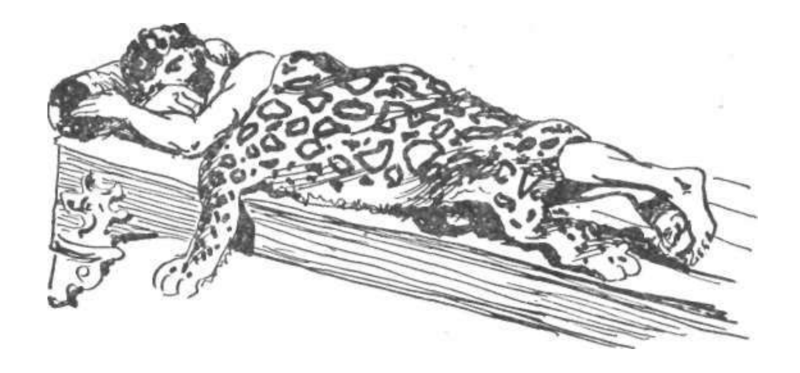
С детства будущий император Рима, **Марк Аврелий Антонин** (121—**180** гг.), жил и воспитывался в высших слоях римского общества. Он получил великолепное по тем временам домашнее образование. Оно заключалось в основном в обучении искусству крас-

норечия — риторике, греческой и латинской грамматике. Помимо этого один из его учителей, философ Диогнет, обучал его философии и живописи. Под его влиянием юный Марк отказался от роскоши и излишеств, привычных для людей его круга, римских патрициев. Он даже спал на голых досках, покрываясь звериной шкурой.

Марк Аврелий

В те времена в обычае римских бездетных императоров было усыновление знатных патрициев и назначение их наследниками престола. Так случилось и с Марком Аврелием. Бездетный император Адриан усыновил дядю Марка, Тита Аврелия Антонина, с тем условием, чтобы он в свою очередь усыновил своего племянника Марка и его

родственника Луция Вера. Уже в 17 лет Марк Аврелий был назначен на высокую и ответственную государственную должность квестора. В **19** лет Марк становится консулом Римской империи и получает звание цезаря. Все эти годы он не прекращает заниматься **философией** — особенно большое влияние на него оказывали сочинения стоиков Зенона Китийского, Сенеки и Эпиктета. В **161** г. Марк становится императором Рима и до 169 г. правит империей вместе с Луцием Вером, а затем, вплоть до смерти, единолично.

Марк Аврелий был, наверное, единственным в истории человеком, воплотившим мечту Платона о том, чтобы государством управляли философы. Его так и прозвали — **«Философ** на троне». Любовь к философии и философствованию как лучшему средству, помогающему понять, осмыслить себя, свои действия, всю свою жизнь император Марк сохранил и пронес через всю свою жизнь. Свой главный философский труд *«Размышления»* он написал в течение десяти последних лет своего правления. Записи в этой книге Марк Аврелий делал не для читателей, а для себя самого — у них даже есть подзаголовок «К самому себе».

Автор книги не ставил себе целью создание какой-либо оригинальной философской системы, он хотел осмыслить этическую сторону человеческой жизни в ее общих (рождение, судьба, общество, смерть) и конкретных

сиюминутных проявлениях. Марк Аврелий не стремился встать на сторону одной из четырех главных в то время философских школ — платонической, перипатетической, эпикурейской и стоической. Он даже распорядился создать в Афинах и взять на государственное содержание четыре соответствующие философские кафедры. Но, читая его «Размышления», нельзя не прийти к выводу, что все-таки наиболее близким ему был стоицизм. Что же импонировало Марку в стоицизме?

Как правитель целой империи, со всеми ее бедами и неурядицами, постоянно окруженный огромным количеством людей, ждущих от него государственных, общественных, юридических, экономических решений, постоянно втягиваемый в групповые или личностные разбирательства и интриги, Марк Аврелий Антонин понимал, что сохранить целостность своей личности, сохранить уважение к самому себе он может только поднявшись духовно над мелочами жизни, которая течет по своим законам, предписанным ей необходимостью. Именно такое отношение к жизни и проповедовал стоицизм.

«Размышления» Марка Аврелия стали, быть может, первым философским сочинением, написанным не из принципиально декларированных стремлений к знанию, к добродетели или к «осчастливливанию» всего человечества, а просто из желания помочь самому себе остаться человеком в обстоятельствах,

очень мало тому способствовавших. Весь пафос философских размышлений Марка Аврелия направлен на то, чтобы искать истину, понимание жизни не где-нибудь, а в себе самом. Каждый **человек** отвечает за себя прежде всего перед собою же, перед своей совестью и душой: «Нет ничего более жалкого, чем тот, кто все обойдет по кругу, кто обыщет, по слову поэта, "все под землею" и обследует с пристрастием души близких, не понимая, что довольно ему быть при внутреннем своем гении и ему служить искренно. А служить — значит блюсти его чистым от страстей, от произвола, от негодования на что-либо, исходящее от богов или людей».

Нельзя сказать однако, что Марк Аврелий заботился лишь о себе. В его размышлениях все время сквозит вопрос — как сочетать цели и задачи своей собственной жизни с жизнью других людей, общества, целого государства: «Считай себя достойным всякого слова и дела по природе, и пусть трогает тебя не последующая брань или молва, а только то, прекрасно ли сделанное и сказанное — не отказывай сам себе в достоинстве. Потому что у всех свое ведущее, и собственными устремлениями они распоряжаются. Так что не смотри на это, а шествуй прямо, следуя природе собственной и общей — у них обеих одна дорога».

Человеческая природа — разум, справедливость — как считал Марк Аврелий, всегда сочетается с природой общей, основанной на

божественном разуме. Следовательно, что противно общей природе, обществу, не может быть хорошо для одного человека, и наоборот — так римский император смотрел на соотношение частного и общественного в жизни. Марк Аврелий писал, что необходимо критически оценивать свои собственные помыслы и деяния: «На что я сейчас употребляю свою душу? Всякий раз спрашивать себя так и доискиваться, что у меня сейчас в той доле меня, которую называют ведущее, и чья у меня сейчас душа — не ребенка ли? А может быть подростка? или еще женщины? тирана? скота? зверя?» «Если кто может, — говорил он, — уличить меня и показать явно, что неверно я что-нибудь понимаю или делаю, переменюсь с радостью. Я же правды ищу, которая никому никогда не вредила; вредит себе тот, кто коснеет во лжи и неведении».

Марк Аврелий пытался понять, может ли человек вынести тяготы жизни, из которых наитяжелейшая — это неизбежность смерти. *«Ни с кем не случается того, что не дано ему вынести»* — такова стоическая позиция философа, для которого даже смерть есть одно из действий природы, вводящей человека в жизнь и выводящей его из нее: «Словно комедианта отзывает с подмостков занявшийся им претор». И потому необходимо дорожить каждым моментом жизни «сейчас», не откладывать дела и осмысление себя на потом, будто впереди у тебя вечность.

В правление императора Марка Аврелия на Римское государство обрушивалось множество бедствий — наводнения, чума, вторжение парфян с Востока, Но сами римляне вспоминали его правление как «золотой век», ибо этот «философ на троне» не отгораживался от забот своих граждан, а занимался каждодневными делами и делал это насколько мог разумно и прислушиваясь к разумным советам других, не расслабляясь и не возвеличивая себя, ибо понимал, что «Александр Македонский и погонщик его мулов умерли и стали одно и то же». Потому, может, и был он признан «идеальным правителем», в честь которого многие последующие императоры либо себе брали, либо сыновьям своим давали имя Антонина, оставившего своим потомкам завещание: *«Загляни в свое нутро! Там, внутри, источник добра, который способен бить, не иссякая, если до него постоянно докапываться».*

ФИЛОСОФСКИЙ ЭКСТАЗ

Как-то раз живописец Амелий решил нарисовать портрет философа Плотина и попросил его попозировать. «Разве мало тебе этого подобия, в которое одела меня природа, что ты еще хочешь сделать подобие подобия и оставить его на долгие годы, словно в нем есть на что глядеть?» — ответил ему один из

самых известных **неоплатоников.** Портрет Плотина был создан — друг Амелия живописец Картерий старался как можно чаще видеться с Плотином и рисовал его портрет по памяти.

Плотин

К занятиям философией Плотин (205—270 гг.) обратился довольно поздно — в 28 лет. Опыт общения с первыми учителями был для него неудачным — он «ушел с их уроков со стыдом **и** печалью». И лишь встреча с Аммонием Саккасом (175—242), основателем философии **неоплатонизма,** заставила Плотина воскликнуть: «Вот кого я искал!» К сожалению, учение Аммония осталось практически неизвестным, так как его ученики сговорились никому не раскрывать сокровенных бесед своего учителя. Зато сам Плотин за свою жизнь написал 54 книги, в которых затронул почти весь спектр философских проблем, характерных для его времени: проблему добра и зла, строения мира, взаимодействия Космоса и человека, проблему души, ума, познания, проблему сущего и божественного.

Плотин, следуя за философией **Платона** (поэтому его и называют неоплатоником), считал, что существует единое **Божество,** или **Божественный принцип** — *сверхчувственный, сверхъестественный, надразумный.* Он является абсолютным **Бытием** и от него в мир исходит божественный свет. Луч света, уходящий в глубины темного царства материи, — в этом суть космогонии и этики неоплатонизма. Бог, или Божественный принцип, рождает разум, который мыслит Бога и себя самого, и **мировую душу,** которая пребывает на грани между сверхчувственным миром Божественных идей и чувственным материальным миром. **Материальный мир,** полагал Плотин, образован мировой душой на основе содержащихся в мировом разуме идей. Если вспомнить космогоническую часть философии Платона, то мы увидим в ней ясные параллели с космогонией неоплатоников — все та же трехчастная вселенная. Правда, неоплатоники — максималисты в своем отрицании земного, материального мира.

Рано или поздно, считал философ, душа человека, оторванная от мировой, или божественной, души, начинает скучать и томиться в этом мире, который он полагал лишь жалким подобием мира высшего. И если Платон говорил, что, созерцая земной мир, можно познать и представить себе высший мир идей, то Плотин считал это знание возможным лишь при условии полного внутреннего отре-

чения от материальных подобий, искажающих до неузнаваемости мир Божественного света.

Плотин создал свою **теорию познания** высшего мира. Оно, по его мнению, возможно не через логические, разумные рассуждения, а через проникновенное *молчание* и *сосредоточение,* отвлечение от всего телесного, материального. Тогда освобожденная от материально-телесных оков душа сможет выйти за пределы материального мира и хотя бы на некоторое время соединиться с Божественной душой, насладиться ощущением Божественного света. Такой «выход» души Плотин назвал экстазом (буквально «extasis» означает «выход за пределы»). Сам Плотин, по свидетельству одного из его учеников, **Порфирия** (232—304), достигал этого состояния четыре раза, «не внешней пользуясь силой, а внутренней и неизреченной».

Плотина уже при жизни признавали очень необычным человеком. Жрецы богини Исиды считали, что хранителем его души был один из богов, а «не демон низшей породы». Ему приписывали способность предсказывать детям, что из них получится, когда они вырастут. Плотин мог даже, вглядевшись в людей, указать, кто из них вор.

Все, знавшие Плотина, очень любили и уважали его. Например, многие родители настаивали, чтобы, в случае их смерти, он брал на себя опеку над их несовершеннолетними детьми — доверие к нему было абсолютным.

И Плотин всегда оправдывал это доверие, заботясь об имуществе и здоровье порученных ему детей. «Пока дети не доросли до философии (т.е. не обрели способность рассуждать и действовать здраво и ответственно), — говорил сам Плотин, — нужно, чтобы имущество их и доходы были при них целыми и невредимыми».

Перед смертью Плотин сказал: *«Сейчас я попытаюсь слить то, что есть божественного во мне, с тем, что есть Божественного во Вселенной.»* По учению неоплатоников о загробном мире, сделать это обычному человеку было не так-то легко. Ибо, стремясь после смерти вернуться к предвечному разуму, душа в своем вознесении должна пройти через **семь планетных сфер,** каждая из которых в свое время наделила ее греховной склонностью. Сатурн — *ленью,* Юпитер — *гордостью,* Марс — *гневом,* Венера — *любострастием,* Меркурий — *алчностью,* Солнце — *чревоугодием,* Луна — *завистью.* И хорошо, если душа при вознесении сможет возвратить им эти «смертные грехи» неиспользованными — только тогда она сможет вступить в пределы *восьмого неба,* где и обретет наконец вечный покой в Божественном свете.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ФИЛОСОФИЯ

Патристика

Схоластика

Гностики

«Верю, потому что нелепо»

Философия мудрой доброты

Исповедь гиппонского епископа

Пути Богопознания

Последний римлянин, или Философ на плахе

Отец схоластики

Как доказать, что Бог есть?

Влюбленный богослов

Ангельский доктор

Бритва Оккама

ПАТРИСТИКА

Пришествие **Бога Сына, Иисуса Христа,** на землю, его странствия, просветленные проповеди и притчи, обращенные к людям, его арест, крестные муки и Воскресение — начало эпохи христианства, эпохи Нового Завета, в которой люди стремились не только думать, мыслить, но и **верить.** Именно **вера** становилась средоточием всех философских размышлений. *Как и на основе чего можно верить? И во что верить?*

Размышляя над этими вопросами, первые христианские философы ставили своей задачей сформулировать основные ее положения, которые позднее, по решению Вселенских Церковных Соборов, возводились в ранг **догматов** (т.е. непреложных правил, определений христианства). Многие из этих философов были канонизированы после смерти, их стали называть **Святыми Отцами Церкви** — отсюда и название этого периода в философии — **патристика** (от латинского «патер» — «отец»). Первые три века **христианства** были для приверженцев этой веры очень тяжелым временем. Почти каждый римский император считал своим долгом хоть раз за свое правление объявить гонения на христиан — их заставляли отрекаться от веры, лишали всех должностей, имущества, ссылали, пытали, убивали, бросали львам. Но большинство христиан не поддавались угрозам и предпо-

читали гибель отречению от Христа — они стали мучениками за веру.

Пафос ранней патристики наиболее ярко выразился в споре между богословами, считавшими, что учение христианской веры необходимо соединить с плодами античной (языческой) философии **Платона, Аристотеля** и **стоиков** (эту позицию отстаивала Александрийская богословская школа под руководством **Климента Александрийского (150—219)** и **Оригена,** и богословами, полагавшими, что вера и философия несовместимы, ибо человеческий разум ограничен и не с состоянии постичь всю полноту и бесконечность Божественного Разума (эту позицию отстаивали римские богословы под руководством Тертуллиана). В итоге возобладала более взвешенная позиция Александрийской школы.

Период ранней патристики закончился драматической дискуссией о **догмате Святой Троицы.** Спор начался на Никейском соборе, созванном в 325 году императором Константином Великим. Там этот догмат, наконец, был сформулирован: **Бог Отец, Бог Сын** и **Бог Дух Святой единосущны** (то есть являются Единым Богом) и *равнозначимы* (то есть ни один из них не подчинен другому). Различаются они лишь как **ипостаси** (то есть различимые лица, выражающие одну сущность). Однако на том же соборе выступил один александрийский пресвитер по имени **Арии** (256—336), утверждавший, что Христа не было

до того, как он был рожден Девой Марией, поэтому Христос не единосущен Богу Отцу, а лишь *подобосущен* Ему. Арий и его последователи считали, что Христос является воплощением высшего нравственного идеала, но отрицали его Божественную сущность. Против ереси арианства выступили многие епископы во главе со **св. Афанасием Великим** (295—373), епископом Александрийским. Спор длился почти столетие и завершился победой приверженцев Никейского Символа веры.

После окончания арианского раскола начался период поздней патристики, во время которого богословы формулировали основные догматы веры, решали вопросы богопознания, соотношения веры и разума, проблемы свободы и необходимости, добра и зла.

СХОЛАСТИКА

В конце VIII — начале IX века центр философской мысли переместился на запад и север Европы, где образовалась могущественная франкская империя, основателем которой стал император франков Карл Великий. Одновременно с этим шел процесс широкого распространения христианства среди бывших варварских племен, завоевавших в середине I тысячелетия территорию Европы. Поэтому одной из главных проблем, которую

христианские философы должны были решать, стала проблема более доходчивого объяснения догм христианства, выработанных в период патристики, донесения их до сознания новообращенных христиан. Так появилась схоластика — «школьная наука», пытавшаяся *научить* вере, с помощью логических доводов доказать истинность и незыблемость ее догматов.

Однако разумные и логические доводы схоластики очень быстро натолкнулись на множество неясностей и противоречий, самым главным из которых стал т.н. **Спор об универсалиях** (универсалии — общие понятия, сходные с Идеями Платона), обозначивший стержень всей истории схоластической философии.

ГНОСТИКИ

Гностиками в первые века нашей эры называли людей, стремившихся к одной цели — **гнозису,** то есть тайному высшему знанию, доступному далеко не всем людям, а только избранным. Родоначальником этого направления считается **Пифагор,** первый в Древней Греции проповедник тайного знания, мистики чисел, позволяющей человеческой мысли проникать в самые глубины природы мироздания. Его многочисленные ученики — пифагорейцы — передавали эти тайные знания

следующим за ними поколениям через особые **ритуалы** посвящения. Пифагорейство было тесно связано с процветавшими фактически до **III** века **культами** греческой богини Деметры, египетского бога Озириса и персидского бога Солнца Митры. У культа Митры — митраизма — гностики переняли **символ гностической мудрости:** змея, пьющего из чаши знания (в наше время этот знак стал символом медицины).

На заре христианства, в I веке нашей эры, члены пифагорейского братства вновь оказались в центре внимания. Цивилизация стояла на пороге обретения новой мировой религии, которая давала человеку и человечеству, к тому времени впитавшему идеи **Платона, Аристотеля** и **стоиков,** новую перспективу для духовного прорыва к высшим Божественным тайнам. Явление и подвиг **Иисуса Христа** стали долгожданным для многих звеном, связующим **Бога** и **человека —** в мир

пришел **Богочеловек. В** недрах пифагорейства тоже зрело стремление дать миру своего «учителя», который увлек бы за собой людей, показав им все могущество гнозиса. Таким человеком стал современник Иисуса Христа **Аполлоний Тианский,** чье учение некоторое время даже конкурировало с зарождавшимся христианством.

Аполлоний родился в Малой Азии, в городе Тиане, в первые годы I века. Его рождение сопровождалось, согласно многим легендам, чудесными явлениями. В 14 лет он уехал в город Таре, славившийся своими философскими школами. В это время там же находился местный уроженец, юноша по имени Савл, будущий **Апостол Павел. По** окончании образования Аполлоний переехал в Эгею,

где вступил в пифагорейское братство, выдержав предварительно испытание пятилетним безмолвием. Он отказался от животной пищи и от шерстяных одежд (знак отрицания насилия над любым живым существом), странствовал по многочисленным святилищам Малой Азии, Ниневии, Индии, Греции, Рима и Египта. О чудесах, совершенных им — воскрешении мертвых, снятии оков, усмирении бурь, укрощении диких зверей, — ходили легенды. В 96 году, в Эфесе, он, находясь в ясновидческом трансе, точно описал гибель императора Домициана в тот самый день и час, когда это случилось в Риме. Вскоре после этого Аполлоний вдруг распустил всех своих учеников и исчез навсегда. Его почитатели утверждали, что его «дух» просто дематериализовался, покинув ставшую ненужной оболочку тела. Вплоть до III века обожествление Аполлония было обычным делом. Например, в молельне императора Александра Севера (222—235) стояли рядом изображения Орфея, Аполлония и Иисуса Христа — настолько в головах людей в те времена были смешаны различные культы.

Другим знаменитым гностиком в I веке был **Симон Маг.** Он принял христианство, а затем попытался уговорить **Апостола Петра** «продать» ему «дары Духа Святого» (то есть возможность творить чудеса). Апостол открыто изобличил Симона. С тех пор в христианский лексикон вошло слово **«симония»,**

означающее преступную торговлю святыми дарами или священническим саном. Кроме официальной церковной версии, о жизни Симона и его учении существовало множество других легенд.

Симон учил, что некогда Божественная **Мысль,** соприродная непознаваемой Высшей Божественной **Сущности,** отделилась от нее для Акта Творения, осквернилась, соприкоснувшись с материей, и сотворила из нее материальный мир. Она так и не смогла очиститься от скверны и вернуться к Божественной Сущности. Пребывая в материи, она падала все ниже и наконец оказалась заключенной в женское тело. По мнению Симона, символом Божественной Мысли, заключенной в женское тело, была Елена Троянская, чей образ вывел **Гомер** в «Илиаде». Себя же Симон именовал «великой силой Божьей», призванной спасти и очистить Елену.

В учении Симона уже проявились основные принципы гностической философии. Это и **дуалистическая концепция мира,** т.е. представление о двух **началах:** Высшем Божественном и низшем **материальном,** и представление о демиурге, сотворившем материальный мир, и представление о **«вечной женственности»,** Божественной Мысли, которой необходимо вернуться к Высшему Божеству. Симона Мага называли «отцом» христианского гнозиса. Ему приписывают первенство в постановке вопроса о **теодицее** (это слово означает — «божественная справедливость»).

Вопрос о теодицее всегда был одним из самых волнующих в христианской философии. После гностиков им занимались такие мыслители, как **Аврелий Августин, Рене Декарт, Готфрид Лейбниц, Иммануил Кант.** Все они пытались понять, каким образом могло случиться так, что Всемогущий и Всеблагой Бог создал мир, в котором присутствует зло? Отвечая на этот вопрос, философы как бы восстанавливали Божественную справедливость.

Симон считал, что Высшее Божество не создавало этот мир, его создал низший **бог — демиург,** отделившийся от **Божественной Сущности** и соприкоснувшийся со злом, то есть неким «материальным началом». Что же до судьбы самого Симона, то, по легенде, он, желая доказать, что является «великой силой Божьей», решил совершить полет по воздуху в Риме в присутствии народа и самого императора. Когда же он полетел, то Апостол Петр обратился к Богу, чтобы тот низверг сего «обманщика». Проклятый Петром Симон упал и разбился насмерть.

Раннехристианские ученые-богословы считали, что в дальнейшем на основе богословских теорий Симона Мага образовалось множество гностических сект, большая часть которых пыталась соединить идеи гнозиса с христианством. Их объединяли общим названием — **офиты** (от греч. «офит» — «змей»). Они пытались сопрячь христианское вероучение с предшествующими философско-

мистическими учениями, в частности с пифагорейством. Офиты создали сложнейшие схемы творения мира и человека, сложнейшие иерархические схемы устройства Высшего Мира. Суть их такова: Божественный **Свет (Отец)** соединяется с Божественным **Духом** (именуемым Первой Женой и Матерью всего живущего), и они рождают Новый Нетленный Свет **(Христа).** Однако при этом частичка Божественного Света, переполнившего Мир, озарила низшую пропасть материального мира и, соединившись с ним, родила Мировую Душу, именуемую **София-Пруникос** (Премудрость). София-Пруникос сумела освободиться от материального начала, но перед этим произвела сына *Иалдаваофа,* который вообразил себя Высшим Богом, создал землю, животный мир на ней и, наконец, человека, которому он представился как Высший Бог, демиург. Тогда София-Пруникос обратилась к Божественному Свету за помощью, чтобы раскрыть обман и дать возможность человеку узнать об истинном Боге, поэтому в мир явился Иисус Христос. Познание Высшего Божества, по мнению гностиков, возможно лишь при отвлечении разума от всего материального — через введение человека в состояние **экстаза,** позволяющее его душе выйти хотя бы на время за бренную материальную оболочку.

Одним из самых известных философов-**гностиков** во **II** веке был **Валентин.** Он родился в Египте, учился в Александрии и там

же, вероятно, принял христианство. В 30-х годах II века он прибыл в Рим, где среди выдающихся иерархов Церкви блистал своими богословскими изысканиями. Его даже чуть было не избрали Папой, но в последний момент он все же проиграл Пию I (140—155), поскольку последний мужественно вел себя во время очередных гонений на христиан. После поражения на выборах отношения Валентина с Церковью резко ухудшились, его радикальные идеи не принимались Церковью.

Придерживаясь в основном учений Пифагора и офитов, Валентин разработал оригинальные теории, касающиеся природы человека и типов человеческой души. Хотя человек и «слеплен» на основе низших материальных стихий, он, тем не менее, был создан демиургом по образу Высшего Человека — **Антропоса** (у гностиков — это одна из ипостасей Высшего Божества). Человек может выйти из-под власти низших космических сил и напрямую обратиться к Божественному Свету. Однако это дано не всем людям. По своему душевному складу люди, по мнению Валентина, делятся на три группы: **материальные** («плотские»), **психические** («душевные») и **пневматические** («духовные»). Пневматики, по мнению Валентина, вполне подготовлены к восприятию высших истин, они способны превозмочь требования телесной природы. Психики стоят на более низкой духовной ступени, они раздираемы противоречиями между

плотью и духом. Материальные люди практически полностью подчинены диктату плоти. Правда, Валентин предусматривал возможность перехода с более низкой на более высокую ступень, но это требует от человека огромных духовных усилий. Учение Валентина, как и всех остальных гностиков, было признано христианской Церковью еретическим.

«ВЕРЮ, ПОТОМУ ЧТО НЕЛЕПО»

Квинт Септимий Флоренции Тертуллиан (ок. **160**—230 гг.) появился на свет в африканском городе Карфагене. Его отец был высокопоставленным чиновником Римской империи, центурионом проконсульских войск в Африке. Сам Тертуллиан получил в юности превосходное риторское образование и уехал в Рим, где стал известным адвокатом. Поначалу Тертуллиан предавался всем прелестям веселой и разгульной жизни римского повесы-язычника, был поклонником театральных и цирковых зрелищ. По его собственным словам, христианство он считал безумием, а христиан безумствующими. Мог ли предположить он тогда, что со временем станет одним из самых страстных, строгих и требовательных защитников христианской веры, ее **апологетом.**

Около 195 года Тертуллиан принял христианство и занялся основными богословски-

ми вопросами, важнейшим из которых был вопрос о **Троице,** об отношении друг к другу трех Божественных **ипостасей** (лиц) — **Бога Отца, Бога Сына** и **Бога Духа Святого.** Одновременно с этим Тертуллиан ведет активную и ожесточенную полемику со сторонниками традиционных течений античной философии. Его главным трудом по этой проблеме является трактат *«Апологетикум» {«Защита»),* созданный им примерно в 197 году. Тертуллиан не принимал рационализма греческой философии. Логически связанные, рациональные рассуждения, считал он, мало что могут дать для понимания высшей истины христианства. **Человеческий разум,** говорил Тертуллиан, не просто меньше **Божественного разума** — это вообще несопоставимые категории. Земная, человеческая логика искажена в принципе, и то, что с точки зрения человеческого разума может показаться вполне логичным, с точки зрения Бога, как правило, оказывается заблуждением, глупостью: *«Как мирская мудрость является глупостью для Бога, так и Божественная мудрость есть глупость для мира.* Но мы знаем, что глупость Бога мудрее человеческой мудрости и слабость Бога сильнее человеческой силы, и Бог именно тогда так предельно велик, когда людям является ничтожным, так предельно благ, когда людям представляется не благим, и так предельно един, когда людям кажется двойственным или множественным».

Рационализму, диалектике античной философии Тертуллиан противопоставил новый метод **иррациональной** философии — парадоксальность и **антиномичность (антиномия** — столкновение двух противоположных суждений по одному вопросу, причем оба этих суждения воспринимаюся как верные, что в корне противоречит сформулированному Аристотелем логическому закону противоречия). К примеру, некоторые богословы никак не могли примириться с тем, что Христос был подвергнут позорной казни. Разве может такое случиться с Богом? вопрошали они. Тертуллиан отвечал им в привычной для него парадоксальной манере: «Пощади единственную надежду всего мира. Зачем ты уничтожаешь позор, необходимый для **веры?** Все то, что недостойно Бога, полезно для меня. Я спасен, если не стыжусь моего Господа... Сын Божий распят, не стыдно, потому что постыдно; и умер Сын Божий, вполне вероятно, потому что это бессмысленно; и, погребенный, воскрес — это достоверно, потому что невозможно». Именно так и сформулировал Тертуллиан свой знаменитый принцип: *Верю, потому что нелепо.*

Опираясь на свой философский метод, Тертуллиан, едва ли не первый в истории христианского богословия сформулировал догмат о Троице практически в том его виде, как он был зафиксирован более ста лет спустя на Никейском Вселенском Соборе (325 г.). Тер-

туллиан учил об этом так: каждое из трех Божественных Лиц есть Бог, но и все три — тоже Бог, иначе — **Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой** различаются как Лица, но едины — как Бог. Именно Тертуллиан ввел для выражения единства Божественной сущности латинский термин «trinitas», означающий «трое в одном». Во многом на этот термин опирались отцы Никейского собора, а в католическом богословии на этом термине до сих пор продолжает основываться понятие троичности Бога.

Отрицая античную философию, воспринятую им во многом через учения скептиков, говоривших о невозможности познания как такового, Тертуллиан считал, что существует единственно возможный путь познания — **познания верой,** которой не нужны ни аллегорические толкования текстов Священного Писания, ни попытки сделать некоторые его ключевые моменты приемлемыми для узких рамок человеческого восприятия.

Тертуллиан так и остался верен своему парадоксалисткому подходу и к философии, и к жизни. Он признавал, что ценными и неотъемлемыми для человека являются и душа, и тело, ибо и тело человеческое создано Богом. Но со временем Тертуллиан становился сторонником все более аскетической жизни, причем в столь крайней форме, что вошел в конфликт с Соборной церковью и организовал собственную секту «тертуллианидов». В

результате Тертуллиан был обвинен в ереси и его так и не провозгласили Святым Отцом Церкви. Но история сохранила его имя как имя великого мыслителя и основателя величественного здания христианской философии.

ФИЛОСОФИЯ МУДРОЙ ДОБРОТЫ

Этого философа в течение трех веков после его кончины большая часть иерархов и богословов христианской церкви называли великим светочем христианской мысли. Практически ни один богословский труд, созданный до середины VI века, не обходился без того, чтобы в нем не процитировали **Оригена** (185—254 гг.). Все говорило о том, что он должен был стать одним из почти легендарных Святых Отцов Церкви. Но в 553 году на Пятом Католическом Соборе Ориген вдруг был провозглашен еретиком, и имя создателя церковной науки в течение многих веков практически больше не упоминалось.

Такова посмертная судьба гениального мыслителя. Но и сама жизнь Оригена была полна жестоких и изнурительных испытаний, выпавших на его долю. Он родился в египетском городе Александрии в христианской семье греческого происхождения. Его отец, Леонид, преподавал грамматику в христианской школе и был первым учителем своего

сына. Начальное образование Оригена состояло в основном в заучивании текстов Священного Писания. Уже тогда он удивлял отца способностью необычайно глубоко понимать то, что написано в Библии.

В 202 г. император Септимий Север начал жестокие гонения на христиан, которые не обошли стороной и Александрию. Многие христиане, в том числе и Леонид, были схвачены, брошены в тюрьмы и казнены. Семнадцатилетний Ориген не только не прятался, но, напротив, — хотел разделить участь отца. Уже тогда в нем проявилось стремление к самопожертвованию во имя веры, ибо именно в этом видел он высшую цель земной жизни человека. В тот раз его спасла мать. Ориген уже совсем было собрался добровольно явиться перед гонителями, но мать спрятала его одежду, и ему не в чем было выйти из дома. После смерти отца семнадцатилетний юноша остался старшим в семье и должен был заботиться о прокормлении матери и шестерых младших братьев. Но к этому времени его знания и способности к толкованию Ветхого и Нового Заветов стали известны многим александрийским богословам, поэтому в 203 г. Ориген начал преподавать грамматику в знаменитой Александрийской катехизической школе.

В течение последующего десятилетия Ориген изучает греческих философов Платона, Пифагора, слушает лекции учителя Плотина —

Аммония Саккаса. Одновременно со славой богослова и философа Ориген обретает и славу христианского аскета: он спал на голой земле, изнурял себя строжайшим постом и воздержанием от всякого угождения плоти.

Оригену выпало жить в страшное для христиан время, когда с регулярностью в 10—15 лет какой-нибудь из римских императоров объявлял очередной поход против отрицавшей ценности Римской империи веры. В 216 г. император Каракалла начал новые гонения на христиан, и Ориген, по совету друзей, уехал на время в Палестину. Его авторитет богослова был уже столь велик, что палестинские епископы разрешили ему, мирянину, разъяснять прихожанам в храмах Священное Писание. С этого и начался конфликт Оригена с иерархами Церкви, ибо епископ Александрийский Димитрий усмотрел в проповедовании Оригена непозволительную вольность и приказал ему вернуться к преподаванию в школе. Ориген возвратился в Александрию и в течение 10 лет занимался преподаванием и философско-богословскими трудами.

В 229 году он завершает свой главный труд *«О началах»*. На идеи, изложенные в этом трактате, вольно или невольно в течение нескольких веков будут опираться в своих философских и догматических построениях многие христианские богословы. Сам Ориген оказался в положении между двух огней. С одной стороны, ненавидящее и преследую-

щее его римское государство, с другой — чересчур сурово относящиеся к нему иерархи Церкви. И все же он не падает духом, а продолжает разъяснять и комментировать Библию, продолжает увещевать, и успешно, сектантов, отколовшихся от Церкви. Но у самой Церкви складывается противоречивое отношение к Оригену — она не может не признать всю важность и эпохальность его идей и в то же время постоянно упрекает его за незначительные дисциплинарные проступки. Но эти попреки скажутся лишь через несколько столетий после его смерти, а вот гонения представляли реальную угрозу уже при жизни.

В 236 году император Максимиан издал эдикт о гонениях на христиан. В ответ Ориген написал трактат-воззвание «Увещание к мученичеству», в котором призывал христиан ни под какими угрозами и пытками не отрекаться от своей веры: «Преследуемый за веру под пытками теснейшим союзом соединяется с тем, кого он публично исповедует». В конце концов и самому Оригену пришлось испить чашу мучений за веру — во время гонений при императоре Декии 70-летнего Оригена бросают в застенок и подвергают пыткам. Но Ориген остался верен себе — отречения от веры от него так и не дождались. Смертельно больного, его выпустили из тюрьмы, и через несколько дней он умер от полученных увечий. Согласно преданию, Ориген был погребен в городе Тире в храме Христа Спасителя.

В философии Оригена есть одна особенная черта — это спокойное, вдумчивое суждение, в основе которого лежит необыкновенно доброе чувство к Богу, к миру и **человеку.** Любые возникавшие в ходе рассуждения противоречия он всегда старался разрешить с помощью основополагающих для христианства принципов веры, любви и свободы.

Ориген первым из богословов защитил идею извечного бытия **Иисуса Христа:** «Сын не может быть мыслим без Отца, как свет не может быть мыслим без сияния», но и Отец никогда не мог быть без Сына, иначе придется предположить, что «было время, когда не было истины, когда не было Премудрости, когда не было жизни, тогда как во всем этом в совершенной степени мыслится сущность **Бога Отца».** В Боге Отце, считал Ориген, заложено всё, и это всё реализуется в **Боге Сыне.**

Таким образом, Ориген приходит к великой мысли о том, что есть *«Три ипостаси и одна Троица»* — с этой формулы и началось троическое богословие. Правда, Ориген еще не считал эти ипостаси равными. Он полагал, что Сын подчинен Отцу, как разум — сущему, а Дух подчинен Сыну, как разумные идеи — разуму. А это, конечно, противоречило окончательной формуле догмата, принятой на Никейском Соборе в 325 году.

В рассуждении о природе человека Ориген делал упор на вопрос о присущей ему от

Бога **свободе воли. Бог,** считал он, даровал человеку свободу воли, и теперь человек сам может различить **добро** и **зло** и сам может выбрать, чему из них следовать. То есть, человек полностью отвечает за свои поступки пред Богом: «Если же кто говорит, что внешние воздействия, вызывающие наши движения, таковы, что этим воздействиям — побуждают ли они нас к добру или ко злу, — невозможно противиться, то думающий так пусть на короткое время обратит внимание на самого себя и потщательнее рассмотрит собственные движения: тогда он найдет, что при появлении какого-либо желания ничего не делается прежде, чем не будет дано соизволение души, прежде чем лукавому наущению не будет дано соизволение ума». Добрый, гуманный пафос философии Оригена состоит в том, что он убедительно показывает на многих примерах из Библии, что отнюдь не Бог стремится наказать человека, но сам человек волен обратить в добро или во зло для себя самого то, что посылает ему, как и всем, Бог.

Земной мир, считал Ориген, есть своего рода воспитательный дом, куда посылаются духи, стоящие ниже Троицы, и заключаются в различные тела: самые грубые становятся «диаволами», самые тонкие — ангелами, средние — людьми. Задача самой жизни — борьба со злом, которая, благодаря Божественной благодати, должна закончиться уничтожением

зла. По Оригену, история мира должна прийти не к апокалипсису, а к **апокатастасису,** то есть такому состоянию, при котором все духи спасутся и просветятся, и наступит черед новой мировой эпохи. Такую всепримиряющую концепцию развития мира предложил Ориген. Но в то суровое время, когда христианство готовилось к борьбе за распространение своих взглядов, такое всепрощенчество не могло быть принято Церковью. Не став достоянием богословия, мысли Оригена, тем не менее, оказали огромное влияние на развитие философии.

ИСПОВЕДЬ ГИППОНСКОГО ЕПИСКОПА

Аврелий Августин (354—430 гг.) родился в небольшом африканском городке Тагасте (на территории современного Алжира) в семье члена городского совета патрициев, в жилах которого текла и часть африканской крови. Отец его был язычником и лишь перед смертью перешел в христианство, вняв увещаниям своей глубоко верующей жены, Моники, как и ее сын, причисленной к сонму святых. Что же до самого Августина, то, как он пишет в своей книге *«Исповеди»,* в детстве он однажды так тяжело заболел, что казалось, будто он вот-вот умрет. Мать хотела срочно крестить его, дабы он умер, приобщен-

ныи святым дарам. Но Августин вдруг выздоровел: «Таким образом очищение мое отложилось, как-будто необходимо было, чтобы, оставшись жить, я еще больше вывалялся в грязи».

Аврелий Августин

Поначалу Августин учился в своем родном городе, но когда он достиг пятнадцатилетнего возраста, родители отправили его в риторскую школу в Карфагене. Учение Августину давалось легко, но его привлекали и развлечения, в разнообразии которых Карфаген не уступал Риму.

В науках его поначалу привлекала лишь внешняя сторона, возможность «блистать на форуме». Любовь к философии, к философическим рассуждениям в Августине впервые пробудилась от чтения диалога **Цицерона** «Гортензий»: «Я наслаждался этой книгой потому, что она увещевала меня любить не ту или иную философскую школу, а саму мудрость, какова бы она ни была». После Цицерона Августин решил вникнуть в суть Священного Писания, но не тут-то было: «Я был не в состоянии ни войти в него, ни наклонить голову, чтобы продвигаться дальше... Моя кичливость не мирилась с его простотой;

мое остроумие не проникало в его сердцевину». Первая попытка понять Библию окончилась неудачей.

В 384 году Августин переехал в Рим **и** стал учителем красноречия в риторской школе Милана. Здесь он познакомился с трудами **Филона Александрийского, Оригена,** с их методом **аллегорического толкования** Ветхого Завета, а также с трактатами **Плотина,** раскрывающими богатство и красоту духовного мира в противовес миру материальному. Завеса непонимания текстов Священного Писания наконец приоткрылась: «И, вразумленный этими книгами, я вернулся к себе самому и, руководимый Тобой [так Августин обращался к Богу], вошел в самые глубины свои: я смог это сделать, потому что "стал Ты помощником моим"».

В 387 году Августин принял крещение и практически сразу после этого возвратился в Тагаст. В 396 году христианская паства африканского города Гиппона избрала Августина епископом — в этом сане он прожил оставшиеся 34 года своей жизни.

Всю силу своего блистательного философского и риторского таланта Августин посвятил анализу философских и исторических проблем христианства. В центре мироздания, по Августину, находится Бог — причина существования всего существующего, всех его перемен. Бог не только сотворил мир, но и продолжает творить его — мир не развивает-

ся сам, все, что в нем происходит, является исполнением Божьего замысла.

Что же тогда для нас важнее — познать мир или Бога? Августин считал, что в центре познания стоит Бог, поэтому его философию называют теоцентрической — такой оставалась и вся средневековая философия. Но что значит — познать Бога? Сам Августин осмеивал предпринимавшиеся им в молодости попытки наглядно представить себе Бога — это невозможно, ибо слишком малы для этого возможности человеческого разума. В конце концов Августин пришел к выводу, что путь богопознания есть сложный путь веры и сомнения. «Я буду искать Тебя, Господи, взывая к Тебе, и воззову к Тебе, веруя в Тебя, ибо о Тебе проповедано нам» — в этой фразе заключено философское кредо Августина. Невозможно познавать Бога, не веря в него — с веры начинается познание. Это, безусловно, странное познание — человек начинает познавать то, во что уже верит.

«Верь, чтобы разуметь» — первая часть правила познания Августина. Парадокс разрешается им так: знание о моем Создателе, Создателе мира уже заложено Им во мне, и его нужно только вспомнить, а для этого необходимо волевое усилие, необходимо поверить. Но, поверив, начав вспоминать, человек должен все время проверять — правильно ли он вспоминает, не идет ли его разум, столь несовершенный по сравнению с Божественным,

ложными путями. И вот здесь-то и необходимо сомнение — сомнение, основанное на вере. *«Разумей, чтобы мог верить»* — такова вторая часть правила познания Августина.

Вторая проблема, которая волновала Августина, была проблема **теодицеи** — оправдания Бога за присутствие **зла** в мире: «Откуда это, если все это создал Бог, Добрый — доброе. Большее и высочайшее **Добро** создало добро меньшее, но и Творец и тварь — добры. Откуда же зло?» Невозможно, чтобы Бог создал зло, считал Августин. Невозможно подозревать Бога в каких-то коварных замыслах, ибо тогда Он просто не был бы Совершеннейшим, не был бы Богом. Бог создал человека со **свободной волей,** и человек именно тогда, когда забывает о Боге, произвольно или непроизвольно творит зло: «...воля, свободная в своем решении, является причиной того, что мы творим зло и терпим праведный суд Твой». Исходя из этого, Августин считал, что над человеком, вследствие греха, совершенного Адамом, тяготеет печальная **необходимость, судьба** — для праведной жизни человеку нужны постоянные усилия, основанные на вере в Бога. По Августину *зло есть отсутствие добра, как тьма есть отсутствие света.*

Аврелий Августин жил в очень тяжелые времена для Римского государства. Племена остготов, вестготов, вандалов вторгались на его территорию со всех сторон. В 410 году войска Алариха захватили и разграбили Рим. Это

вызвало среди римлян не христиан антихристианские волнения — они считали, что христианство ослабило Рим. Все это, возможно, побудило Августина к написанию во многом итоговой для его философского творчества книги *«О граде Божьем»,* в которой он изложил первую и важнейшую в истории человеческой мысли *концепцию исторического развития рода человеческого.*

От начала мира, считал Августин, существует разделение на **град Божий,** к которому относятся все духовные силы, верные Богу, истинные христиане и добродетельные люди, и **град земной,** к которому принадлежат все отягощенные грехами, бесчестными делами, плотскими и суетными вожделениями. Основателем земного града, по концепции Августина, был братоубийца Каин, которому в истории Рима соответствовал братоубийца Ромул. Рим для Августина являлся олицетворением града земного, и все, кто стремится к граду Божьему, дающему спасение и вечную жизнь или истинное бытие, должны отвергнуть Рим. Гибель Рима, одобрявшаяся Августином, должна была способствовать распространению христианства среди варварских народов — и Августин оказался прав, потому что и остготы, и вестготы, а затем и вандалы в конце концов приняли христианство. Ход человеческой истории, считал Августин, будет определяться противостоянием этих двух градов — и так вплоть до Страшного суда,

Апокалипсиса, в результате которого спасутся только люди, избравшие град Божий.

Августиновская концепция истории получила название **эсхатологической,** то есть ориентированной на конец света. Но его современникам и вообще людям Средневековья она вовсе не казалась мрачной и пессимистичной. Напротив, они считали ее вполне оптимистической — ведь она давала смысл существованию человечества, указывала ему ясную цель. Кроме того, Августин всегда подчеркивал важность культуры, являвшейся, по его мнению, мостиком для перехода из града земного в град Божий.

ПУТИ БОГОПОЗНАНИЯ

На церковном соборе в 532 году были впервые представлены четыре трактата, подписанных именем: **Дионисий Ареопагит.** Имя это было известным — оно упоминалось в новозаветных «Деяниях апостолов» (17, 34). Дионисий Ареопагит (то есть член Ареопага — высшего суда Афин), высокообразованный афинянин принял христианство под воздействием проповеди апостола Павла. В VI веке все были уверены в том, что автором четырех трактатов — *«Об именах Божиих», «О мистической теологии», «О небесной иерархии», «О церковной иерархии»* — является тот самый легендарный Дионисий Ареопагит.

Только в эпоху Возрождения было доказано, что трактаты эти не могли быть написаны ранее VI века, тогда как Ареопагит жил в I веке. После этого автора стали именовать Псевдо-Дионисием.

Эти книги оказывали огромное влияние на развитие системы богословия и **богопознания** вплоть до нашего времени. На одновременно и очень простой, и архисложный вопрос — можно ли и нужно ли познавать Бога? — Псевдо-Дионисий ответил однозначно: да. Но возникает вопрос — как и что мы в таком случае познаем? Мы можем познавать Бога, считал Ареопагит, двумя путями.

Первый подход, названный **негативной теологией,** означает понимание того, что Бог — есть «ничто», то есть «ничто из этого мира». Ничто из того, что есть в нашем мире, мы не можем сравнить с Богом — Он неимоверно выше, больше, истинней всякой вещи, всякого понятия и определения. По сравнению с этим миром Бог — Другой. Поэтому путь негативного (апофатического) богопознания «есть путь отвлечения и отрицания, путь упрощения и умолкания», чтобы познать Бога как «изъятого из всего существующего». Это путь аскетический, путь «очищения» и «собирания» собственной души, отвлечения от всех образов — чувственных и умственных. Бог познается не через размышление о Нем, но через «непостижимое с Ним соединение».

Второй подход, названный **позитивной теологией** означает ощущение того, что весь мир, все существующее есть некий образ Божий. «Мы познаем **Бога,** — писал Псевдо-Дионисий, — не из Его природы, которая непознаваема и превышает всякую мысль и разум, но из установленного Им порядка всех вещей, который содержит некие образы и подобия Божественных первообразов, восходя к Тому, что находится превыше всего, особым путем и порядком, чрез отвлечение от всего и возвышение над всем». Позитивное (катафатическое) богопознание познает Бога через познание сущностных законов мироустройства, которые сами по себе есть следствие или образ Божьего творения.

Бог, считал Ареопагит, неизменно и непрестанно как бы исходит из Себя в мир, но в то же время остается недвижным и неизменным, Он — *тот же и иной одновременно.* Но при этом необходимо помнить, что Бог сверхсущественно отделен, «изъят от мира». Между миром и Богом есть последняя и окончательная грань, «последнее зияние», или **транс** («непреходимое»). Бог, полагал Ареопагит, явлен человеку через Свои силы: **Свет, Благо, Любовь, Красоту.** Бог есть «Промыслитель, Творец, и Прообраз мира — *Бог есть всё, не будучи ничем из всего».*

Псевдо-Дионисий создал также грандиозную картину Небесной иерархии и утверждал, что также и в мире все должно быть

стройно, созвучно и согласовано между собой, ибо его сущностное устройство отражает **Небесный порядок.** Так же, как и Августин, Ареопагит считал, что «зло не существует само по себе»: «Зло есть умаление, его причина в бессилии — во всех злых делах и явлениях мы видим прежде всего немочь. Зло есть некое выступление из мер естества и **бытия,** неправое и недолжное действие».

ПОСЛЕДНИЙ РИМЛЯНИН, ИЛИ ФИЛОСОФ НА ПЛАХЕ

Аниций Манлий Торкват Северин **Боэций** (480—524 гг.) принадлежал к двум самым блистательным родам римских патрициев — Манлиев и Анициев. Его предки прославились своими делами и речами во славу Римской империи, но ему, их потомку, выпала судьба жить в эпоху, когда от великой империи уже мало что осталось. Италия была завоевана остготскими племенами, чей вождь, Теодорих, основал свое королевство со столицей в городе Равенна.

Боэций уже в раннем детстве остался сиротой, и его усыновил знатный патриций Аврелий Симмах, которого его современники сравнивали с Катоном, олицетворявшим для римлян высочайшие гражданские добродетели. В семье Симмаха Боэций усвоил, что человеку необходимо отстаивать свои убеждения

и свою свободу, несмотря ни на какие опасности, вплоть до смерти. Боэций получил великолепное образование в римской школе (по некоторым данным, он обучался также в Афинах и Александрии) и, уже будучи чуть старше двадцати лет, стал активно заниматься самостоятельными философскими исследованиями. Он написал цикл трактатов по проблемам арифметики, музыки, геометрии и астрономии, в которых подчеркнул важность и необходимость дальнейшего развития этих научных отраслей, ибо без них невозможно продвинуться дальше в философском познании мира и человека.

Смолоду Боэций, следуя, по-видимому, семейным традициям, активно и весьма успешно занимался политической и государственной деятельностью при дворе короля Теодориха. Боэция влекло к себе античное прошлое, влекли ставшие уже легендарными традиции римского гражданства. Его интересовала античная **философия** — Аристотель, стоики, Цицерон, неоплатоники. Он внимательно изучал их труды и даже создал весьма обширные комментарии к логическим трактатам Аристотеля, к трудам ученика Плотина, Порфирия.

В течение нескольких лет Боэций был «комитом священных щедрот» (т.е. министром финансов) короля Теодориха. В 522 году его карьера достигла вершины — он был назначен «магистром оффиций», то есть первым министром остготского монарха.

У римских патрициев были далеко идущие цели — они хотели восстановить былую славу Римской империи, пусть даже под властью остготского варвара. Образовался даже своего рода кружок единомышленников, основу которого составили Боэций, Симмах и Папа Иоанн I. Но политическое торжество Боэция продолжалось, увы, недолго. Его замыслам противостояла проготская партия другого выдающегося патриция, политика, ритора и педагога Кассиодора (490—585). Кассиодор был приверженцем августиновской концепции истории, согласно которой Римская империя должна была погибнуть, дабы, растворившись в племенах варваров, принести им свет христианской веры.

В 523 г. Теодориху поступил донос от одного из сторонников Кассиодора, Киприана, на сенатора Альбина, сторонника Боэция. Киприан обвинял Альбина в тайной переписке с императором Византии Юстином. Боэций, следуя своим принципам, открыто встал на защиту Альбина, но в результате сам был обвинен в измене и приговорен к смерти. В тюрьме города Тичин (ныне — Павия) Боэций провел несколько месяцев в ожидании казни.

Именно в это время он создал философское сочинение, обессмертившее его имя, — трактат *«Об утешении философией»*. Для выражения своих переживаний Боэций избрал не совсем обычную литературную форму —

в книге отрывки прозаического текста чередуются со стихотворными строками (в XIV веке **Данте Алигьери** напишет по сходному принципу свое первое значительное произведение «Новая жизнь»). Прозаические отрывки построены в форме диалогов между автором и аллегорической фигурой Философией, которая явилась ему впервые в облике женщины «с ликом, исполненным достоинства, с пылающими очами, зоркостью своей далеко превосходящими человека, поражающими живым блеском и неисчерпаемой притягательной силой».

Философия олицетворяет для Боэция связь с уже ушедшим легендарным античным миром, а также связь с миром **Божественного Высшего Разума.** Она дает человеку ощущение своей причастности вечному бытию, великому Космосу, поэтому истинный философ не может бояться смерти. Он познает иллюзорность материальных благ, не подкрепленных истинной духовностью. Человеческой жизнью, ее внешними обстоятельствами управляет фортуна, поэтому от человека они не зависят. Зато от него зависит не потерять, вследствие нечестных, низких деяний, связь с вечным источником самого бытия — Божественным Разумом.

Боэций в своем трактате фактически соединяет христианское учение с учением античных стоиков, поэтому «Утешение» долгое время, особенно в Средние века и в эпоху

Ренессанса, было настольной книгой практически каждого выдающегося философа. Многие люди обращались к этой книге в самые трудные моменты своей жизни.

Историческая легенда, сделавшая Боэция нравственным идеалом средневекового философа, гласит, что сам могущественный король Теодорих не избежал расплаты за несправедливый приговор Боэцию и его тестю Симмаху. Случилось так, что однажды на пиру королю подали блюдо с огромной рыбой, голова которой вдруг напомнила ему Симмаха. В сильнейшем волнении король покинул пиршественный зал. После этого он тяжко заболел и умер, перед смертью раскаявшись в жестоком приговоре Боэцию и его тестю.

ОТЕЦ СХОЛАСТИКИ

Каким образом появился этот философ в землях обширной империи Каролингов, потомков императора франков Карла Великого, и куда исчез он после нескольких десятилетий блестящей деятельности в качестве врача, богослова и переводчика греческих богословских трактатов — об этом практически ничего неизвестно. Известно лишь, что в начале 40-х годов IX века при дворе короля Карла Голого в Париже появился врач по имени Иоанн Скот, вскоре прославившийся как интересный и необычный богослов. Эриугеной

он сам назвал себя в предисловии к первому изданию своего перевода трудов Дионисия Ареопагита.

Осенью 850 года **Иоанн Скот Эриугена** (ок. 810—ок. 877 гг.) представил на суд латинских богословов свой первый самостоятельный философский труд *«О предопределении»*. В этом трактате Эриугена дал свою точку зрения на вопрос о том, насколько жизненный путь человека, а значит и все невзгоды и страдания на его пути, предопределены **Богом.** Эриугена сформулировал такую, на первый взгляд, загадочную фразу: *Бог прост.*

Как прост? Разве есть для человеческого понимания что-либо более сложное, чем Бог? Но это именно для человеческого понимания, считал Эриугена. Мы ведь не можем говорить о том, что Бог складывается из нескольких субстанций или сущностей, его сущность — едина и неделима, следовательно — Бог прост. Его множественность, по мнению Эриугены, кажущаяся, она проявляется только в человеческом восприятии Бога.

Исходя из тезиса о простоте Бога, Эриугена утверждал, что для Него знать и творить — одно и то же действие. Бог, говорил Эриугена, творит самим актом знания и предопределяет. Все, что знает Бог, Он знает из Себя Самого, но Он есть благо и жизнь, а значит и предопределяет только к благу и жизни. Зла нет, оно — лишь умаление **добра,** поэтому Бог во зло ничего не предопределяет.

Ни зло, ни даже смерть не являются неизбежными для человека — почти всё здесь зависит от него самого, от состояния его души.

Позиция Эриугены встревожила многих богословов и иерархов Церкви. По его теории получалось, что Бог не создавал ни ада, ни вечных мук, которыми так часто пугали и пугают людей. Эриугену обвинили в том, что он позволил себе рассуждать на богословские темы, не будучи священником. Но сам философ вовсе не отрицал того, что после смерти грешников ожидают мучения, просто источником этих мучений будут их собственные души. После смерти, писал Эриугена, все души попадут в зону Божественного огня, или света, но — «как один и тот же свет подходит здоровым глазам и раздражает больные, так и первым (праведникам) по нраву совершенная радость своего спасения, а вторым (грешникам) досаждает карающее страдание от своего разрушения». *Преисподняя,* считал Эриугена, *находится не где-нибудь, а в нас самих.*

Сочинение Эриугены было осуждено несколькими местными церковными соборами, но его не так-то легко можно было сломить. Богословский спор продолжался семь лет, пока наконец спорившие стороны не пришли к обоюдному согласию. Эриугена в итоге приобрел репутацию «мужа очень ученого, но не всегда согласного с истиной Церкви».

С большим уважением к философу относился король Карл Голый, интересовавшийся

богословием и любивший античную и византийскую культуру. Эриугена благодаря знанию греческого языка фактически открыл заново для латинизированной Европы богословские труды многих византийских Св.Отцов, в том числе Дионисия Ареопагита.

Однажды на пиру Карл и философ сидели за столом друг против друга, и Эриугена позволил себе нарушение так называемого галльского этикета. Тогда король в шутку спросил у него: «Что, по-твоему, отделяет скота

от Скота?» — Эриугена, не моргнув глазом, ответил: «Лишь стол». В другой раз, тоже на пиру, королю подали блюдо, на котором лежали два больших карпа и один маленький. Карл тут же велел передать это блюдо Эриугене, который сидел рядом с двумя рослыми и тучными монахами. «Раздели сам это блюдо между вами троими», — сказал он философу. Эриугена взял себе двух больших карпов, а монахам отдал одного маленького. «Разве ты

разделил по справедливости?», — ехидно спросил Карл Голый. «Конечно, — ответил Эриугена. — Вот (он указал на себя) один маленький и два (карпа) больших. И здесь тоже (он указал на монахов) — два больших и один маленький».

Так ответить королю мог, наверное, только Эриугена, потому что в этом ответе содержится, кроме шутки, еще и наглядное пояснение к вопросу, который очень занимал философа: можно ли было бы отличить человека от той же рыбы, если бы в **Божественном разуме** не существовало понятия или **идеи человечности.**

Человек, считал философ, потому только и является человеком, что он причастен к этому видовому понятию. Фактически это было началом главного спора всей схоластической философии — **Спора об универсалиях.** Что главнее — **единичное** или **общее,** идея (универсалия), понятие или индивидуальность, конкретная вещь? Скажем во фразе «Сократ человек» важнее «Сократ» или «человек»? Эриугена ответил бы, что «человек», ибо без принадлежности Сократа к видовому понятию человека не было бы никакого Сократа.

Основываясь на этом ощущении, Эриугена создал новый для того времени метод философствования — **схоластику.** Он так и остался в истории философии «отцом схоластики». В чем суть схоластики? Ум **человека,** его рассудок, его разум, считал Эриугена, подобен Божественному Разуму. Следовательно,

путем разумных, то есть логических или диалектических рассуждений, мы можем приблизиться к пониманию того, что такое Бог.

«•Между Откровением и разумом нет противоречия», — говорил Эриугена. Но рассуждения — лишь первая часть схоластического метода. Вторая, не менее важная, часть — авторитетные источники, опираясь на которые, можно подтвердить те выводы, к которым философ-схоласт пришел путем рассуждений. Для Эриугены главным авторитетом была, естественно, Библия. Священное Писание, говорил «отец схоластики», есть «укромное обиталище истины». На протяжении четырех веков господства схоластической философии богословы усердно выполняли завет Эриугены — «проникнуть под покров буквы к заветным тайнам».

Особые споры вызвал трактат Эриугены *«О разделении природы».* Всю природу философ разделил на четыре ступени — ступени природы. Первая ступень — природа несотворенная и творящая (Бог), вторая ступень — природа сотворенная и творящая (Божественные идеи), третья ступень — природа сотворенная и нетворящая (мир, созданный Богом, и высший смысл мира —человек) и четвертая ступень — природа несотворенная и нетворящая (всё, сотворенное Богом, рано или поздно возвращается к Нему, и потому Бог есть не только начало всего, но и конец всего). Церковь усмотрела в такой концепции пан-

теистические мотивы, поскольку Бог не отделен здесь от остальной природы. Поэтому трактат Эриугены был сожжен.

В конце концов Эриугена покинул Францию и вернулся в Англию. Что с ним было дальше, достоверно неизвестно. Есть легенда, что он преподавал в одном из монастырей и был заколот своими же учениками. Впрочем, столь страшный конец скорее всего был выдумкой, списанной со смерти Юлия Цезаря. Об Эриугене ходило множество легенд, его называли даже «латинским Златоустом». Три века спустя, в 1225 году, его сочинения были запрещены. Но в 1586 году его, видимо спутав с другим Иоанном Скоттом, епископом, принявшим мученическую смерть от язычников в городе Мекленбурге, вписали в мартиролог святых мучеников католической Церкви.

КАК ДОКАЗАТЬ, ЧТО БОГ ЕСТЬ?

Этого средневекового философа и богослова, сделавшего первую в истории христианской философии попытку доказать существование самого Бога, называли «вторым Августином». **Ансельм Кентерберийский** (1033—1109 гг.), сын обедневших дворян, родился в городе Аосте, что в Северной Италии, на границе с Францией. Его мать рано умерла, и он, практически не находивший общего языка с

Ансельм Кентерберийский

отцом, промотавшим все семейное состояние, ушел из дому в сопровождении домашнего клирика.

Три года Ансельм скитался по городам Франции и Бургундии, пока наконец не пришел в монастырь Бек, незадолго до того основанный в Нормандии. В монастыре была создана прекрасная по тому времени школа для обучения не только монахов, но и мирян. В этом «большом и славном училище словесности» преподавались три главных для той эпохи предмета — **риторика, грамматика** и **диалектика,** то есть искусство обсуждать и сравнивать друг с другом Евангельские тексты, христианские догматы и изречения Святых Отцов. Диалектика была основным методом рассуждения и познания религиозных истин — а это и составляло основную цель философии того времени. В **1060** году Ансельм принял монашеский постриг и всего через три года сам стал руководить школой, в которой раньше учился. В эти годы он создал свои самые важные философские сочинения: *«Монологион»* и *«Прослогион»,* в которых изложил свой взгляд на проблему существования общих, или универсальных,

идей, на проблему взаимоотношения веры и познания, а также сформулировал свои знаменитые **доказательства существования Бога.**

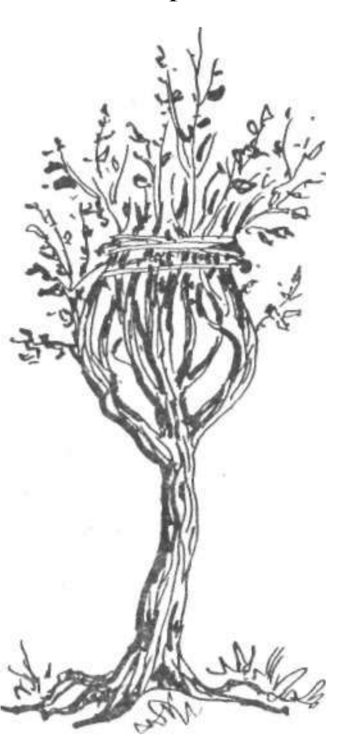
В те времена разгорелся спор, определивший весь ход развития схоластической философии. Христианское вероучение в качестве своей рациональной философской основы использовало учение **Платона** об идеях — наш материальный мир является своего рода тенью, отражением высшего мира идей, например идей красоты, мудрости, добра, справедливости. Именно потому, что есть эти идеи, возможно их претворение в реальной жизни. В схоластике идеи Платона были названы **«универсалиями»,** поэтому и спор о них был назван **Спором об универсалиях.** Основными «спорщиками» были **реалисты,** которых возглавлял Ансельм, и **номиналисты,** которых возглавлял монах **Иоанн Росцеллин (1050—1120).**

Реалисты утверждали, что универсалии не являются выдумкой человеческого ума, а существуют реально, и именно благодаря их существованию в человеческом сознании возникает представление о них. Формула реалистов: *универсалии существуют до вещей.* Нельзя было бы назвать никакой предмет белым, если бы не существовала «идея белизны», утверждали реалисты.

Номиналисты же, напротив, полагали, что все эти идеи не существуют самостоятельно, а просто порождены человеческим умом и

выражены в виде слов, звуков, понятий. Их формула: *универсалии существуют после вещей.* Ансельм упрекал Росцеллина, что для него высокие идеи фактически являются лишь сотрясением воздуха. «Истина, — писал Ансельм, — содержится не только в мышлении; она самостоятельна, реально существует. Суждения истинны, так как они входят в Истину-вообще, поэтому, например, и справедливые действия совершаются на основе их причастия к понятию Справедливости-вообще».

На посту руководителя школы Ансельм приобрел репутацию мягкого и доброго человека. Нравы тогда были суровыми, отношения между людьми в монастырях строились на принципе беспрекословного подчинения, за нарушение которого следовало суровое наказание. Но Ансельм прибегал только к увещанию, объяснению или сердитому молчанию, которое, впрочем, часто действовало не хуже слов. Один аббат очень строго наказывал монастырских послушников и все удивлял-

ся, что мальчики становятся от этого не более благочестивыми, **а** напротив — злыми, скрытными и неуправляемыми. Тогда он решил посоветоваться с Ансельмом, и тот рассказал аббату притчу о дереве: если его ветви связать, то оно не сможет расти, а если и вырастет, то уродливым.

В 1088 году английский король Вильгельм Рыжий, сын Вильгельма Нормандского Завоевателя, пригласил Ансельма принять сан архиепископа Кентерберийского. Ансельм долго и упорно отказывался, и его чуть ли не силой посвятили в эту должность, на которой он постоянно вступал в конфликты с королем, жаждавшим присвоить себе большую часть церковных доходов. Ансельм не мог примириться с распространившейся в то время продажей церковных должностей. В ту эпоху в Европе разразился настоящий кризис института папства, шла борьба между Римом и германским императором. Наряду с законными папами римскими выбирались и антипапы. Ансельму приходилось прикладывать огромные усилия, чтобы Вильгельм Рыжий признал власть законного Папы. Несколько раз он ездил в Рим, участвовал в католических соборах и на них отстаивал свою точку зрения на проблему универсалий.

Верю, чтобы понимать, — такой **принцип познания** сформулировал Ансельм. Он вполне отвечал задачам схоластической философии — рациональными, разумными доводами

объяснить и обосновать христианскую веру. По мнению Ансельма, разум человеческий должен помочь вере найти путь к душе человека: *«Вера ищет разум»*. Исходя из такого мироощущения, Ансельм попытался впервые сделать то, что считали невозможным Святые Отцы первых веков христианства — *доказать* реальность существования Бога.

Первое доказательство использует идею совершенства. Сотворенные вещи, полагает Ансельм, несовершенны, они образуют ряд возрастающего совершенства. Но если есть относительное совершенство, то должно существовать и абсолютное совершенство, то есть совершенство само по себе, а это и есть Бог.

Второе доказательство, наиболее известное и наиболее спорное, получило название **онтологического,** то есть основывающегося на самой сущности понятия «Бог». Бог, говорит Ансельм, это абсолютное совершенство, и нельзя помыслить нечто, что было бы более совершенным, чем БоГ. Теперь предположим, что Бог существует лишь в нашем мышлении, но тогда Он теряет одно существенное свойство — свойство реальности, а значит перестает быть абсолютно совершенным, то есть перестает быть Богом. Следовательно, Бог существует реально, независимо от нашего мышления.

Когда на английский престол вступил младший брат Вильгельма Рыжего, Генрих, то он, как и его старший брат, тоже пожелал са-

молично распределять приходы и аббатства, а заодно и получать с них львиную долю доходов. Ансельм снова был вынужден покинуть Англию и отправиться под защиту Папы Римского.

Незадолго до смерти Ансельм все же примирился с королем, фактически добившись удовлетворения своих требований о независимости духовенства от светской власти. Как утверждают хронисты, умер Ансельм в **1109** году. Перед смертью он выразил сожаление, что не успел исследовать вопрос о происхождении души. Современники дали ему прозвище «чудесный доктор». Но лишь в XIX веке было принято окончательное решение о причислении его к лику Святых католической церкви.

ВЛЮБЛЕННЫЙ БОГОСЛОВ

Свою жизнь философ и богослов **Пьер Абеляр (1079—1142** гг.) охарактеризовал в названии автобиографического сочинения — «История моих бедствий». Одаренный от природы талантом ученого и испытывавший страсть к учебе и познанию, Абеляр уже в юности отказался идти по стопам отца и братьев, и, вместо того чтобы стать военным, решил стать философом. «Избрав оружие диалектических доводов среди остальных положений философии, я променял все прочие

доспехи на эти и предпочел военным трофеям победы, приобретаемые в диспутах».

• Юный Абеляр путешествовал по Франции в поисках все новых диспутов, пока наконец не попал в Париж, где стал учеником прославленного диалектика **Гильома из Шампо (1070—1121).** Поначалу отношения между ними складывались хорошие, но затем они разошлись во взглядах на проблему **универсалий,** а также, как считал Абеляр, из-за зависти, поскольку он начал побеждать своего учителя в диспутах.

Вскоре Абеляр организовал собственную школу неподалеку от Парижа и с успехом преподавал в ней. Но философский конфликт с Гильомом продолжался. Гильом был, что называется, крайним реалистом, считавшим, что без реально существующих общих понятий (универсалий) не может существовать никакая единичная вещь. Совершенно другой подход к проблеме универсалий предложил Абеляр. Он возражал и против позиции реалистов, и против номиналистов. Разве в Сократе для нас важно лишь то, что он «человек вооб-

Пьер Абеляр

ще»? Разве не важны для нас и для мира мысли, которые высказывал Сократ, разве не важен для нас его философский подвиг? Значит, считал Абеляр, имеет значение не только общее, но и конкретное, единичное.

Но и общее понятие не является пустым звуком, как считали номиналисты. Ведь мы, говорил Абеляр, называем конкретного человека «человеком» не только в силу того, что у него есть ряд соответствующих внешних признаков. В каждом человеке есть нечто, присутствие чего говорит нам о том, что это — человек. Общие понятия существуют реально, но не отдельно от конкретных вещей или людей, а в каждом из них. Таким образом, Абеляр сформулировал третью позицию в **Споре об универсалиях:** *универсалии существуют в вещах.* Эта позиция была названа концептуализмом. Универсалия есть концепция вещи, неотделимая от нее.

Школа Абеляра была одной их самых посещаемых во Франции. В ней Абеляр блистал своим талантом логически мыслить, своей способностью прояснять самые, казалось бы, темные места из Библии. Все шло прекрасно, Абеляр уже считал себя «единственным сохранившимся в мире философом», но тут вдруг... он влюбился.

Племянница одного каноника, Элоиза, была очень необычной для своего времени женщиной: «Она была не хуже других и лицом, но обширностью своих научных познаний

превосходила всех. Так как у женщин очень редко встречается такой дар, то есть ученые познания, то это еще более возвышало девушку и делало ее известной во всем королевстве». Абеляр стал учителем Элоизы, и очень скоро они полюбили друг друга. Ни о каких серьезных занятиях философией уже не могло быть и речи. Их роман развивался с молниеносной быстротой и трагическими последствиями: побег от ее родственников в провинцию, рождение сына, полунасильственная (со стороны родственников) женитьба. Кончилось все тем, что ее родственники нанесли Абеляру тяжкие увечья, после чего сама Элоиза постриглась в монахини в монастыре Аржантейль, а Абеляр принял постриг в аббатстве Сен-Дени.

Монашеская жизнь Абеляра была полна горестей и преследований со стороны тех, кого он называл завистниками. Однако он продолжал активную преподавательскую деятельность. Его осудили на двух церковных соборах во Франции, приговорили к тому, что он должен сжечь своими собственными руками свой трактат о Св.Троице. Но все это время Абеляр переписывался с Элоизой. История сохранила их полные нежности, участия и доброты письма. Элоиза стала настоятельницей женского монастыря, и Абеляр помог ей, пожертвовав для этого монастыря участок земли.

Основной претензией, которую предъявляли Абеляру его противники, было недовольство слишком, по их мнению, **рационалистическим** подходом философа к богословским проблемам. Основным его противником в этом споре был **Бернар Клервоский (1091—**1153), сторонник иррационального, мистического подхода к **богопознанию.** Он считал Абеляра мудрствующим гордецом, который «учит по-новому», и развил необычайно мощную де-

ятельность, с тем чтобы добиться наказания Абеляра. Это ему удалось — на Сансском соборе (1140 г.) Абеляр, которому фактически не дали сказать и слова в свою защиту, был приговорен к пожизненному молчанию. Абеляр не согласился с таким решением и отправился в Рим, чтобы подать апелляцию Папе, но в дороге тяжело заболел и умер.

АНГЕЛЬСКИЙ ДОКТОР

Один из величайших учителей католической Церкви, **св. Фома (Томас) Аквинский** (1225—1274 гг.), основатель богословской системы **томизма,** родился в королевстве Неаполитанском в замке Рокка-секка, принадлежавшем его отцу, графу Ландольфу Аквинскому, близкому другу и родственнику императора Фридриха II.

.В пять лет Фома был определен на учебу в монастырь Монтекассино, который одновременно славился как элитарное учебное заведение для сыновей богатых и высокопоставленных вельмож. Ирония судьбы, правда, заключалась в том, что за несколько лет до этого отец Фомы принял активное участие в разрушении этого монастыря, выказавшего непокорность Фридриху П. Когда Фоме исполнилось 14 лет, в 1239 году император вновь напал на Монтекассино и приказал монахам-бенедиктинцам оставить монастырь. Фоме пришлось отправиться в Неаполь и продолжить образование в тамошнем университете. События в Монтекассино так по-

Фома Аквинский

влияли на него, что когда его родители стали настаивать на том, чтобы он вступил в монашеский орден бенедиктинцев и стал аббатом все того же многострадального монастыря, Фома вступил в орден доминиканцев и отправился продолжать учебу в Парижском университете.

Но не тут-то было. По дороге в Париж на Фому и его спутников вдруг напал отряд воинов, предводительствуемый его собственными братьями, которые увезли его в родительский замок. Там, в высокой башне замка Рокка-секка, Фома провел год под домашним арестом. От него добивались согласия стать аббатом одного из самых престижных монастырей в Европе. Но Фома стоял на своем. Есть легенда, по которой братья, желая скомпрометировать Фому, провели однажды в его комнату девицу легкого поведения. Они надеялись, что их младший брат не выдержит соблазна и его можно будет этим шантажировать. Но Фома, как только заметил куртизанку, вытащил из камина тлеющую головню и стал размахивать ею, угрожая подджечь весь замок. Девица в ужасе убежала, а через некоторое время мать Фомы, поняв, что решимости сына ей не переломить, благословила его на поездку в Париж.

В Париже Фома Аквинский пробыл три года, слушая лекции прославленного богослова-схоласта и алхимика Альберта Великого (1193—1280), а затем вместе с ним переехал в Кельн, где продолжал свои занятия. Внешне

он отличался высоким ростом, чрезмерной полнотой и неповоротливостью. Усердно занимаясь богословием и философией, он так мало общался с другими студентами, что они прозвали его Немым Быком. В 1252 году Фома возвратился в Париж, получил степень магистра теологии и занялся преподаванием в университете.

Одновременно он начал самостоятельные богословские исследования. Фома взялся за поистине титаническую задачу — создать стройную систему теологии, соединив христианскую философию, которая до этого основывалась в основном на учении **Платона** и неоплатоников, с рационалистической философией **Аристотеля,** чьи трактаты к тому времени проникли в Европу и произвели ошеломляющее впечатление на умы многих богословов-схоластов. На теологические труды Фомы вскоре обратили внимание и в Ватикане. Папа Урбан IV увидел в нем человека способного наконец разрешить уже всем поднадоевший **Спор об универсалиях. По** его поручению Фома приступил к разработке общей теологической системы католицизма, которая смогла бы удовлетворить большую часть богословов. Он пишет трактат *«Сумма теологии».*

В этом трактате Фома разделил человеческое **мышление** на **научное** и **теологическое.** Научное познание объясняет закономерности мира, направлено вовне, на внешние объекты и не занимается внутренним миром

человека. Последним занимается **теология,** которая познает такие истины как Божественное Откровение, Благая Весть — все, что относится к области веры. Философия может и должна, по мысли Фомы, разумно толковать истину веры, чтобы опровергать направленные против веры аргументы. Фома Аквинский считал философию своеобразной рационалистической подпоркой для иррациональной теологии. Его принцип: ***философия*** *является служанкой теологии.* Но и роль Разума в жизни человека Аквинат считал очень важной. Разум есть основное свойство человеческой души, с его помощью человек может управлять своей волей: *кто против разума, тот и против человека.*

В **1269** году папа направил Фому Аквинского в Парижский университет, где ему было поручено разрешить наконец Спор об универсалиях. Фома с честью справился с этой ролью. Он создал срединную теорию, объединившую в себе все позиции: универсалии существуют и до вещей (в Божественном разуме), и в вещах (как суть вещи), и после вещей (как название вещи, появляющееся в человеческом разуме при абстрагировании от нее).

Фома Аквинский был вторым, после Ансельма Кентерберийского, теологом, который попытался доказать существование Бога. Он привел пять **доказательств,** главным из которых является **телеологическое** (по принципу целесообразности) доказательство: всё, даже

кажущееся случайным, имеет в самом деле цель, смысл, ббладает полезностью. Значит, **существует** Нечто, что направляет все вещи к некой цели, а это и есть Бог.

Способность Фомы углубляться в богословские размышления вошла в поговорку. Однажды, на приеме у короля Людовика IX, пока все веселились, Фома тихонько сидел **в** углу, как всегда, о чем-то глубоко задумавшись. Через некоторое время все просто забыли **о** его присутствии, как вдруг раздался грохот — это Фома, ударив по столу мощным кулаком, громко воскликнул: «Ха, мы приведем этих еретиков в порядок!» Но, несмотря на внешне грозный вид, Фома Аквинский был вполне добросердечным человеком, стремившимся примирять, а не побеждать своих противников. Потому-то, после того, как по пути в Рим он тяжело заболел и скончался, его стали называть «ангельским доктором».

Система Фомы Аквинского, **томизм,** вплоть до нашего времени является официальной философской доктриной католической Церкви. А ее основатель в 1323 году был причислен к лику святых.

БРИТВА ОККАМА

В **1290** году в городке Оккаме, что недалеко от Лондона, родился человек, которого без сомнения можно назвать «могильщиком схо-

ластики». Современники называли **Уильяма Оккама** (1290—1350 гг.) «непобедимым доктором» за его способность побеждать в философских диспутах.

Уильям Оккам решительно выступил против реализма Фомы Аквинского и вернулся к номиналистской позиции: общие понятия, или универсалии, являются знаками, копиями единичных реальных вещей, возникающими в человеческом сознании при восприятии этих вещей. Предметы и их качества, считал Оккам, отдельно друг от друга «не ходят», и каждый предмет необходимо рассматривать как предмет *с присущими ему* качествами. Если бы кто-нибудь сказал Оккаму, что «белизна является белой», то он бы только посмеялся. Есть белая стена, белый стол, белое полотенце, но не «белая белизна», не «масло масленое».

Отверг он и схоластические принципы, на которых базировался томизм. *«Существование и сущность означают во всех отношениях одно и то же»* — в этих словах содержится полное отвержение томизма Оккамом. **Сущность Бога** проявляется в Его существовании — этим занимается теология. **Но сущность человека** тоже проявлена в Его существовании — этим занимается философия, познающая мир и человека в нем. Значит, по Оккаму, есть **две истины** — *истина теологии* и *истина философии,* и смешивать их нельзя. А если так, то и здание схоластики,

столь тщательно отстроенное Фомой Аквинским, рушится.

Оккам в своей философии всегда стремился к ясности и четкости в мышлении, восприятии и суждении о мире. На этом же основано и главное детище Оккама — *принцип простоты,* или *бережливости,* который потом получил название «бритва Оккама»: *избегай лишних сущностей.* Или — не принимай мыслимое за реальное, простое за сложное, кажущееся за действительное, руководствуйся здравым смыслом.

Оккаму довелось жить в очень бурное для Европы время, когда между Папой Римским и германским императором шла ожесточенная борьба за власть. Папы претендовали не только на духовную, но и на светскую власть в европейских королевствах. Нашлись даже Теологи, которые стали утверждать, что решения Папы неоспоримы, практически равнозначны Божественной воле.

Оккам резко выступил против «божественных» притязаний Папы. Бог — это Бог, а Папа — это Папа — нельзя приписывать папе Божественных качеств, так же как Богу — человеческих качеств, ибо это означало бы смешение двух качественно разных субстанций. За противостояние папской власти в 1324 г. Оккама под стражей привезли в Авиньон на суд Папы Иоанна XXII. Суда Оккам ждал четыре года в монастырской тюрьме, после чего сбежал оттуда в Германию к императо-

ру Людвигу Баварскому, который воевал с Папой. Оккам предложил Людвигу союз: «О император, защищай меня мечом, а я буду защищать тебя словом».

В 1342 году Уильям Оккам становится генералом антипапского ордена миноритов. Борьба с папством продолжается. Правда, Людвиг Баварский иногда размышляет, не помириться ли ему с Папой и не выдать ли тому Оккама. Но то ли совесть не позволила, то ли здравый смысл, а может быть, просто чума — от нее в 1350 году Уильям Оккам умер в городе Мюнхене.

Необходимо заметить, что для Оккама выступление против папства вовсе не означало умаления значения веры. Он выступал прежде всего против попыток схоластов «втиснуть» Бога в рамки человеческого разума, оперирующего представлениями, полученными человеком через восприятие материального мира: «Когда я вижу дым и говорю, что там огонь, то я говорю это только потому, что когда-то раньше я видел огонь и дым, шедший от него».

Сущностная разница между **разумом** и **Богом,** по Оккаму, состоит в том, что разум, воспринимающий конечные конкретные предметы, ограничен, а Бог есть сущность бесконечная, обладающая способностью бесконечно творить: «Каково бы ни было конечное количество воды, уже сотворенной, я не вижу причины, которая смогла бы воспрепятствовать Богу сотворить еще новую каплю воды и прибавить ее к ранее существовавшей воде».

В этих словах выразился весь пафос оккамовской философии. Разум, рациональность для Оккама — лишь признак человеческого бессилия, вызванного искуственным напряжением сил, стремлением умом «догнать» Бога. Оккаму ближе всего **«естественный человек»,** который руководствуется не разумом, а **здравым смыслом** и **совестью.** Совесть позволяет чувствовать Бога и Его волю, а здравый смысл позволяет видеть реальность конкретных вещей, позволяет не создавать себе *химер* или *кентавров.* Что такое **«химера»,** по Оккаму? А просто то, что можно, конечно, помыслить, но что «не обусловлено никаким **порядком вещей».**

ФИЛОСОФИЯ ЭПОХИ РЕНЕССАНСА И РЕФОРМАЦИИ

Философия эпохи Ренессанса и Реформации

С больной головы — на здоровую

На том стою и не могу иначе

«Похвала глупости»

Свобода мысли и… костер

Творец утопии

Мистический город солнца

ФИЛОСОФИЯ ЭПОХИ РЕНЕССАНСА И РЕФОРМАЦИИ

К началу XIV века интерес философов к схоластике начал постепенно ослабевать. Стала осознаваться тщетность усилий раз и навсегда понять, что такое **Бог,** и через это раз и навсегда определить, что есть добро, а что зло.

С особой силой это показала философия англичанина Дунса Скота (1270—1308 гг.), прозванного *«тончайшим доктором»* и утверждавшего, что невозможно охватить мир рационалистической сеткой **универсалий.** Последней реальностью природы, ее совершенной и истинной целью, сделал вывод Дуне Скот, является индивидуальное, а не общее. Универсалиями невозможно объяснить мир, невозможно объяснить жизнь. И тем более невозможно «объяснить» Бога. Бог, говорил Дуне Скот, делает что-то не потому, что это «что-то» соответствует идее **Добра** — Бог просто творит нечто, и оно становится Добром. Добро не есть что-то, соответствующее построенной нашим разумом Идее Добра, а есть воля Бога, познать которую человек не в силах.

Разочарование в схоластике побудило многих мыслителей того времени внимательней всмотреться в проблему реальной земной человеческой жизни. Так началась эпоха **Ренессанса,** или **Возрождения.** Средневековый человек, человек эпохи патристики и схоластики все свои стремления пытался обратить

Франческо Петрарка

к обретению вечной потусторонней жизни в раю во многом потому, что верил в возможность создания объективной системы «правил жизни», соблюдая которые он мог бы быть твердо уверен в том, что «место в раю» ему обеспечено. Но когда уверенность эта была разрушена, то внимание людей опять обратилось на проблему реальной земной человеческой жизни. В философии возникло новое направление — **гуманизм.**

Первые гуманистические тенденции в философии зародились в Италии. Они ярко выражены в творчестве великих художников слова **Данте Алигьери** (1265—1321), **Франческо Петрарки** (1304—1374) и **Джованни Бокаччо** (1313—1375). Данте в трактатах «Пир» и «Монархия» утверждал, что человеческая жизнь определяется, с одной стороны, Богом, а с другой — природой. Творческие силы человека есть образ и подобие Божественной способности творения.

Наиболее цельную философскую теорию гуманизма создал византийский неоплатоник, грек, живший во Флоренции, **Георгиос Геми-**

стос (1360—1425). Из уважения к Платону он даже принял новое имя — Плетон. И Бог, и Вселенная, считал он, существуют в вечности, Бог влияет на мир, но оба они подчиняются власти Необходимости. В своем развитии мир стремится уподобиться Богу, достичь гармонического единства. Большая роль **в** этом процессе гармонизации мира отведена **человеку** как существу, наделенному разумом **и** волей, — он есть *среднее звено* между Богом и миром.

Следующей вехой в развитии гуманистической философии эпохи Ренессанса стал спор о **рабстве** и **свободе человеческой воли** между создателем системы христианского протестантизма **Мартином Лютером** и одним из самых остроумных людей того времени, голландцем **Эразмом Роттердамским.** Несколько позже Эразма в Европе получил громкую известность еще один «заальпийский гуманист», француз **Мишель Монтень** (1533—1592), написавший знаменитую книгу *«Опыты»*. Долгое время служивший членом городского магистрата, наблюдавший нравы многих людей, Монтень протестовал

Мишель Монтень

против лжи, лицемерия и ханжества и отстаивал принцип «независимой и самостоятельной человеческой личности», способной критически относиться к своим знаниям и поступкам. Особенно неприятны Монтеню были люди, лицемерно прикрывающие свои эгоистические устремления лозунгом «жить для других». На самом деле, считал он, такие люди хотят, как правило, лишь одного — использовать других людей в качестве средства для достижения своих корыстных целей.

В эпоху Ренессанса появилось еще одно интересное философское направление — **философия природы (натурфилософия).** «Отцом» ее считается немецкий кардинал **Николай Кузанский (1401**—1464), разработавший концепцию пантеистической натурфилософии. Бог, по Кузанскому, бесконечно распространяется в бесконечной шарообразной Вселенной, **макрокосме,** ограниченным подобием которого — **микрокосмом** — является человек. Поэтому человек есть не только часть целого, но и новое целое, **индивидуальность,** которая

Николай Кузанский

стремится к завершению, «наполнению себя собой». Человек, таким образом, является автономной личностью, чья внутренняя жизнь подчинена самой себе.

Парацельс

Натурфилософом был и известнейший врач и ученый **Парацельс** (Теофраст Бомбаст из Гогенгейма) **(1493—1541),** ставший одним из прототипов для Легенды о докторе **Фаусте.** Всякая реальность, по Парацельсу, имеет свое правило — **архэ жизни** (активную духовную жизненную силу). Кто сможет познать ее, тот сможет магически воздействовать на природу, поскольку все вещи взаимосвязаны и взаимозависимы.

Осознание человека как автономной единицы мироздания, его роль «среднего звена» в гармонизации мира в конце концов привели к постановке проблемы общественной, социальной жизни людей, государственного устройства. Стремление разрешить эту проблему привело к созданию англичанином **Томасом Мором** и итальянцем **Томмазо Кампанеллой социально-утопических** систем идеального государства. Начав с попытки определить место и назначение человека в этом

мире, философия Ренессанса закончила прожектами сказочно-мистических государств, в которых «все должно быть хорошо». Это был тупик, выход из которого начали искать философы уже иной эпохи — **Нового времени.**

С БОЛЬНОЙ ГОЛОВЫ — НА ЗДОРОВУЮ

Детство и отрочество **Никколо Макиавелли** (1469—1527гг.) прошли во Флоренции в весьма бурный для нее период. В городе-республике постоянно шла напряженная борьба за власть. А для большинства ее граждан наступила эпоха религиозной экзальтации. Фанатический проповедник Джироламо **Савонарола** провозгласил Христа королем Флоренции. Его мистические пророчества гремели в церквах, флорентийки носили под платьями вериги и власяницы, а на площадях города что ни день пылали костры, сжигавшие тех, кого осудил беснующийся изувер. В отличие от многих своих сограждан юный Макиавелли не поддался экстатическому гипнозу монаха и считал его более мошенником, чем пророком.

Никколо Макиавелли

Но вскоре время Савонаролы миновало, и сам он взошел на костер, а прах его был развеян по реке Арно. После свержения Савонаролы Никколо становится чиновником флорентийского городского магистрата — Синьории — ив течение 14 лет выполняет дипломатические поручения республики, после чего вернувшиеся к власти представители династии Медичи прогнали его со службы, арестовали и подвергли пытке. Затем — годы прозябания в деревне. Для Макиавелли, выше всего прочего ставившего свою карьеру, это время стало периодом глубокой тоски и отчаяния.

Странность личности Макиавелли состояла в том, что, с одной стороны, он всегда стремился к успеху, к карьере в сообществе людей, но, с другой стороны, презирал и самих людей, и их сообщество. Окружавшие его, сталкивавшиеся с ним люди чувствовали это, и потому, уважая и любя Макиавелли, как любят и уважают учителя, человека, который в чем-то выше их, они одновременно и чурались его, а часто даже ненавидели.

В изгнании и бедности он мог играть в карты с безграмотными мужиками и при этом рассуждать: «Так, спутавшись с этими гнидами, я спасаю свой мозг от плесени и даю волю злой судьбине — пусть она истопчет меня как следует, и я посмотрю, не сделается ли ей стыдно».

Макиавелли все время бросал вызов судьбе, но не был ослеплен ни невзгодами, ни кратковременными успехами, потому что у этого странного философа была еще и другая задача: участвуя в политических играх, вглядываться в игроков, пытаясь уловить законы, на которых основана политика. А значит — создать **философию политики.**

В Италии в начале шестнадцатого века было на что смотреть и в кого вглядываться. На папском престоле — Александр VI Борджа. Его незаконнорожденный сын Цезарь Борджа, герцог Валентино, решил, пользуясь поддержкой отца, объединить под своей властью большую часть Италии. Флорентийская республика, обеспокоенная планами Цезаря, направила к нему своего посла, коим стал Никколо Макиавелли. Почти год пробыл он при герцоге, ведя с ним переговоры, а заодно пристально наблюдая, как ведет себя и что делает этот абсолютно беспринципный, жестокий и коварный, но такой успешный, по мнению Макиавелли, политик. На его примере Макиавелли потом будет анализировать феномен удачливого политика.

Философа интересовал не столько человек сам по себе, сколько человек как субъект и объект политики. В его философских сочинениях человек перестает быть просто человеком и превращается в **человека политического.** Даже проблема веры интересовала Макиавелли не в плане спасения души или личной добродетели — вера для этого философа-политика превращается просто в сплачивающую общество идеологию, культ, оберегающий общественную **мораль.**

Главной книгой Макиавелли стал трактат *«Государь»,* созданный им в ссылке в 1513 году. В нем философ попытался разобраться в тех факторах, которые влияют на стабильность власти в государствах, способствуют их сплочению или, напротив, распаду. Это зависит, считал Макиавелли, и от формы государства (монархия или республика), и от того, каким путем правитель или правители получают в нем власть (наследование, захват власти, захват чужих территорий и т.д.), и от того, какими способами они эту власть удерживают.

Живший в раздробленной, раздираемой внутренними и внешними властителями стране, Макиавелли видел перед собой одну цель — построение единого и стабильного государства. Осуществить это, по его мнению, мог только сильный и умный политик — государь. Политики, считал Макиавелли, не занимаются нравственностью. Мораль, вера для них лишь

инструмент управления подданными и удержания **власти.** Макиавелли не проповедовал безнравственности в политике (хотя ярлык «аморалиста» надолго приклелея к его имени), но он задавался вопросом: может ли человек добиться политического успеха, не нарушая нравственного кодекса, если вокруг него другие **политики** этот кодекс нарушают сплошь и рядом? Философ проанализировал множество исторических примеров как из древности, так и из современности. И пришел к выводу — да, конечно, **нравственных** правил лучше не нарушать без необходимости, но в том-то и дело, считал Макиавелли, что в политике эта необходимость присутствует практически постоянно. Место нравственности — в жизни людей, а в жизни политиков есть только интересы. Таков его неутешительный вывод.

Книга Никколо Макиавелли практически сразу стала настольной для каждого политика эпохи Возрождения, ее влиянию приписывают множество совершенных властителями злодеяний. В культуре Ренессанса даже появился особый тип литературного и театрального героя — **«макьявель»** — беспринципный, безнравственный злодей и предатель. Но был ли виноват в этом сам философ, или его просто неправильно поняли? Ведь, к сожалению, часто бывает так, что пристальный и честный анализ философа не очень умные и не очень нравственные люди принимают и

пропагандируют как руководство к действию, тем самым пытаясь переложить ответственность с «больной» головы на «здоровую». И Макиавелли отнюдь не единственный философ, с которым такое случилось.

НА ТОМ СТОЮ И НЕ МОГУ ИНАЧЕ

Мартин Лютер

Человек, буквально перевернувший жизнь Европы в XVI веке, родился в небольшом немецком городке Эйслебене. Родители **Мартина Лютера** (1483—1546 гг.), небогатые люди, воспитывали своего сына в очень строгих правилах. Они мечтали о том, что он станет юристом, и это прибыльное в любые времена занятие даст ему стабильный доход. Но деньги на образование они выдавали Мартину весьма скромные. Учась в нескольких немецких университетах, он просил подаяние под окнами, а иногда добрые люди давали ему бесплатный пансион — ведь он был талантливым, веселым и добродушным юношей.

Судьбу Мартина в корне изменило трагическое происшествие, случившееся когда ему было 22 года — однажды, во время грозы, он

шел по улице со своим другом, Алексисом, молния ударила в них и убила Алексиса. Это событие так потрясло Мартина, что он решил бросить учебу и постричься в монахи. Вскоре Лютер стал монахом Августинского ордена. Монашество тяжело давалось ему — будущий переводчик Библии на немецкий язык впервые открыл ее лишь в 20-летнем возрасте.

В монастыре Лютер испытывал тяжкие душевные муки и сомнения, продолжавшиеся до тех пор, пока настоятель монастыря не посоветовал ему прочесть труды Аврелия Августина. Внимание Лютера привлекло августиново учение о **предопределении,** утверждавшее, что человеку для полного очищения и искупления своей греховной природы недостаточно только добродетельной жизни — необходимо также сошествие на него Божественной благодати.

В 1510 г. Лютер посетил Рим, к которому относился с таким благоговением, что, перед тем как войти в него, встал перед ним на колени и горячо молился. Но в Риме Лютер вскоре испытал разочарование и в Папе, и в нравах католического духовенства. В те времена в Европе процветала торговля **индульгенциями** — письменными «отпущениями грехов». Она приняла совершенно безнравственный характер — можно было купить отпущение греха за любое преступление, дело было лишь в размере уплаченной суммы. Не

обходилось и без курьезов. Однажды к некоему Тецелю, особо беззастенчиво спекулировавшему индульгенциями, пришел один дворянин и, купив отпущение грехов на три дня, тут же жестоко избил самого продавца.

В 1517 г. Лютер впервые открыто выступил против индульгенций — он прибил к дверям одного из храмов в городе Виттенберге 95 тезисов, в которых отрицал право Папы Римского отпускать грехи. Очистить человека может только благодать от Бога — такова основная богословская и философская позиция Мартина Лютера, позаимствованная им у **Августина** Блаженного. После этого на Лютера обрушилась **инквизиция.** Но схватить и предать суду его уже было не так-то легко. Его начали поддерживать некоторые германские княжества, которых, правда, привлекали не столько сами идеи Лютера, сколько

возможность использовать их для обретения полной независимости от папской власти.

В 1521 г. Мартин Лютер явился на Собор в городе Вормсе, дабы защитить свою позицию перед иерархами католической Церкви. Некоторые друзья удерживали его, полагая, что дело может кончиться весьма плачевно для Лютера, но реформатор не поддавался уговорам: «Гуса сожгли, но правда его уцелела». Таков был его ответ. Изложив свои доводы о невсесильности папской власти над душой человека и о необходимости обретения Божьей благодати, Лютер закончил свою речь знаменитой фразой: *«На том стою я и не могу поступать иначе. Да поможет мне Бог! Аминь.»*

Сразу после Вормского Собора, который осудил его, Лютер приступил к главному труду своей жизни — переводу Священного Писания на немецкий язык. На это ушло 15 лет, все эти годы книга выходила небольшими частями и расходилась по Германии в бесчисленном количестве экземпляров. Перевод давался ему нелегко. Сложилась народная легенда, будто к Лютеру, когда он переводил Библию в замке Вартбург, пожаловал дьявол, и реформатор бросил в него чернильницу, от которой на стене его кельи осталось темное пятно. Это пятно было по кусочкам выскоблено верующими, посещавшими это место.

В дальнейшем жизнь Лютера была неразрывно связана с начавшимся в Германии ре-

волюционным движением **Реформации.** Вся философская и теологическая деятельность Лютера состояла в попытке, как он считал, очистить **догматы** Церкви от безнравственных наростов, приставших к ней в эпоху Ренессанса. Но неожиданно для себя он затронул один очень важный философский вопрос — вопрос о **свободе воли** человека. Лютер отрицал существование такой свободы: «Свободная воля — чистейший обман» — так писал он в своем сочинении ***«О рабстве воли»,*** которое было им создано в ответ на труд **Эразма Роттердамского** *«Рассуждение о свободе воли».*

Этот спор двух философов можно считать основным философским спором эпохи Реформации. Лютер полагал, что над действиями любого человека царит Божественный произвол, даже уверовать в Бога могут лишь избранные, остальные же обречены на гибель: **«Спасение [души]** нисколько не зависит от его собственных усилий, стремлений, воли или деяния, а целиком зависит от воли, усилия, желания и деяния... одного лишь Бога». Сам человек, полагал Лютер, не может ничего в себе изменить, не может, по собственному желанию направить свои действия на **добро** или во **зло** — это прерогатива Бога: даровать человеку Свою **Благодать** и наставить его к добру, или не даровать — и тогда человек бессилен противостоять своим **страстям.** «Воля человеческая, — писал Лютер, — находится

где-то посередине, между Богом и сатаной, словно вьючный скот. Если завладеет человеком Господь, он охотно пойдет туда, куда Господь пожелает, ...если же владеет им сатана, он охотно пойдет туда, куда сатана пожелает». Фактически Лютер возвращается к концепции **манихейцев** и **гностиков** о двух началах (дуализме), борющихся за человеческую душу, человек же лишен возможности выбирать.

Взгляды Лютера на проблему свободы воли отразились и на социальных принципах **протестантизма** — если человек отмечен Богом и живет правильно, то у него все хорошо в жизни, если же нет, то такой человек является изгоем, неудачником. Позицию Лютера оспаривал Эразм Роттердамский, считавший, что Лютер неправильно понял **Августина,** и что **свобода воли** есть главный дар Бога созданному им человеку.

Будучи скорее богословом и морализатором, чем политиком, Мартин Лютер смотрел на плоды своих деяний не только с надеждой, но и со страхом. Он стремился к мирным реформам внутри государства и Церкви. Но это было уже невозможно — сильные князья Германии перешли на сторону Реформации и теснили князей католических. Война между католиками и протестантами была неизбежна. И в 1546 году Папа благословил императора Карла V на Крестовый поход против Реформации. В этот год умер Мар-

тин Лютер, успевший увидеть лишь первые плоды своих идей, подорвавших могущество католической Церкви и расколовших Европу на два огромных лагеря: католиков и протестантов.

«ПОХВАЛА ГЛУПОСТИ»

Эразм (1466—1536 гг.) родился в городе Роттердаме (Нидерланды) в семье священника. Его родители рано умерли, опекуны растратили имущество и уговорили юного Эразма постричься в монахи. Ум, способности к обучению и разносторонние интересы быстро выдвинули молодого Эразма. В 1493 г. он стал секретарем у епископа Камбрэ, главы Ордена Золотого руна. Это позволило Эразму много путешествовать. В Англии он познакомился с **Томасом Мором** и по его совету начал учить древнегреческий язык. Через 16 лет он заново перевел Библию с древнегреческого на латынь, причем в старом переводе им были обнаружены существенные погрешности.

Эразм

-В 1512 г., проживая в доме Томаса Мора, Эразм написал философский памфлет *«Похвала глупости».* Эта книга обессмертила имя **Эразма Роттердамского.** Главный ее герой, аллегорическая фигура Глупость, произносит монолог, в котором расхваливает свои «достоинства» и «заслуги» перед человечеством. Эразм, как это ни удивительно, писал о двух видах глупости. Один вид глупости в книге расхваливался иронически. Такая глупость охватывает все проявления человеческой жизни, без нее невозможно было бы счастье, ибо, как саркастически заметил Эразм, «кто может быть счастлив, не обольщаясь лестью или себялюбием». Ведь «легче быть королем в собственном воображении, чем на самом деле».

Но есть и другой вид «глупости» — и его Эразм восхвалял уже всерьез. Это, по его словам, вера, которая основана не на разумных доводах, а на сердечном чувстве и воле души. Все, что не основано на разуме, в принципе можно назвать «глупостью», но такая «глупость», как искренняя вера, необходима человеку.

Важной частью философии Эразма была его теория о необходимом существовании **свободы воли** для человека. Эту концепцию голландский гуманист отстаивал в споре с **Мартином Лютером,** утверждавшим, что свободы воли не существует. Эразм писал: «Если бы

воля не была свободной, то нельзя было бы вменять в вину **грех,** потому что если нет свободы, то нет и греха». Божья благодать, считал Эразм, не только не отбирает у человека права выбора; но, напротив, «исцеляет разум, поврежденный грехом», «укрепляет бессильную волю».

Рассуждения Эразма во многом опираются на цитаты из Библии, пророков и святых — ведь Лютера, считал он, могут убедить только аргументы Священного Писания. Даже Закон Божий, отмечал Эразм, вовсе не сковывает свободу человеческой воли, свободу выбора: «Закон указывает, чего хочет **Бог,** предлагает наказание, если не повинуешься; предлагает награду, если повинуешься. Относительно прочего он предоставляет возможность выбора [человеческой] воле».

Для чего же необходимо допускать существование **свободной воли?** Для того, отвечает Эразм, чтобы «избавить Бога от ложных обвинений в жестокости и несправедливости, чтобы избавить нас от отчаяния, чтобы избавить от равнодушия и побудить к стремлениям». Человеку никуда не деться от необходимости выбирать между **добром** и **злом,** грехом и **добродетелью. В** конечном счете Эразм призывал к своего рода «сотрудничеству» между свободной волей человека и благодатью Божией: «...дар Божий в том, что мы способны склонить дух свой к достижению спасения или к сотрудничеству с благодатью».

СВОБОДА МЫСЛИ И... КОСТЕР

Этот человек никогда не участвовал ни в каких революциях и войнах, столь часто охватывавших европейские государства в эту бурную эпоху. И, тем не менее, во всей Европе он был известен как самый отъявленный бунтарь и революционер, отстаивавший один, на его взгляд, главный вид свободы —свободу человеческой мысли.

Жизнь **Джордано Бруно** (1548—1600 гг.), при рождении названного Филиппом, началась в городке Ноле, расположившемся в провинции Неаполитанского королевства. Еще во младенчестве с ним произошел случай, который позднее многие его биографы рассматривали как первое проявление его решительной бунтарской натуры. Однажды в дом заползла ядовитая змея и обвилась вокруг малютки. Бруно проснулся и с перепугу стал вполне членораздельно звать на помощь отца, который тут же прибежал и убил змею.

Джордано Бруно

Филипп Бруно рано проявил желание и способность учиться. Его обучали вначале домашние учителя, потом он в 12-летнем воз-

расте переехал в более крупный город, чтобы продолжить образование, а в 14 лет Бруно постригся в монахи в том самом монастыре св. Доминика, в котором за 300 лет перед тем учил св. Фома Аквинский. При пострижении он взял себе новое имя — Джордано.

В монастыре Бруно изучил труды многих философов — Парменида, Платона и Аристотеля, Плотина, Аверроэса, Фомы Аквинского и Николая Кузанского. К 24 годам у него уже сформировался свой философский взгляд на мир. Тогда же произошел и первый серьезный конфликт Бруно с **инквизицией. В** разговоре с одним молодым монахом, восхищавшимся примитивными и поверхностными религиозными книжками для чтения, Бруно сказал, что гораздо полезней читать труды **Святых Отцов Церкви.** Монашек тут же донес на него, и против Бруно чуть было не возбудили дело о ереси. Но тогда все обошлось.

В 1572 г. Бруно получил сан священника и поселился недалеко от города Кампаньи.

Здесь же ему впервые попала в руки книга **Николая Коперника** *«Об обращении небесных тел»*. Мысли, изложенные в этой книге, во многом пересекались с мыслями самого Бруно о строении космоса. Их он изложил в трактатах *«О причине, принципе и едином»* и *<<0 бесконечности, Вселенной и мирах»*.

Мир в своей первооснове един, материален и разумен. Универсальной действующей причиной в природе является разум, выступающий в «форме мировой души». Мир одновременно устойчив и неустойчив, един и многосторонен. Он состоит из множества единиц математических (точка), физических (атом) и метафизических (монада). Каждая единица сама по себе есть мир, поэтому Бруно утверждал, что *Вселенная есть бесконечное собрание «бесчисленных миров»*. **Человек,** считал Бруно, может познавать Вселенную, поскольку в его **душе** проявляется **мировая душа. Цель познания** — познание Единого, лежащего в основе Вселенной, которое так же есть и **Добро.** Само познание, считал Бруно, есть добро, и человеку необходимо бороться за свободу познания — только так он может реализовать самого себя.

Через несколько лет Бруно опять вернулся в монастырь св. Доминика. Несмотря ни на какие страхи и запреты, его разум попрежнему блуждал в поисках выхода из тупика, к которому привела схоластику попытка объяснить христианскую веру на основе

жестких рационально-логических схем. Он открыто высказывал свои сомнения, и в конце концов против него было возбуждено дело о ереси с обвинениями по 130 пунктам (вспомнили и о доносе монашка). Бруно уехал в Рим, надеясь хоть там найти справедливость, но вскоре он вынужден был бежать и оттуда. Он ездил по Италии, из города в город, но по всей стране свирепствовали чума и инквизиция. В конце концов Бруно пришлось покинуть страну.

Сначала он посетил Женеву, где господствовали протестанты-кальвинисты. Бруно думал найти там чаемую им свободу совести и мышления. Но кальвинисты, за четверть века перед тем сжегшие на костре врача Сервета, первооткрывателя кровообращения в человеческом организме, лишь за то, что он посмел усомниться в некоторых догмах религиозной системы Кальвина, не оправдали его надежд. В конце концов они посадили в тюрьму и Бруно, посмевшего вступить с ними в публичную полемику. Его все-таки выпустили как иностранца, но ему пришлось уехать из Швейцарии. «Да искоренит герой будущего эту глупую секту педантов, которые, не творя никаких добрых дел, предписываемых Божественным законом и природою, мнят себя избранниками Бога только потому, что утверждают, будто спасение зависит не от добрых или злых дел, а лишь от веры в букву их

катехизиса», — так описал кальвинистов Бруно в своей книге «Изгнание торжествующего животного».

Злоключения Бруно продолжались. Он не ужился в Тулузском университете, его изгнали из Оксфорда. Его не поняли и в Сорбонне, когда он заявил тамошним профессорам: «Как организм может привыкнуть к действию яда, так и человеческая мысль привыкает к устарелым заблуждениям. Недостойно мыслить заодно с большинством только потому, что оно большинство». В конце концов Бруно завлек обратно в Италию его ученик и предатель Мочениго.

Восемь лет провел Бруно в тюрьме, где от него требовали отречения от убеждений. Но он был непоколебим. Когда ему выносили смертный приговор, он крикнул судьям: «Быть может, вы произносите приговор с большим страхом, чем я его выслушиваю». 17 февраля 1600 г. Джордано Бруно был
на костре в Риме на Площади огня. А 9 июня 1889 г. на месте сожжения ему был поставлен памятник, на церемонии открытия которого присутствовали тысячи людей из всех европейских стран.

ТВОРЕЦ УТОПИИ

Томас Мор (1478—1535 гг.) был одним из самых ярких представителей философии **гуманизма.** Всю свою жизнь он пытался со-

блюсти один закон — чести и совести. Он был глубоко верующим человеком, но не мог не сочувствовать итальянским ученым и философам Ренессанса, преследовавшимся инквизицией за свои убеждения. Поэтому уже в юности он был исключен из университета за симпатии к «итальянским безбожникам». Но когда на английский престол взошел Генрих XVIII, то он приблизил к себе Мора. Правда сам Мор долгое время не отвечал на настойчивые приглашения короля пожаловать к нему на обед, пока король не выдержал и сам не приехал в гости к Мору. Вскоре он стал лордом-канцлером королевства, но не заблуждался относительно королевских милостей: «Если бы ценой моей головы король мог бы завоевать какой-нибудь замок во Франции, она тут же слетела бы с плеч».

Томас Мор

В 1518 г. Томас Мор написал свою знаменитую книгу ***«Утопия»*** — о некоем **государстве,** жизнь в котором, как считал Мор, устроена так, что его граждане счастливы. Утопия — фантастический остров в Южном полушарии, на который случайно попал моряк Рафаил Гитлодей, проживший там пять лет,

а затем вернувшийся в Англию, чтобы поведать об увиденном. В государстве Утопии 54 города, построенных по одному и тому же плану, все улицы в городах имеют одинаковую ширину, все дома одинаковы. Нет частной собственности. Каждые 10 лет семьи переселяются из одного дома в другой, чтобы у них не возникло даже ощущения чувства собственности. Одеваются все тоже одинаково. Все граждане работают по шесть часов в день, питаются в основном в общественных столовых, причем дети старше пяти лет обязаны есть только то, что остается от взрослых. Если кто-нибудь совершит серьезный проступок или преступление, то он становится рабом. Единственная нерегламентированная строго область жизни утопийцев — религия. Допускается существование различных верований и конфессий. Жители Утопии миролюбивы, а если и приходится воевать, то они используют наемников из других стран. Мор считал, что жители такого государства должны быть вполне счастливы: у всех есть еда, одежда и жилище, работа, занимающая лишь четверть суток, отсутствуют такие пороки, как зависть и стяжательство.

Мотивы, которыми руководствовался Мор при создании плана столь серой и скучной «счастливой» жизни, можно понять лишь в том случае, если вспомнить социально-экономические условия жизни большинства европейцев той эпохи: нищету, безработицу, без-

дойность, произвол знати, разорительные войны — и все это на фоне умопомрачительной роскоши отдельных сеньоров. При таких условиях план устройства государства на основе жесткого разумного регламентирования и свободы вероисповеданий выглядел очень привлекательным.

Судьба самого Мора была трагической. Его политическая карьера разрушилась, когда Генрих XVIII решил развестись со своей первой женой, Екатериной Арагонской, чтобы жениться на Анне Болейн (будущей матери королевы Елизаветы Великой). Мор, чьим религиозным и нравственным принципам это противоречило, подал в отставку. Затем король потребовал, чтобы все подданные присягнули ему, как главе английской Церкви. Мор, искренний католик, отказался и был казнен.

МИСТИЧЕСКИЙ ГОРОД СОЛНЦА

В переводе с итальянского фамилия этого философа означает «колокольчик». Джандоменико **Кампанелла (1568—1639** гг.), родившийся в городе Салерно, вполне оправдал значение своей фамилии. Это был неугомонный философ, всегда охваченный жаждой бурной деятельности, уверенный в своей особой миссии преобразователя человечества.

В 15 лет он вступил в монашеский орден доминиканцев и при постриге принял имя Томмазо — в честь св.Фомы Аквинского. Но

скромная жизнь обычного монаха не могла удовлетворить неистового Кампанеллу. Втайне от всех он обучался искусству магии и астрологии. Это вскоре обнаружилось, и по решению руководителей Ордена в 1591 г. он был предан церковному суду, который приговорил его к нескольким месяцам заключения.

Томмазо Кампанелла

Через несколько лет Кампанелла организовал заговор против Испании, был арестован и приговорен к смерти. Но на сей раз он выказал блестящие артистические способности, симулировав сумасшествие — это спасло его от казни, но он провел в тюрьме около 27 лет. В тюрьме он писал свои философские сочинения. После помилования Кампанелла опять чуть было не попал в руки инквизиции, но его спас Папа Урбан XIII. В конце концов неистовый итальянец поселился во Франции, где пользовался громкой славой философа и мага. Король Людовик XIII даже назначил ему пенсию, кардинал Ришелье покровительствовал ему.

Философское учение Кампанеллы представляет своего рода калейдоскоп из метафизики, теологии, магии и утопических проек-

тов. В 1638 г. он опубликовал трактат *«Метафизика»,* в котором изложил свой взгляд на проблему человеческого **познания.** В человеке, считал Кампанелла, от рождения заложены основы знания о Боге, о **мире** и о себе. Познание в представлении Кампанеллы предстает как процесс, ведущий к смерти. «Все познающие, — писал он, — отчуждаются от собственного бытия, как бы впадая в безумие или умирая; мы оказываемся в царстве смерти». Для того чтобы выбраться из этого царства смерти, необходимо, чтобы процесс познания сопровождался осознанием самих себя, самопознанием, внутренним чувством, благодаря которому мы не растворяемся в вещи, но остаемся самими собой.

Пытаясь обосновать свои занятия магией, Кампанелла создал теорию **панпсихизма.** По этой теории весь мир предстает как «чувство, жизнь, душа и тело, статуя Всевышнего». Мир органически един — все живет во всем, переходя из одного в другое и обеспечивая ценой собственного существования существование более высших существ.

Самая известная книга Кампанеллы — *«Город солнца»* — **утопический** проект идеального города-государства, в основе которого лежат магические и астрологические построения самого философа. Этот город расположен на холме, возвышающемся над равниной. Собственно, он и есть холм, опоясанный семью (по количеству известных в то время

планет Солнечной системы) ярусами, поднимающимися от его подножия к вершине. На самом верху расположен храм Солнца, не имеющий стен, опирающийся только на мощные колонны. Многие черты общественной жизни в городе почерпнуты из проекта идеального государства Платона. Пороки исчезли, остались одни добродетели, расписанные по управляющим ими департаментам: департамент

Щедрости, департамент Великодушия и т.п. Ни личного, ни частного имущества нет — все общее. Городом управляет Жрец по имени Метафизик (Кампанелла обозначил его астрологическим значком Солнца). Ему помогают три заместителя — Пон, Син и Мор (Мощь, Мудрость и Любовь). Все жители города исповедуют философию самого Кампанеллы, считавшего, что человечество можно «исправить» и «осчастливить» — стоит только построить город по придуманному им плану.

ФИЛОСОФИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ И ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ, НЕМЕЦКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Философия нового времени
и эпохи Просвещения

Союз ума и опыта — против идолов

«Я мыслю, следовательно существую»

Мыслящий тростник

Человек как «чистый лист»

Свобода как осознанная необходимость

Почему этот мир —
лучший из возможных?

Реален ли наш мир?

«После» еще не означает «потому»

Золотое время добрых дикарей

Немецкая классическая философия

Кенигсберский затворник

Человек как царь природы

Разумная реальность
и реальная разумность

ФИЛОСОФИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ И ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Философия эпохи Ренессанса, закончившейся кризисом натурфилософии и гуманизма, поставила перед мыслителями следующей эпохи — эпохи Нового времени, начавшейся в конце XVI века — проблему **достоверного знания. Я** познаю мир, я воспринимаю его, мыслю о нем, но где гарантия того, что получаемые мной знания о мире являются истинными, соответствуют реальности? Где гарантия того, что мир не обманывает меня, что я сам себя не обманываю, считая, что знаю, а на самом деле мои знания •— это лишь иллюзия знания? Такими вопросами задавались первые философы Нового времени — **Фрэнсис Бэкон, Рене Декарт, Джон Локк, Бенедикт Спиноза, Готфрид Вильгельм Лейбниц, Джордж Беркли, Дэвид Юм.**

Мотивы, которыми руководствовались эти мыслители, довольно наглядно были проиллюстрированы в вышедшей в середине XVI века в Германии «Народной книге о докторе Фаусте». **Фауст,** натурфилософ, мистик, маг, врач, неудовлетворенный своими познаниями, заключил договор с дьяволом Мефистофелем на 24 года. Все эти годы Мефистофель выполнял его желания, рассказывал и показывал тайны мироустройства (как потом оказалось — ложные), а после забрал в ад его душу. Эта народная легенда как нельзя лучше

характеризовала общий настрой умов того времени. Один из блистательных философов Нового времени, Рене Декарт, говорил, что ***«Бог** не обманывает нас»* и, напротив, *«дьявол играет нами, когда мы не мыслим точно».*

Каким же образом мы можем познавать мир, чтобы не вдаваться в самообман? Как проверить собственные знания на их истинность? Этими вопросами занималась философия Нового времени. Необходимо было найти **метод познания,** который обеспечивал бы *достоверность* полученных с его помощью знаний.

Чем человек может познавать с достоверностью — душой, разумом, чувствами? Или может быть необходимо, чтобы эти составляющие человеческого сознания действовали совместно? Философы этой эпохи по-разному отвечали на этот вопрос. Отсюда и разные подходы к познанию — **эксперимент** (Бэкон), **рационализм** и **душевная интуиция** (Декарт, Спиноза), **сенсуализм,** или чувственное познание (Локк). Между философами Нового времени и натурфилософами Ренессанса, даже современниками, была пропасть непонимания. Например, когда Декарту предложили встретиться с Кампанеллой, то он ответил, что ему, собственно, не о чем с ним разговаривать.

К философии Нового времени примыкает непосредственно философия эпохи **Просвещения,** представители которой жили в основном во Франции в XVIII веке. Философы Просвещения в своих представлениях о мире и о

познании основывались на тех результатах, которые дало Новое время. На этой базе они разрабатывали другие проблемы, главным образом социальные и общественно-политические. Научные результаты Нового времени были столь впечатляющими (экспериментальная физика Бэкона, законы механики **Ньютона,** аналитическая геометрия и оптика Декарта и Спинозы, дифференциальное и интегральное исчисление Лейбница и т.д.), что французские просветители уверовали в то, что теперь осталось лишь «просветить» как можно более широкий круг людей относительно научных достижений, добиться справедливых и полезных законов — и счастливая жизнь не за горами. Это была эпоха создания социальной философии, эпоха создания научных словарей и энциклопедий, главной из которых была *«Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел»,* в составлении которой приняли участие практически все выдающиеся мыслители Просвещения.

Франсуа Вольтер

Пропагандируя философские воззрения Нового времени, один из самых ярких философов этой эпохи, **Франсуа Вольтер** (1694—1778), занимался социальной философией и создал теорию **общественного человека,** смысл жизни которого заключается в существовании и связях с другими «общественными людьми». Вольтер при этом отстаивал принципы **свободы, равенства и братства,** ставшие позже главным лозунгом Французской революции.

Еще один выдающийся просветитель, **Шарль Луи Монтескье** (1689—1755), исследовал проблему **законов,** определяющих жизнь человеческого общества. Отношения между людьми, считал он, определяются **естественными** и **позитивными** (то есть установленными государством) законами: «Законы должны иметь определенное отношение к физическому характеру страны, к климату,... к характеру почвы, ее положению, ее площади, к способу жизни народов». Все эти отношения, считал Монтескье, в совокупности составляют дух законов человеческого общества.

Шарль Луи Монтескье

Основным спором эпохи Просвещения стал спор между Вольтером и **Руссо** относительно того, куда же все-таки должно двигаться человечество: вперед, к развитию цивилизации, или назад, к состоянию «естественного человека», «доброго дикаря».

СОЮЗ УМА И ОПЫТА — ПРОТИВ ИДОЛОВ

Фрэнсис Бэкон

Фрэнсис Бэкон (1561—1626 гг.) был одним из величайших революционеров в истории науки и философии, «отцом экспериментальной физики». И все же его биография вряд ли могла бы пробудить в ком-нибудь возвышенные чувства. «Я поручаю свое имя векам, отдаленным потомкам и чужим нациям», — так писал Бэкон для тех, кого, как он полагал, будут интересовать не его конкретные жизненные поступки, а только его научные открытия.

Будущий философ и государственный чиновник родился в Лондоне, в семье Николаса Бэкона, который более 20 лет прослужил в высокой должности лорда-хранителя Большой

печати. Хотя Фрэнсис был довольно слабым и болезненным мальчиком, он тем не менее умел понравиться окружавшим его людям. Сама королева Елизавета очень любила его и называла своим «маленьким лордом-хранителем Большой печати».

В возрасте 13-ти лет Бэкон поступил в Кэмбриджский университет, из которого через три года ушел недовольный тем, что там преподавали в основном чисто формальные, освященные традицией науки.

Будучи сыном богатого и высокопоставленного вельможи, Фрэнсис Бэкон мог рассчитывать на быструю карьеру, но в 1579 г. его отец умер, и основная часть наследства перешла к старшему брату Фрэнсиса — Энтони. Для того чтобы продолжать вести ту жизнь, к которой он привык, Фрэнсис вынужден был всеми правдами и неправдами добиваться хорошей должности при дворе.

Он получил образование юриста, но карьера его не клеилась — все видели в нем «чужого», скорее философа, чем чиновника. Его собственный дядя, занимавший высокий пост, советовал ему перестать философствовать. Отчаявшись, Бэкон решил попробовать сделать парламентскую карьеру. В 1593 г. он был избран в Палату общин, где, ища популярности, произнес речь о необходимости справедливых законов и о том, что для королевы любовь народа должна быть дороже денег. После такой речи он впал в немилость. Елизавета Великая больше и слышать не хотела о том, кого она когда-то называла своим «маленьким лордом».

Все хлопоты Бэкона наконец закончились тем, что граф Эссекс, любимец королевы, подарил ему одно из своих поместий. Там Бэкон наконец написал первое свое философское сочинение «Опыты», в которых изложил некоторые пункты своей **реальной философии.** Книга Бэкона имела огромный успех, поклонником его философии был сам **Уильям Шекспир,** на основе чего некоторые исследователи даже выдвигали гипотезу, что настоящий Шекспир — это якобы Фрэнсис Бэкон.

К сожалению, сам философ оказался не столь благороден, как его покровитель. Когда Эссекса обвинили в заговоре, Бэкон выступил одним из его обвинителей. После казни фаворита в 1601 году Елизавета, чувствуя свою уменьшающуюся популярность, попросила

Бэкона написать трактат, оправдывающий эту казнь. Бэкон с готовностью исполнил просьбу королевы и надеялся, что Елизавета приблизит его к себе. Но королева выразилась о нем так: «Есть такие услуги, за которые награждают, но не уважают».

Свои мечты о высокой государственной должности Фрэнсис Бэкон смог осуществить только после смерти Елизаветы, в правление Якова I Стюарта. В 1618 году он стал лордом-Канцлером английского королевства. А в 1620 году выпустил в свет свой главный философский трактат *«Новый Органон»,* который, по его мнению, должен был заменить «старый» *«Органон»* — логический трактат **Аристотеля.** Бэкон провозгласил принцип: *«Изобретающий ум есть орган науки».* Эта книга, буквально перевернувшая весь ход развития европейского философского и научного мышления, вознесла Бэкона на вершину славы, подтверждая то, что он писал о себе много раньше: «Я только звонарь, который встал раньше других для того, чтобы всех созвать в церковь».

Сущность научного метода познания, который Бэкон назвал **эмпирическим,** состояла в том, чтобы любую идею, возникшую в сознании, проверить в ряде специально поставленных опытов — **экспериментов.** Далее вступает в дело «новый органон», или «новая **логика»,** основу которой у Бэкона составляет **индукция.** Индукция, по мысли Бэкона, дол-

жна проводить анализ опыта и различать основные его элементы, которые либо подтверждают, либо опровергают проверяемую идею.

Человеческому **мышлению,** считал Бэкон, присущи существенные изъяны, искажающие истину и мешающие получению новых знаний. Эти изъяны он назвал **идолами.** Таких идолов четыре: *идол рода* (присущ человеку как виду разумных существ: «Человеческий разум как неровное зеркало, которое, отражая вещи, смешивает свою природу и природу вещей и тем самым искажает ее и нарушает»); *идол пещеры* (Бэкон заимствует сюжет платоновского мифа, только в качестве стен пещеры выступают знания и привычки, полученные человеком в процессе его воспитания); *идол рынка* (т.е. идол «языка» — высказывая мысль, мы уже ее искажаем, в еще более искаженном виде она воспринимается другими людьми, искажается ими при передаче далее и т.д.); *идол театра* (в истории человеческой мысли накопилось столько идей, концепций, теорий, что теперь человек чувствует себя как в театре, на сцене которого, как актеры, играют все эти теории, заслоняя реальность).

Первые два идола Бэкон рассматривал как «врожденные», а два других уходят своими корнями в общественную жизнь человека. В познании, считал философ, нужно отбросить «общепризнанное» и все время помнить о том невольном искажении, которое наше мышление вносит в познаваемое им же. Именно

поэтому необходим эксперимент, который «желательно заканчивать математикой», уводящей мысль на тот уровень абстракции, где «врожденные» идолы практически не действуют. *«Наша надежда,* — писал он, — *базируется на все более тесном и прочном союзе опыта и ума».*

Наслаждаться успехом Бэкону пришлось, увы, недолго. Через три дня после того как герцог Бэкингем от имени короля преподнес ему титул виконта Сент-Альбанского, парламент предъявил лорду-канцлеру обвинения во взяточничестве и злоупотреблении служебным положением. Поистине Бэкону оставалось только заявить: «Мысль моя была всегда далека от моих действий». Он признал все обвинения, но попытался предложить королю своеобразную взятку: «Я предлагаю подарок Вашему Величеству. И если Вы спасете меня, я напишу *хорошую* историю Англии». Но парламент вынес приговор — громадный штраф, лишение права занимать государственные должности, находиться при дворе, а также многолетнее заточение в Тауэре. Правда, король практически сразу освободил Бэкона, и тот отправился в ссылку.

Остаток дней Фрэнсис Бэкон посвятил дальнейшей разработке своего «эмпирического» научного метода, и даже смерть его была напрямую связана с научными экспериментами. Как-то в апреле 1626 года, когда еще было холодно, Бэкон катался в экипаже и вдруг ему в голову пришла мысль проверить

на опыте, насколько снег может предохранять от гниения органические продукты. Он купил только что зарезанную курицу и старательно обложил ее снегом. При этом он сильно простудился. Эксперимент со «снежным холодильником» Бэкону удался вполне, но самому ему становилось все хуже, и через неделю он скончался.

На могиле ему поставили памятник: философ, сидящий в задумчивой позе, а на пьедестале помещены такие слова: «Фрэнсис Бэкон, барон Веруламский, виконт Сент-Альбанский, но более известный под именем светила науки, образцового оратора, обыкновенно сидел в такой позе. Разрешив все задачи тайн природы и гражданской мудрости, он умер, повинуясь естественному закону: все сложное подлежит разложению». Так ушел из жизни человек, создавший новую эпоху в философии и оставивший потомкам загадку того, насколько он сам соответствовал своему представлению о добре, которое сформулировал так: *добро есть то, что полезно человеку и человечеству в одно и то же время.*

«Я МЫСЛЮ, СЛЕДОВАТЕЛЬНО СУЩЕСТВУЮ»

Настоящим философом, когда он разрабатывает свою философскую систему, всегда движет какой-то внутренний пафос, некий его

Рене Декарт

собственный принцип, которому он старается следовать всю свою жизнь. Иногда этот принцип явно просматривается в размышлениях философа, иногда нет. В философии **Рене Декарта (1596—1650** гг.), одного из величайших философов и истории философии, этот принцип как на ладони: *я не хочу, чтобы кто-либо или что-либо обманывали меня, и тем более не хочу* ***обманывать себя сам.*** Следование этому принципу побудило Декарта вести жизнь, полную приключений и огромного внутреннего напряжения, подвергаться опасностям на войне, вступать в острые философские дискуссии.

Рене Декарт родился в очень знатной и богатой дворянской семье в одной из провинций Франции — Турени. Среди его родственников и предков были полководцы, епископы, члены парламентов. Сам же Рене родился очень слабым, болезненным мальчиком, тем не менее склонность его к наукам проявилась очень рано, и отец называл его в шутку «маленьким философом». В восемь лет он начинает учебу **в** элитном дворянском колледже Л а Флеш, основанном королем Генрихом IV,

завещавшим похоронить в этом колледже свое сердце. Так оно и случилось — 4 июня 1610 г. Декарт в числе избранных учеников встретил сердце короля.

Декарт прекрасно учился в колледже, где преподавали в основном учителя из иезуитского Ордена. Древние языки, двухлетний курс философии, в основном схоластической, а также самый любимый Декартом предмет — математика — все же не могли удовлетворить его страсть к познанию. Позже, вспоминая школьные годы, основатель рациональной философии писал: «С детства меня воспитывали для занятий науками, и так как меня уверили, что с помощью их можно достигнуть ясного и прочного знания всего полезного, то я почувствовал необыкновенно сильное желание их изучить. Однако когда я прошел весь курс учения, в конце которого обыкновенно люди вступают в ряды ученых, я совершенно изменил свой взгляд, ибо находился в таком хаосе сомнений и заблуждений, что, казалось, из моего желания учиться я мог извлечь ту пользу, что все более и более убеждался в своем невежестве». Поэтому Декарт решил покинуть школу и отправиться странствовать: *«Я не хотел более искать другой науки, за исключением той, которую я мог бы найти в самом себе или в великой Книге жизни».*

В 1613 году Декарт приезжает в Париж и погружается в жизнь, полную развлечений

и удовольствий. Но через год такая жизнь ему наскучила, и он вдруг исчез из поля зрения своих друзей. Живя в Париже, он нигде не появлялся, и никто не знал, где он живет. Все это время Декарт занимался глубоким изучением математики. В 1617 году его жизнь снова круто изменилась — он пошел на военную службу сначала в голландскую армию, а затем принял участие в нескольких сражениях между католиками и протестантами в Германии на стороне первых. Тогда же, в 1619 году, он испытал сильнейший внутренний кризис — философия показалась ему тогда сплошным темным хаосом, в котором ничего нельзя различить с ясностью. Напротив, математику Декарт считал единственной ясной наукой. И тогда у него возникла идея — нельзя ли с помощью математических методов прояснить философию и другие науки?

В 1620 г. Декарт окончательно оставил военные дела и вернулся в Париж, где опять уединился для размышлений, от которых его отвлекла лишь осада протестантской крепости Ла Рошель, во время которой он был представлен Людовику XIII и кардиналу Ришелье. А через несколько недель Декарт впервые сформулировал основные принципы своей новой философии. В тот день в Париже он присутствовал на философском диспуте, где некто Шанду, блестящий оратор, но весьма поверхностный ученый, представлял свою

якобы «новую философию». Говорил Шанду великолепно, и большинство присутствовавших одобрили его речь. Только Декарт молчал. Когда же его попросили высказать свое мнение, он встал и пункт за пунктом доказал несостоятельность теории Шанду, державшейся на мнимых, недоказанных основаниях. Декарт противопоставил бездоказательным философским теориям свой «пробный камень»: *всякая истина может быть открыта только при помощи методического мышления и должна выдержать испытание им.*

Декарт понимал, что он сам далек еще от достаточно ясного понимания тех новых принципов философии, которые в общих чертах были им изложены в споре с Шанду. Поэтому он, неожиданно для парижской публики, уже приготовившейся чествовать его в качестве нового модного «философского героя», уезжает в Голландию и поселяется там в полном уединении, подкрепленном еще и тем, что Декарт живет среди чужих людей, почти не зная их языка. «Я гуляю ежедневно в самой сутолоке большой толпы народа так свободно и спокойно, как Вы в своих аллеях; я рассматриваю людей, движущихся вокруг меня, как деревья в Ваших лесах и зверей в Ваших лугах», — так описывал в письмах Декарт свою жизнь в Голландии, жизнь стороннего наблюдателя, читающего «великую Книгу жизни». В эти годы Декарт создал свои главные философские произведения:

«Размышления о первой философии, в которых доказывается бытие Бога и бессмертие души» (1641), *«Принципы философии»* (1644), *«О страстях души»* (1646).

Главной проблемой, занимавшей Декарта, была проблема достоверного знания. Как узнать, что то, что я знаю, я знаю истинно? Как доказать себе истинность своих знаний? Ведь гораздо легче, говорил Декарт, иметь по-какому-либо вопросу известное количество смутных идей, чем в самом легком вопросе добраться до истины как таковой. Поэтому главным вопросом **познания** Декарт считал вопрос о методе. Свой метод он назвал **дедукцией,** которая заключается в том, чтобы найти источник истины и затем двигаться от него шаг за шагом, не сбиваясь с пути, не сворачивая в ложную сторону.

Но с чего начать, как найти этот «источник истины»? Все наши представления и чувства, говорил Декарт, недостоверны, поэтому *познание должно начинаться с* ***сомнения.*** Сомнение, считал философ, должно быть направлено не против мира, а только против значимости наших собственных представлений о нем. Я, говорил Декарт, не Бога, который создал мир, подозреваю в обмане, а предполагаю, что некий «демон лжи» просто сбивает меня с правильного восприятия реальности.

Итак, Декарт сформулировал первый принцип познания: «*Я сомневаюсь во всем*». Но дальше с необходимостью возник вопрос —

есть ли что-нибудь такое, в чем можно не сомневаться? Если я, говорил Декарт, отброшу все сомнительное, все, в чем можно сомневаться, то все же несомненным останется одно — мое сомнение, мое **мышление,** которое и есть мое **истинное** бытие. *Я мыслю, следовательно, существую* (Ego cogito, ergo sum) — таков основополагающий принцип, сформулированный Декартом. Еще один принцип, **принцип достоверности знания,** гласит: *Что я постигаю ясно и отчетливо, то истинно.* Познать «ясно и отчетливо» значит представить изучаемый предмет в чистом виде, отделить от него все чуждое.

Основой человеческого бытия, считал Декарт, является **«мыслящее Я»,** но это **Я** появляется на свет не пустым. В противном случае, оно не могло бы породить никакой мысли — ведь «из ничего не выйдет ничего». Поэтому Декарт ввел понятие **врожденных идей** — эти идеи даны человеку, его душе уже при рождении, врождены **Богом.** Собственно, **идея Бога** и является, считал Декарт, главной врожденной идеей — именно на основе ее мы можем затем иметь представление и познавать **идеи Добра, Красоты, Истины.** Второй врожденной идеей является идея тел — на ее основе мы можем воспринимать и познавать окружающие нас в мире тела.

Исходя из этого Декарт сформулировал **антропологическое доказательство бытия Бога,** которое основано на сопоставлении не-

совершенной природы человека и совершенной природы Бога. **Человек** существует и одарен представлением о совершеннейшем существе (Боге), но сам человек, очевидно, несовершенен, а значит, не может быть источником наличия во мне идеи о совершеннейшем существе — как меньшее не может породить большее. Следовательно, эта идея прирождена мне извне, то есть самим Богом, реально бытийствующим. Таково рассуждение Декарта. Более того, он полагал, что именно бытие и идея Бога делают возможным человеческое сомнение и, следовательно, мышление. В противном случае, человек был бы безысходно заключен в собственных иллюзиях. Способность же сомнения доказывает, что человеку присущ свет истинного знания, источником которого является Бог.

Декарт даже сформулировал своего рода правило **жизни.** Во-первых, Бог создал не людей (имеется в виду некая обезличенная масса людей), Бог создал меня. Во-вторых, в этом мире всегда есть для меня место. В-третьих, если я, по какой-либо причине, не займу этого места, то в мире не будет порядка и красоты, и меня не будет, и самого мира тоже не будет. Вот такое максималистское заключение об ответственности человека перед самим собой и перед миром. Бесполезно убегать от мира и его реальностей, потому что, говорил философ, *убегая, мы все равно уносим свой страх с собой.*

Декарт в своей философии много внимания уделил тому, каким образом природа человека влияет на его мышление и волю. Человек, полагал философ, состоит из двух **субстанций — тела** *(протяженная)* и **души** *(мыслящая).* Их соединение мешает душе спокойно созерцать — возникают **эмоции, страсти,** являющиеся неотъемлемой частью человеческой природы. *Удивление, желание, печаль, радость, любовь, ненависть* — таковы **простые страсти,** тревожащие душу человека. Их комбинации составляют **страсти сложные.** Единственной положительной страстью Декарт считал удивление, ибо оно дает человеку первый импульс к познанию.

Декарт считал, что человек изначально обладает свободой воли — без нее он просто не мог бы выйти из сети заблуждений, но воля может и подвести — выбрать не то решение из предложенных разумом. Причиной зла, по Декарту, является ошибка воли. Человек, движимый страстями, несвободен. Для того чтобы стать свободным, ему необходимо стать выше своих страстей, прояснить свое мышление. А это возможно лишь в состоянии **собранного субъекта** (т.е. — вспомнившего свои врожденые идеи, которые и есть для человека первая **необходимость).** Исходя из этого Декарт сформулировал **принцип человеческой свободы** — *свобода на волне необходимости,* при которой человек ставит осознанные им врожденные идеи выше давления

внешних обстоятельств. Помочь в преодолении страстей может и другой сформулированный Декартом принцип — принцип **великодушия:** *я не могу судить о том, чего не знаю с достоверностью.*

Таковы основные принципы философии Декарта — **картезианства.** Смерть настигла его там и тогда, когда он вряд ли ее ожидал. Его пригласила в Стокгольм шведская королева Кристина — читать ей лекции по философии. Королева была ярко выраженным «жаворонком» — лекции были назначены на шесть часов утра. Такой нагрузки Декарт, который по-видимому был «совой», не выдержал. Через несколько месяцев он заболел пневмонией и умер, сказав перед смертью, что просит считать его философией только то, что он написал своей рукой.

МЫСЛЯЩИЙ ТРОСТНИК

Среди философов Нового времени **Блез Паскаль (1623—1662** гг.) занимает особое место. Русский философ **Лев Шестов** писал, что Паскаля «влекло не вперед, вместе со всеми людьми, к "лучшему" будущему — а назад, в глубь прошлого». *«Пренебрежение философствованием и есть истинная философия»* — таков один из парадоксальных афоризмов Паскаля, выраженный в книге *«Мысли»,* написанной им всего за несколько дней.

. Уже в раннем детстве у Паскаля проявилась необычайная способность к восприятию мира и недюжинная сила ума. В 11 лет он заметил, что если ударить ложкой по тарелке, а затем сжать ее пальцами, то звук вызванный ударом, стихает гораздо быстрее, чем без сжатия. Это навело его на мысль о колебательной природе звука, и он написал «Трактат о звуках», который был серьезно воспринят взрослыми учеными. В 17 лет Паскаль написал геометрический трактат «Опыт о конических сечениях», который привел многих ученых в восторженное изумление. Только, пожалуй, один Декарт выразил сомнение — он считал, что Паскалю не хватает методичности и доказательности. Позже уже сам Паскаль выступит с критикой декартовской философии, станет одним из самых непримиримых ее противников.

Блез Паскаль

Но, в сущности, Декарт был прав — Паскалю действительно претила методичность в науке. Наука представлялась ему чем-то вроде набора головоломок, которые необходимо решить для элементарной жизненной пользы или просто в качестве интеллектуального соревнования. К примеру, первую счетную машину

Паскаль изобрел для того, чтобы помочь отцу в его нудных ежедневных подсчетах. Основы теории вероятностей он разработал, чтобы ответить на вопросы друзей-картежников о том, как поделить выигрыш между игроками, если игра внезапно прервется. Однажды он объявил конкурс на решение сложной математической задачи — и сам его выиграл, решив задачу быстрее всех.

В конце жизни Паскаль даже принял активное участие в создании первого в Европе «общественного транспорта» — кареты должны были ездить по определенным маршрутам через определенные промежутки времени.

Кардинальный поворот в своих взглядах на мир и человека Паскаль испытал как раз в 17 лет, когда познакомился с учением епископа Янсения — **янсенизмом.** Янсенизм, ратовавший за нравственное очищение человека, за подчинение его воли воле Божьей, за аскетическую жизнь, был во Франции своеобразной формой протестантизма внутри католической Церкви. Паскаль стал ярым сторонником янсенистов. К тому же его с детства мучили необъяснимые сильнейшие боли, и он обостреннее многих сознавал бренность этого мира, абсурдность существования человеческого существа, которого ожидает неизбежный конец — смерть. Но что там, за порогом смерти?

Перед сознанием Паскаля «разверзлась пропасть», ощущение которой преследовало его

всю жизнь: «Мы беззаботно бежим к пропасти, поместив перед собой что-нибудь, мешающее ее видеть». Очевидцы рассказывали, что Паскаль часто буквально физически видел эту пропасть и загораживался от нее стулом. Перед этой пропастью разум — ничто: «Смирись, бессильный разум; умолкни, глупая природа: знай, что **человек** — существо, бесконечно непонятное для человека, вопроси у твоего Владыки о неведомом тебе истинном твоем состоянии».

Что такое человек? — задавал себе вопрос Паскаль. И отвечал на него сам: «Человек — всего лишь тростник, слабейшее из творений природы, но он — *тростник мыслящий.* Чтобы его уничтожить, вовсе не надо быть всей **Вселенной:** достаточно дуновения ветра, капли воды. Но пусть даже его уничтожит Вселенная, человек все равно возвышеннее, чем она, ибо сознает, что расстается с жизнью и что слабее Вселенной, а она ничего не сознает». Паскаль не отвергал человеческий разум. «Все наше достоинство в способности мыслить», — говорил он, но отвергал слепое повиновение разуму. Разум необходим человеку, считал Паскаль, для того, чтобы мочь воспринять и осознать волю **Бога.** Но есть такие запредельные вещи, перед которыми разум бессилен.

Тщету этого мира Паскаль обосновывал даже простейшими рассудочными аргументами:

что выгоднее — получить **вечность** или **«пустяк» жизни,** преходящее, ничто. Историю человечества, считал Паскаль, нельзя рассматривать как непрерывный рациональный процесс, в ней все подвержено случайностям, причины которых нам неведомы. «Если бы нос Клеопатры был чуть короче, всемирная история получила бы иное направление», — шутил он.

Даже болезни, причинявшие ему всю жизнь физические страдания, от которых он так рано умер, не заставили Паскаля упрекнуть **Бога.** Напротив, он полагал, что эти болезни как раз и даны ему для того, чтобы он смог осознать всю реальность грани «жизнь-смерть» и бессилие разума перед ней, почувствовать существование за этой гранью «вечной жизни». Паскаль даже написал необычайную по силе страстности и смирения личную «Молитву, чтобы Бог дал мне употребить болезни во благо».

Разум человека, считал Паскаль, противоречив. Он может разбудить человеческую мысль, волю, душевную стойкость, но может и успокоить, «усыпить» человеческую душу и сердце, сделать их нечувствительными к высшим, сверхразумным истинам. Как призыв к постоянному духовному труду звучит один из самых знаменитых афоризмов Паскаля: *«Иисус будет в смертельных муках до конца мира: не должно спать в это время».*

ЧЕЛОВЕК КАК «ЧИСТЫЙ ЛИСТ»

Английский философ **Джон Локк** (1632—1704 гг.), основатель **сенсуалистской** философии (философия чувственного познания) Нового времени, родился в городке Рингтоне (близ Бристоля) в 1632 г. в семье адвоката. Окончив Оксфордский университет в 1658 г., он преподавал греческий язык и риторику, служил цензором. Одновременно Локк подробно изучал достижения современной ему философской мысли — за профессиональную компетентность в этом вопросе его даже прозвали «доктором Локком». В 1668 г. Локк стал членом Лондонского королевского общества, но его там не жаловали за антисхоластические взгляды. В 1675 г. Локк отправился во Францию, где изучил философию **Декарта.**

Джон Локк

С этого момента он «вошел» в философию как основной противник декартовской теории **«врожденных идей»** и рационально-интуитивного метода познания, в противовес которым он выдвинул теорию tabula rasa **(«чистого листа»). Человек** рождается с чистым сознанием, не загруженным никакими врожден-

ными знаниями. Поэтому всё, что человек познает, он познает через **опыт.**

Опыт, считал Локк, может быть как **внешним** (воздействие внешнего мира на наши чувственные органы), так и **внутренним** (результат мышления, деятельности души). На основе внешнего опыта мы получаем «чувственные идеи», а продуктом внутреннего опыта являются внутренние душевные рефлексии (процесс самоосознания). И тот и другой опыты ведут, утверждал Локк, к образованию **простых идей.** Более абстрактные, **общие идеи** появляются в нашем сознании лишь на основе размышления над простыми идеями. Например, когда мы видим, что кареты едут одна за другой, проезжая мимо нас, то в нас возникает простая идея «последовательности» тех или иных действий, но если мы дадим себе труд поразмышлять над идеей последовательности, то у нас появится более общая идея — идея «времени».

Мир вещей мы познаем на основе внешнего **чувственного** опыта **(сенсуалистское** познание), но при этом, считал Локк, мы сталкиваемся с определенными трудностями. Как, например, отделить истинные свойства вещей от того, что привносят в наше познание наши органы чувств? Пытаясь разрешить эту проблему, Локк разделил идеи, полученные на основе внешнего опыта, на **идеи первичных качеств** (которые возникают благодаря воздействию на наши органы чувств свойств,

принадлежащих объектам внешнего мира: масса, движение и т.д.), и **идеи вторичных качеств** (связанных со спецификой наших органов чувств: запах, цвет, вкус и т.п.). В познании очень важно разделять эти идеи, дабы не поддаться самообману. По Локку, нельзя, например, сказать, что «яблоко красное». Яблоко имеет определенную форму, массу, но цвет яблока есть свойство не яблока, а нашего зрения, различающего цвета.

Со стремлением к более объективному познанию связана и теория **номинальных** и **реальных сущностей** вещей. Мы, считал Локк, часто принимаем номинальные сущности вещей за реальные. Например, говорим о золоте, что оно имеет желтый цвет, тяжелое, ковкое, блестящее — но это знание отражает лишь наше представление о золоте, но никак не его реальную природу, сущность или структуру. Поэтому Локк предостерегал ученых от поспешных классификаций объектов внешнего мира по видам и родам. Сначала необходимо как можно полнее познать природу единичной вещи, а уж потом классифицировать.

Несмотря на свою полную борьбы, политических репрессий и невзгод жизнь, Локк отнюдь не потерял веру в изначально неиспорченную природу человека. **Естественное состояние людей,** по Локку, есть «состояние равенства, в котором вся власть и правомочность является взаимной, один имеет не больше, чем другой». **Человеческую свободу**

ограничивает лишь естественный закон, который гласит: *Никто не имеет права ограничивать другого в его жизни, здоровье, свободе либо имуществе.* Люди вполне способны, при правильном отношении к миру и друг другу, жить, не ограничивая взаимной свободы и не причиняя друг другу никакого вреда. Локк даже написал книгу *«Мысли о воспитании»,* которая начиналась со знаменитых слов: *«Здравый дух живет в здоровом теле».*

О том, насколько тонко Локк разбирался в вопросах **воспитания,** свидетельствует сформулированный им **принцип достаточного наказания:** «Нет, я не признаю никакой исправительной меры полезною для нравственности ребенка, если стыд, сопряженный с нею, пересиливает стыд от совершенного поступка».

СВОБОДА КАК ОСОЗНАННАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ

Судьба этого философа полна драматизма, а его имя стало своего рода символом логичности и рассудочности в европейской философии. Высшей целью этой науки **Бенедикт Спиноза** (1632—**1677** гг.) считал видение вещей *с точки зрения вечности.* А на его печати для писем была изображена роза с надписью наверху: «Caute» — «Осмотрительно».

Бенедикт Спиноза (Барух д'Эспиноза) родился в Амстердаме в состоятельной семье испанских евреев, бежавших в Голландию от преследований со стороны инквизиции. Хотя они и вынуждены были принять христианство, но втайне сохраняли верность иудаизму. Поначалу Спиноза занимался в школе еврейской общины в Амстердаме, где выучил древнееврейский язык, глубоко изучил Библию и Талмуд. После этого он перешел в христианскую школу, где освоил латынь и науки — ему открылись античный мир, культура эпохи Возрождения и новые течения в философии, созданные **Р. Декартом** и **Ф. Бэконом.** Постепенно юный Спиноза стал все более отдаляться от интересов своей общины, так что вскоре вступил с ней в серьезный конфликт.

Бенедикт Спиноза

Глубокий ум, таланты и образованность юноши всем бросались в глаза, и многие члены общины хотели, чтобы Спиноза стал их раввином. Но Спиноза отказался в столь резкой форме, что какой-то фанатик даже покушался на жизнь будущего великого рационалиста — Спинозу спасло лишь то, что он

вовремя сумел увернуться, и кинжал прорезал только его плащ. Так уже в юности Спиноза был вынужден защищать свою свободу, право на свой собственный выбор. В 1656 г. он был изгнан из общины, а его сестра оспорила его право на наследство. Спиноза подал

в суд и выиграл процесс, но самого наследства не принял — ему важно было доказать только свои права. Он переехал в окрестности Амстердама и там, живя в одиночестве, занялся философией.

С 1670 г. Спиноза поселился в Гааге. Он научился шлифовать стекла и этим ремеслом зарабатывал себе на жизнь, хотя к этому времени уже был известен как интересный глубокий философ. В 1673 г. ему даже предложили занять кафедру философии в Гейдельбергском университете, но Спиноза отка-

зался, поскольку опасался, что на этой должности ему придется идти на мировоззренческие компромиссы, ибо, отказавшись от иудаизма, он так и не принял христианства. Он жил один и очень скромно, хотя имел много друзей и почитателей его философии. Один из них даже дал ему денег на пожизненное содержание — Спиноза принял подарок, но при этом попросил значительно уменьшить сумму. Умер Бенедикт Спиноза в возрасте 44 лет от туберкулеза.

Главным философским трудом Спинозы стала его *«Этика»*. Он всегда считал себя последователем рациональной философии **Декарта** и его «геометрического» метода познания, предполагающего строгие доказательства любого утверждения. В «Этике» Спиноза довел метод своего учителя до логического предела — эта книга по манере изложения напоминает скорее учебник по геометрии. Сначала идут определения **(дефиниции)** основных понятий и терминов. Затем следуют очевидные, интуитивно ясные идеи, не требующие доказательства **(аксиомы).** И, наконец, формулируются утверждения **(теоремы),** которые доказываются на основании дефиниций и аксиом. Правда, Спиноза все же отдавал себе отчет, что философия вряд ли сможет полностью уместиться в столь строгих рамках, и потому снабдил книгу многочисленными комментариями, в которых и изложил собственно философскую аргументацию.

Главной идеей Спинозы, на которую «нанизана» вся его философия, является **идея** о **единой субстанции** мира — **Боге.** Спиноза исходил из декартовского понятия субстанции: **«Субстанция** — *это вещь, для существования которой не нужно ничего другого, кроме нее самой».* Но если субстанция является основой самой себя, то есть сама себя творит, то, сделал вывод Спиноза, такая субстанция дол- быть Богом. Это и есть «философский Бог», являющийся универсальной причиной мира и неразрывно (имманентно) связанный с ним. **Мир,** считал Спиноза, делится на две природы: **природу творящую** и **природу сотворенную.** К первой относится субстанция, или Бог, а ко второй — **модусы,** т.е. единичные вещи, в том числе, и люди.

Поскольку мир пронизан единой субстанцией, в нем царствует строгая необходимость, исходящая из самой субстанции, или Бога. Такой мир, полагал Спиноза, является совершенным. Но откуда тогда в нем страх, зло, несвобода? Спиноза отвечал на эти вопросы очень своеобразно. Да, человека влечет по жизни совершенная **необходимость,** но часто сам человек этого не понимает и ему становится страшно, возникает стремление противоречить необходимости, и тогда его душой овладевают **страсти,** он творит зло. Единственный выход — осознать эту необходимость. Отсюда его знаменитая «формула свободы»: *Свобода есть осознанная необходимость.*

По-своему Спиноза определил и человеческую **добродетель.** Поскольку мир совершенен, то он стремится сохранить себя. Поэтому, считал Спиноза: «Для нас действовать по добродетели означает не что иное, как жить, заботясь о самосохранении, руководствуясь разумом и собственной пользой». Правда сам Спиноза, судя по его биографии, не очень заботился о «самосохранении», его больше привлекала возможность разумно мыслить, ибо это означало для него «блаженство при высшем интеллектуальном познании», которое есть «не только добродетель, но и единственная и высшая награда за добродетель». Добродетель, считал Спиноза, несет награду в себе самой, делая возможным «рай» уже здесь, на земле.

ПОЧЕМУ ЭТОТ МИР — ЛУЧШИЙ ИЗ ВОЗМОЖНЫХ?

Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646—1716 гг.) был философом, математиком, физиком и даже мистиком. В жилах его текла немецкая (по матери) и славянская (по отцу) кровь. Полагают, что фамилия Лейбниц — это переделка от польско-чешского Лубенец. Да и некоторые современники Лейбница отмечали его «чисто славянскую» широту натуры, переходящую, правда, иногда в безалаберность.

Он родился в Лейпциге. Его отец, пожалуй, даже слишком рано распознал гениальные

Готфрид Вильгельм Лейбниц

способности сына. Сам Лейбниц любил вспоминать это скорее как анекдот: когда его крестили во младенчестве, то он в какой-то момент поднял глаза к потолку, и отец увидел в этом предзнаменование великой будущности своего сына. Придя домой, он записал в семейной хронике, что сын его всегда будет обращать взор к небесам.

Лейбниц быстро проявил свои незаурядные качества. В 12 лет он открыл для себя интересный метод изучения языков. Когда он читал книгу римского историка Тита Ливия, то поначалу почти ничего не понимал. Тогда мальчик стал рассматривать гравюры, помещенные в книге. Просмотрев их внимательно, он попробовал прочесть книгу еще раз и почувствовал, что уже кое-что понимает в латинском тексте. Через некоторое время Лейбниц мог читать самые сложные латинские трактаты. С той поры, писал позже Лейбниц, он «поставил себе основными правилами: искать в словах и выражениях ясности, в вещах • •— пользы». Возможно уже тогда в маленьком Лейбнице зародилось стремление искать во всем некую общую пользу, единство и гармонию.

В 15 лет Лейбниц стал студентом Лейпцигского университета, где изучал юриспруденцию, философию и математику. Здесь он впервые ознакомился с философскими учениями **Фрэнсиса Бэкона** и **Рене Декарта,** с космическими концепциями **Коперника** и **Галилея.** Активно полемизируя с возникавшими на почве поверхностного восприятия Новой философии атеистическими и материалистическими концепциями, он обращается к словам Ф.Бэкона: *«Капля, выпитая из кубка философии, удаляет от Бога, но если выпить кубок до дна, то возвращаешься к Богу».*

В спорах с материалистами Лейбниц постепенно формировал свою философскую концепцию. В качестве главного аргумента он выдвинул феномен движения материальных тел. Из существования тела в данном месте, рассуждал Лейбниц, вытекает лишь возможность движения, а не само движение. Следовательно, существуют некие «нематериальные причины», движущие, формирующие, приводящие все в порядок. «Я докажу, — писал Лейбниц, — что причиною всех вещей является всемирная гармония, т.е. Божество, что эта гармония не есть причина грехов, но грехи все-таки неизбежны и принадлежат гармонии подобно тому, как тени оттеняют картину, а диссонансы придают приятность тону».

В 1676 г. во время пребывания в Париже Лейбниц разработал первые основания своего

великого открытия: математического метода **дифференциального исчисления** и связанной с ним **теорией монад. Монады** — это метафизические единицы, неделимые, подобные математическим точкам, это центры движущих сил, атомы субстанции. Монады не могут ни возникнуть, ни погибнуть, поэтому «сумма Вселенной», которая состоит из монад, всегда одна и та же. *«Сумма всех движущих сил природы постоянна, в природе всегда сохраняется одно и то же количество живой силы»* — эта формулировка Лейбница была своего рода предтечей **закона сохранения энергии.** Монады, являясь движущими силами мира, движут его к одной конечной цели — **всеобщей гармонии.**

По степени развития Лейбниц различал монады трех видов. Низшая форма монад составляет неживые предметы. Второй тип монад — монады-души, способны к ощущениям. Такие монады составляют биологические объекты. И, наконец, третий вид — монады-духи обладают способностью осознавать. Последние монады организуют человеческую сущность. Сами монады, по Лейбницу, способны к внутреннему развитию. Естественно, что если монады выстраиваются по степени совершенства, то должна существовать и наисовершеннейшая монада, то есть **Бог.**

Одновременно Лейбниц хотел объяснить и проблему происхождения зла в мире. И здесь

он использовал метод дифференциального исчисления. В мире, утверждал Лейбниц, есть известный относительный максимум блага, но, по закону гармонии, это возможно лишь при существовании минимума **блага** (т.е. — зла). Далее Лейбниц рассуждал таким образом: Бог, создавая **мир,** мог выбирать из бесчисленного множества планов творения, но, будучи высшим существом, он, естественно, выбрал наилучший из всех возможных планов. Поэтому, говорил философ, мы можем утверждать, что *этот мир есть лучший из всех возможных миров*.

Таковы были философские изыскания Лейбница, заставившие всю Европу величать его «великим Лейбницем». Для России же философ особенно важен потому, что именно ему поручил Петр I создать план организации Российской Академии наук, и Лейбниц стал одним из первых российских академиков.

РЕАЛЕН ЛИ НАШ МИР?

Джордж Беркли (1684—1753 гг.) был одним из тех философов Нового времени, которые пытались примирить новые философские концепции **(Декарта, Бэкона,** Локка) с догматическим христианским **богословием.** Он родился в Ирландии, окончил университет в

Джорж Беркли

Дублине, после чего в 22 года начал преподавать теологию. Через некоторое время он совершил длительное путешествие по Европе, где подробно ознакомился с новейшими философскими тенденциями.

Возвратившись в Англию, Беркли составил проект основания колледжа на Бермудских островах, для чего поехал на три года в Северную Америку. Именно тогда он произнес знаменитые слова: *«Развитие империи направлено к Западу»,* за которые его именем назвали небольшой городок в Калифорнии, где и по сей день расположен знаменитый своими физико-математическими исследованиями Берклеевский университет. Вернувшись в Ирландию, Беркли стал католическим священником. В 1734 г. он был посвящен в сан епископа города Клойн в Ирландии.

В 1709 г. Беркли впервые заявил о себе как о серьезном мыслителе в трактате *«Опыт новой теории зрения»,* где он попытался сформулировать начальные положения своей философской системы. В отличие от Локка,

разделявшего свойства вещей на зависящие от наших органов восприятия и не зависящие, Беркли утверждал, что у вещей нет свойств, восприятие которых нами не зависело бы от наших воспринимающих органов. Мы не можем, доказывал он, даже точно утверждать, какие размеры имеет тот или иной предмет. Ведь один и тот же предмет на большом расстоянии кажется маленьким, а при приближении — увеличивается. Следовательно, мы ничего не можем знать о вещах до тех пор, пока мы их непосредственно не ощущаем. ***Мир** есть лишь то, что я воспринимаю* — таков принцип Беркли. Иными словами, вещи в мире предстают перед нами только как совокупность наших ощущений. «Быть», считал Беркли, значит — «быть воспринимаемым». В «Трактате о принципах человеческого знания» он утверждал: «...совершенно исключено, чтобы вещи имели какое-либо существование вне мысли или мыслящего существа, которые их воспринимают».

Материя, считал Беркли, не существует вне **духовной субстанции,** которая мыслит. Источником такой субстанции является Бог. Весь остальной мир, все вещи, которые кажутся нам реальными, на самом деле, говорил Беркли, являются лишь «комплексами наших ощущений». Иными словами, мир существует лишь с точки зрения нашего субъективного восприятия. А своего рода инстанцией,

обеспечивающей это восприятие, выступает идеальная духовная субстанция — **Бог.** Поэтому система Джорджа Беркли называется **субъективным идеализмом.**

Беркли настаивал на том, что в философии термину **«вещь»** необходимо предпочесть термин «идея», включающий в себя все вещи, поскольку они существуют лишь как мыслимые нами. Противники Беркли пытались опровергнуть его теорию. Что же, говорили они, значит, к примеру, дерево, растущее в этом дворе, не существует тогда, когда во дворе никого нет? На это Беркли ответил: «Бог всегда воспринимает всё и благодаря этому и скалы, и камни, и деревья существуют постоянно».

В своей последней философской книге «Сейрис», изданной в 1744 г., Беркли попытался согласовать свою систему субъективного идеализма с системой объективного идеализма, созданной еще **Платоном.** Основное противоречие между этими системами заключалось в том, что Беркли подходил к познанию мира с сенсуалистской позиции, то есть позиции **чувственного** восприятия. Платон же полагал, что идеи вещей существуют вне и независимо от нас, сами по себе, объективно, и, даже вопреки нашим чувственным ощущениям, могут мыслиться нами.

Беркли прибег к «последнему философскому аргументу», то есть к понятию Бога. Бог

есть единая основа всего сущего, следовательно он является и источником наших чувственных восприятий, и источником тех идей (или — идей вещей), которые мы воспринимаем. Поэтому, пришел к выводу Беркли, наше восприятие лишь кажется нам субъективным, на самом же деле оно происходит из единственно объективного источника — **Бога.**

Оригинальность философии Беркли состояла и в том, что он переставил акценты в познании. Что для нас важнее, скажем, в яблоне? То, каким образом и почему она растет, или то, что на ней вызревают яблоки? Иными словами, Беркли предлагал рассматривать вещи такими, какие они уже есть, какими они уже созданы, а не пытаться разобрать их на части, чтобы посмотреть, как они устроены. Для нас, считал Беркли, важно то, какие **конечные цели** (финальные причины) определяют существование и действия той или иной вещи.

Время и пространство казались в эпоху Беркли абсолютными, реально существующими вещами, и поэтому никто почти и не заметил утверждения философа об их относительности: ***пространство*** *есть лишь наши специфически упорядоченные чувственные восприятия, а время — выражение их взаимной последовательности.* Беркли, предсказал возможность «теории относительности» за **200** лет до того, как ее сформулировал в виде научной доктрины **Альберт Эйнштейн.**

«ПОСЛЕ» ЕЩЕ НЕ ОЗНАЧАЕТ «ПОТОМУ»

Дэвид Юм (1711—1776 гг.), основатель европейской философии агностицизма, родился в Эдинбурге (Шотландия). В 1744 г. Юм безуспешно пытался получить профессуру в Эдинбургском университете, потом стал наставником душевнобольного, затем поступил в секретари к одному генералу. Эти перипетии нисколько не огорчили Юма. Даже когда почти никто не обратил внимания на его только что вышедший труд «Очерки о человеческом разуме», он лишь отшутился: «Отличаясь от природы веселым и пылким темпераментом, я очень скоро оправился от удара».

Дэвид Юм

Вскоре Юм познакомился не только с концепциями рационализма и сенсуализма, но и с философией Жан Жака Руссо. Он так же проявил интерес к субъективному идеализму Дж. Беркли. Изучив все концепции Нового времени, Юм пришел к весьма скептическим выводам относительно человеческих возможностей познания. Это не удивительно: и древнегреческая философия, и римская, и схолас-

тика — все они имели своих скептиков. В чем же заключался скептицизм Юма по отношению к философии Нового времени?

В своем основном труде *«Исследование* ***о человеческом разуме»*** Юм попытался ответить на вопрос — что мы на самом деле воспринимаем в тот момент, когда думаем, будто воспринимаем вещи, предметы, других людей или животных? С одной стороны, говорил Юм, у нас нет достаточных аргументов, чтобы доказать, что внешний мир, материальная природа, которую мы воспринимаем, действительно существует. С другой стороны, мы не можем и доказать, что то, что мы воспринимаем, на самом деле не существует. Иными словами, наши восприятия так же мало говорят нам о существовании мира, как и о его отсутствии. Следовательно, вообще бесполезно задавать вопрос о существовании или несуществовании внешнего мира. *Наш разум оперирует лишь с содержанием наших ощущений, а не с тем, что их вызывает,* — это и есть основной принцип юмовского **агностицизма,** то есть скептического отношения к возможности достоверного познания.

Какого же рода знания мы способны получать в таком случае? «Хотя кажется, — писал Юм, — что наше **мышление** имеет неограниченную свободу, мы выясняем при более близком знакомстве, что оно, собственно, ограничено весьма узкими границами и что *вся эта творческая сила духа есть не более*

чем способность складывать, перекладывать, увеличивать либо уменьшать материал, который нам поставляют чувства и опыт». В процессе упорядочивания наших впечатлений мы формируем некие идеи или представления — это и есть наш опыт, опыт формулирования идей. Итак, агностик пришел к выводу, что в процессе познания мы можем оперировать, с одной стороны, нашими впечатлениями, которые создают у нас иллюзию отношений между **«реальными вещами». А с** другой стороны, мы можем оперировать идеями, то есть в нашей голове складываются **«отношения идей».**

К «отношению идей» мы можем прийти либо путем интуитивного прозрения, либо путем доказательств. Знание «отношений идей» Юм считал самыми прочными и основательными, ибо они не зависят от внешнего мира, о котором неясно даже, существует он или нет. К примеру, утверждение о том, что «квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов» остается истинным при любом положении в отношении к внешнему миру, даже если в этом мире вообще не встречались бы треугольники. Это гениальное прозрение Юма было понято и воспринято лишь в начале XX века в таких важных и интересных философских направлениях как **неопозитивизм** и **аналитическая философия.**

Что же до отношения «реальных вещей», то Юм в общем-то не отвергал их, он только

говорил о том, что здесь мы входим в несколько иную область знания. Например, мы вроде бы можем с полной уверенностью утверждать, что «завтра взойдет солнце». Эта уверенность зиждется на том, что уже много-много дней мы наблюдаем одно и то же — утром всходит солнце. Но, спрашивал Юм, кто может доказать, что ложным является обратное утверждение — «солнце завтра не взойдет». Ведь это утверждение столь же понятно и столь же непротиворечиво, как и первое. И кто может дать гарантии, что в некий «энный» раз солнце обязательно взойдет? Таким образом, знать что-то наверняка о происходящем в «реальном мире» мы можем только после того, как это «что-то» уже имеет место быть.

Скептическому анализу Юм подверг и такую идею-фикс философии Нового времени, как понятие причинности: «Все наши заключения относительно причин и действий основаны исключительно на привычке». *«После» еще не означает «потому»* — так сформулировал свое отношение к идее причинности Юм. Например, небо закрыли тучи и пошел дождь. По привычке можно сказать, что дождь пошел из-за того, что небо закрыли тучи. Но, как писал Юм, «разум не сможет даже при помощи самого тщательного поиска и исследования» найти для этого следствия истинную причину.

Скепсис Юма был направлен против развившегося в ту эпоху представления о неограниченных возможностях человеческого разума. В том числе, Юм отвергал и все попытки доказательства существования Бога, основанные на разуме. Он подверг сомнению мысль **Декарта** о существовании самоосновного, то есть основанного на себе самом, человеческого Я. Юм считал, что человека не существует без его ощущений, и, таким образом, человек неотделим от мира, который он воспринимает.

Скепсис Юма стал своего рода первым «ушатом холодной воды», вылитым на горячие головы ученых Нового времени, решивших, что теперь дело лишь за поступательным и методическим познанием тайн природы. Последние, правда, почти не обратили на это внимания — за исключением **Иммануила Канта,** заинтересовавшегося проблемой **априорного,** то есть доопытного, **знания.**

ЗОЛОТОЕ ВРЕМЯ ДОБРЫХ ДИКАРЕЙ

О значении этого мыслителя эпохи **Просвещения** очень хорошо написал другой крупный философ, но уже XX века, **Бертран Рассел:** «Значение **Руссо** проистекает главным образом из его призыва к сердцу и к тому, что в его время было названо "чувствительностью". Он является отцом движения романтизма».

Жизнь **Жана Жака Руссо** (1712—1778 гг.) была трудна и запутанна. Он родился в Женеве (Швейцария). Его отец одновременно был и часовых дел мастером, и учителем танцев.

В 12 лет Руссо по воле родителей был вынужден оставить школу и пойти в подмастерья учиться ремеслу, которое вскоре всей душой возненавидел. В 16 лет без гроша в кармане он сбежал в маленькое европейское королевство Савойю, где перешел в католичество. После обращения он поступил в лакеи к одной знатной даме, потом жил как бродяга, странствующий и существующий на случайные заработки. Лишь через несколько лет ему повезло — он попал в секретари к французскому посланнику в Венеции маркизу Монтэгю. Работу свою Руссо выполнял исправно, но вот денег за нее от маркиза не получил. И здесь проявился «боевой» характер будущего философа. Он отправился в Париж и там, несмотря на многочисленные трудности, все же добился выплаты причитавшегося ему жалованья.

Жан Жак Руссо

Там же в Париже и зажглась философская звезда Руссо. В 1750 году Дижонская академия объявила конкурс на премию за лучшее сочинение по весьма знаменательной для того времени теме: «Принесли ли науки и искусства пользу человечеству?» Руссо написал сочинение *«О влиянии наук на нравы»* , в котором буквально камня на камне не оставил ни от науки, ни от искусства, ни, естественно, от европейской цивилизации, которую эти науки и искусства создали. И победил, тут же попав в разряд известных мыслителей Франции.

Главным объектом критики Руссо избрал проблему **искусственных потребностей.** Руссо как бы бросил взгляд на далекое прошлое человечества. Когда человек был «дикарем», он жил естественно, у него не было понятий «богатства» и «бедности», «государства» и прочих условностей, к которым его привело развитие цивилизации. Его потребности были естественны, он был свободен от ненужных для **естественной жизни потребностей.** Теперь же, когда созданы «искусственные потребности», человек, вместо того чтобы просто «быть» таким как он есть, стремится «казаться» иным, неестественным.

Причину разрушения «естественого» первобытного общества Руссо видел в появлении **частной собственности,** которая стала причиной едва ли не всех войн и преступлений в

истории человечества. Впрочем, имущественное расслоение Руссо считал лишь первой ступенью неравенства. Вторая ступень — образование **государства** — определила неравенство между властвующими и подвластными. Третья ступень появляется с перерождением законной власти в **деспотию:** *«Если раньше народ был обманут государством и законами, то деспот обманывает и народ, и законы».* В последнем случае, по мнению Руссо, все люди становятся равны в своем бесправии и получают право на восстание против тирана: таково было руссоистское обоснование законности революции, разразившейся во Франции в 1789.году. Эти мысли философ изложил в трактате *«О происхождении и причинах неравенства между людьми».*

В другой значительной, работе — *«Об общественном договоре»* — Руссо выдвинул идею **«народного государства»,** которым правит «объединенный народ» и которое не предусматривает никаких законов и гарантий, ведь невозможно, считал Руссо, чтобы «тело желало вредить всем своим членам». В таком государстве правят сложные взаимоотношения между «общей **волей»** (воля народа как целого) и **«волей всех»** (совокупность индивидуальных воль).

В конце жизни Руссо тяжело заболел, у него была мания преследования. Он умер в 1778 г. в Лондоне.

НЕМЕЦКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Немецкая классическая философия — особое явление в истории европейской мысли. По масштабности и глубине затронутых в ней проблем ее можно сравнить только с греческой классической философией. Пять философов: **Кант, Гердер, Фихте, Шеллинг** и **Гегель** сделали попытку создать всеобъемлющие философские системы, охватывающие проблемы Бога и человека, познания, соотношения материального и идеального, добра и зла, а также эстетические теории и гипотезы об историческом развитии всего человечества. Они как бы подводили итог тем теориям и предположениям, которые выработало Новое время.

Первым выступил **Иммануил Кант,** затронувший в своей знаменитой *«Критике чистого разума»* проблему **границ** человеческого **познания.** Кант считал, что достоверному, научному человеческому познанию подвластна лишь ограниченная область реальности, в которую не входят, например, **Бог, душа** и **мир** в его целокупности. И все же, полагал философ, в человеке всегда живет важнейшее стремление к ощущению высших сущностей бытия — **Бога,** свободной воли, бессмертной души. Это стремление Кант назвал **категорическим императивом,** который проявляет себя в конкретной практической жизни индивидуума.

Своего рода переходными — от Канта к Гегелю — можно назвать философские системы **Иоганна Готлиба Фихте (1762—1814)** и **Фридриха Вильгельма Йозефа Шеллинга** (1775—1854).

Когда Фихте в 1791 г. опубликовал анонимно свой трактат «Опыт практики всякого откровения», то читатели сочли, что автором такой блестящей работы не может быть никто другой, как сам великий Кант. В результате Канту пришлось вмешаться и восстановить справедливость — Фихте в одночасье стал знаменитостью.

Основной вопрос, который задавал себе Фихте — может ли все-таки человеческий разум проникнуть в тайну бытия или нет? Для того чтобы разобраться в этом, Фихте условно разделил человеческое сознание на три «Я». Первые два из них — **«чистое Я»** и **«эмпирическое Я»** — он отнес к области мышления, а третье — **«инстинктивное Я»** — к биологической природе человека.

Иоганн Готлиб Фихте

«Чистое Я» в своем познании оперирует абстрактными идеями, оно само создает свои ощущения и

представления о мире, который выступает по отношению к нему, как нечто другое — «не-Я». Обычно же человек использует для понимания мира свое «эмпирическое Я», то есть так называемый жизненный опыт, который дает ему лишь поверхностные представления о мире, не раскрывая тайны «вещей в себе» (по терминологии Канта).

Для того чтобы преодолеть ограниченность эмпирического познания, человеку, считал Фихте, необходимо как бы подняться над самим собой. Ему нужно суметь перевести данные о мире, полученные через «эмпирическое Я», в область своего «чистого Я», то есть перевести их в разряд абстрактных идей о внешнем мире, идей о «не-Я». И вот тогда-то, вглядываясь мысленно в это «не-Я», как в зеркало, человек получает возможность постичь тайну «не-Я», «вещи в себе». А через это постичь и тайну себя самого, своего «Я». *«Я» полагается как определенное через «не-Я»,* — таков главный принцип теории **наукоучения** Фихте, которую он дополнил теорией **практического наукоучения.**

В ней Фихте как раз и задействовал понятие «инстинктивного Я». К сожалению, человек в своих взвимоотношениях с миром далеко не бескорыстен — его биологические инстинкты постоянно провоцируют его к присвоению. Человек пытается присвоить себе право управлять другими людьми, **природой,** вещами и предметами, они же, в свою очередь, оказывают ему сопротивление. В резуль-

тате «истинное Я» воспринимает мир не в его целокупности, а как расколовшийся и агрессивный — это вызывает ощущения ограниченности и страха, передающиеся и «чистому Я». Задача «чистого Я» — преодолеть, через самосознание, все эти страхи, преодолеть свое «инстинктивное Я»:

Фридрих Вильгельм Йозеф Шеллинг

«Не в моей власти, чтобы я чувствовал или не чувствовал определенное побуждение. В моей власти, однако, удовлетворяю я его или нет».

Основной пафос философии Фихте — снять ограничения (а значит и несвободу), налагаемые на мыслящее сознание человека влечениями его «инстинктивного Я», инстинктами. **Человеческий разум,** сделал вывод философ, способен подняться над миром явлений в мир идей, и благодаря этому человек может стать «сам себе целью», может **«определять себя сам** и не позволять определять себя ничем внешним».

Другой мыслитель, **Шеллинг,** попытался разрешить проблему взаимодействия конечной материальной природы и бесконечного духа. Природа, считал Шеллинг, не замыкается только в себе самой — она стремится к одухотворению, в результате которого появ-

ляется **мировая душа.** Однако одухотворяется **природа** не сама по себе, а через человека, который связан с ней посредством мировой души.

Человек осмысляет природу и одухотворяет ее через **творчество,** вершиной которого, по мысли Шеллинга, является **художественное творчество. В** его основе лежат оба начала — сознающее (дух) и не-сознающее (природа). *Продукт художественного творчества конечен, но имеет бесконечный смысл.* В лучших произведениях человеческого искусства, считал Шеллинг, содержится тот же шифр, что и в лучших произведениях космического творчества, то есть природы. *Поэтому искусство является вечным и единственным откровением.* Шеллинг предсказывал, что в будущем и наука сольется с художественным творчеством, взойдет к истокам поэзии и создаст новую мифологию.

Венцом развития Немецкой Классической философии стало творчество **Гегеля,** связавшего человеческое мышление и человеческую историю с природой **«мирового духа»,** управляющего мирозданием и человечеством.

КЕНИГСБЕРСКИЙ ЗАТВОРНИК

Основатель философской системы **трансцендентализма Иммануил Кант** (1724—**1804** гг.) родился 22 апреля 1724 года в городе

Кенигсберге. Его отец был выходцем из Латвии, мать — уроженкой Пруссии. Они жили на окраине города, в окружении мелких торговцев и ремесленников. В семье, где кроме Иммануила было еще пятеро детей, царили уважение к труду, честности и порядку.

Иммануил Кант

В 8 лет Канта отдали учиться в привилегированную государственную академию — Коллегию Фридриха, готовившую будущих священников. Здесь Кант в течение восьми лет изучал латынь, богословие, древнегреческий и древнееврейский, французский и польский языки, а также математику и музыку. Будущий великий реформатор европейской философии был весьма тщедушным ребенком: «Как телесно слабый мальчик с хрупкой конституцией тела, с плоской впалой грудью и несколько сутуловатой фигурой, Кант вынужден был обретать себе доверие и силу для самореализации большим усилием воли. Он должен был бороться прежде всего с двумя препятствиями, которые были связаны с его телесной конституцией. Это были несмелость и забывчивость, два недостатка, которых

было достаточно для того, чтобы талант мальчика оставался скрытым сравнительно длительное время. В определенной мере Кант так и не избавился от врожденной несмелости, которая еще больше усилилась от его скромности».

Родители хотели, чтобы Кант стал священником, но их сын, увлекшийся античной поэзией и филологией, выбрал другой путь.

В 1740 г. он поступил в Кенигсбергский университет. Интерес к философии и физике все более и более увлекал Канта. С его первой философско-физической работой *«Мысли об истиной оценке живых сил»* произошел некоторый казус. В течение трех лет, с 1743 по 1746 год он пытался разрешить проблему **кинетической энергии.** Кант не знал, что французский математик Даламбер уже в **1743** году вывел универсальную формулу для расчета энергии. После выхода книги Кант послал ее математику **Леонарду Эйлеру,** но ответа так и не получил — задача уже была решена другим.

Это ни в коей мере не остановило стремления Канта к познанию. Закончив университет, он отправился путешествовать по Восточной Пруссии. Молодой ученый был чрезвычайно беден, и ему, для того чтобы прожить, приходилось наниматься домашним учителем в богатых и знатных семействах.

В 1754 г. Кант публикует второе свое сочинение *«Всеобщая естественная теория и история неба»*. Речь в ней шла фактически

о гипотезе строения солнечной системы, позже получившей название **теории Канта—Лапласа.** Эта работа могла принести Канту мировую известность, но его опять преследуют досадные неудачи: издатель книги обанкротился, и весь тираж остался на складе.

В этой книге уже в достаточной степени проявилась суть философской позиции Канта. Он сумел показать, как из хаоса материальных частиц **(атомов)** могла образоваться солнечная система, да и все мироздание. Таким образом, Кант пришел к выводу, что **Бог** не является творцом **Вселенной,** но является творцом первоначальной материи, из которой вселенная состоит. Дальнейшее же ее развитие проходит под воздействием **механических причин.** *Дайте мне материю, и я построю из нее мир* — такова кантовская «формула мироздания».

В 1758 г. Россия победила в войне с Пруссией, и Кенигсберг отошел к Российской империи. 24 января 1758 г. Кант, как и все жители города, присягнул на верность русской императрице Елизавете Петровне и стал российским подданным. Правда, в жизни Канта это мало что изменило. Он по-прежнему оставался приват-доцентом университета и его лекции пользовались огромной популярностью, что обеспечивало ему хороший доход (приват-доценты не получали официального жалованья, а взимали плату за посещение лекций со слушателей). Писал он только по-не-

мецки и по-латыни. Он даже читал лекции для русских офицеров, среди которых мог быть **и** А. В. Суворов, будущий знаменитый полководец, который в то время в чине полковника находился в Кенигсберге.

Известность Канту принес трактат *«Единственное возможное основание для доказательства* ***бытия Бога»,*** опубликованный в 1762 г. Кант утверждал, что ни на основе собственного, ни на основе чужого опыта мы не можем доказать существование Бога. Следовательно, остается положиться на разум, т.е. систему рассуждений, из которых следует, что с необходимостью есть некое высшее и абсолютное существо — Бог. В книге Кант затронул и вопрос связи религии и морали. **Мораль** *есть кодекс правил реального поведения,* поэтому она существует и очень важна, независимо от того, основана она на религиозных чувствах или нет. Основываясь на этом, Кант сформулировал **основной закон человеческого поведения:** *поступай в соответствии со своей моральной природой.*

В 1770 г. указом короля Кант был назначен на должность профессора логики **и** метафизики Кенигсбергского университета. Почти одновременно с этим Кант защитил докторскую диссертацию «О форме и принципах чувственно воспринимаемого и интеллигибельного мира». С точки зрения человеческого познания, считал Кант, мир разделен надвое: мир чувственно воспринимаемых вещей **(мир** фе-

номенов) и мир, постигаемый нашим разумом, или **(мир ноуменов,** или **«вещей в** себе»). Умом мы постигаем то, чего не обнаруживают наши чувства. Какой же из этих миров доступен научному познанию?

В течение десяти лет Кант не публиковал никаких работ и вот, наконец, в 1781 году была издана знаменитая книга *«Критика чистого разума»,* которая, по его замыслу, должна была дать «ключ к тайне всей **метафизики».** Первая и главная наша ошибка, считал Кант, заключается в том, что мы требуем от нашего **рассудка** с его логическими способностями, понимания тех вещей, которые он просто не способен осмыслить, например души и мироздания. Каковы же способности «чистого разума»?

Чтобы ответить на этот вопрос, Кант ввел понятие **«априорного»** (т.е. до-опытного) **знания.** Наш рассудок мыслит определенными априорными формами, в рамках которых он только и способен формулировать знание о вещах, явленных человеку в процессе опытного чувственного познания. Эти априорные формы мышления Кант назвал «категориями чистого разума»: **категории количества, качества, возможности, необходимости и существования, причинности.** Область познания «чистого разума», область науки ограничена теми вещами, которые поддаются описанию этими категориями, а так же категориями **времени** и **пространства,** то есть — миром феноменов.

Метафизические идеи, **ноумены,** или **«вещи в себе»** в эту область не входят. Кант назвал их **трансцендентными** (то есть — запредельными) вещами или идеями. Такие идеи как, например, **Бог, душа, целостный мир** могут быть нами помыслены, но мы не можем доказать их существование. Саму же возможность разума мыслить, в том числе мыслить трансцендентные вещи, философ называл **трансцендентальной способностью,** или **апперцепцией.** Отсюда и отношение Канта к **истине** — *всеобщий признак истины не может быть дан.* Абсолютную истину познать невозможно, можно познать лишь относительную истину, главным критерием которой у Канта выступает «непротиворечивость суждений».

Трансцендентные идеи непознаваемы априорно и, тем не менее, считал Кант, необходимы человеку в его практической жизни. В жизни всегда заострены вопросы морали и нравственности, вопросы **этики** конкретного поступка.

Им и была посвящена вторая «критика» Канта — *«Критика практического разума».* Прежде всего Кант пытается разрешить **проблему свободы** человека, без которой невозможно само понятие нравственного поступка. Человек, как «вещь в себе», имеет свободную волю. Но безоглядное следование своим желаниям — не свобода, а произвол. Только тот человек по-настоящему свободен, который может усилием разума ограничивать свою волю, направлять ее в русло морального дол-

га — такую свободу **Кант** назвал **онтологической,** ибо она происходит из самого основания человеческой природы.

Важнейшая часть «Критики практического разума» посвящена формулировке **нравственного закона,** или **категорического императива.** *Поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой* — самая известная из его формул.

Кант прожил долгую жизнь — он умер в возрасте 80-ти лет 12 февраля 1804 г. — которая не изобиловала интересными происшествиями. Это была напряженная внутренняя жизнь гениального ума, чьей биографией является его философия, в качестве итога которой можно привести знаменитые слова самого Канта: *«Звездное небо надо мной и моральный закон во мне».*

ЧЕЛОВЕК КАК ЦАРЬ ПРИРОДЫ

Жизнь **Иоганна Готфрида Гердера (1**744—**1803** гг.), как и жизнь практически всех немецких философов рубежа XVIII—XIX веков, не слишком полна приключениями и острыми событиями. Выходец из маленького восточнопрусского городка Морунген, он в 1762 г. поступил на богословский факультет Кенигсбергского университета, где в то время читал лекции Иммануил Кант. Гердер прослушал все его основные курсы: метафизику, логику,

Иоганн Готфрид Гердер

математику **и** физическую географию. Он оставил нам запись своих впечатлений от занятий великого философа: «Его открытое, как бы созданное для мышления чело носило отпечаток веселости, из его уст текла приятная речь, отличавшаяся богатством мыслей. Шутка, остроумие и юмор были средствами, которыми он всегда охотно пользовался, оставаясь серьезным в момент общего веселья. Его публичные лекции носили характер приятной беседы».

В 1764 г. Гердер покинул Кенигсберг и уехал в Ригу, где стал протестантским священником, одновременно занимаясь преподаванием в церковной школе. Преподавательская деятельность Гердера была столь успешной, что через три года его даже пригласили в Петербург, но он остался в Риге, где, кстати, зарекомендовал себя, по выражению его биографа, «горячим русским патриотом».

В эти годы формировались основные философские взгляды Гердера, все более склонявшегося в сторону **пантеизма** (представление о том, что Бог растворен в природе) и материализма. Вскоре он покинул Ригу и отправил-

ся **в** Париж, где познакомился **с** известными философами Просвещения — **Монтескье,** Даламбером, **Дидро.** Внутренние противоречия раздирали его — протестантский пастор призывал к тому, чтобы искусство вытеснило церковь из сферы воспитания. **В 1770** г. Гердер вернулся в Германию и здесь состоялось его знакомство с Гёте, затем перешедшее в многолетнюю дружбу. Совместно с Гёте он выпустил сборник статей «О немецком характере и искусстве», где опубликовал свои исследования о Шекспире и о фольклоре. В 1776 г. Гердер вновь переезжает — на сей раз в Веймар, где занимает высокий духовный пост в протестантской церкви. В Веймаре он в 1784—1791 гг. публикует по частям свой главный философский труд *«Идеи к философии истории человечества».*

В основе философии Гердера лежит его представление о плавном переходе нематериальной **(духовной)** природы в **материальную:** **«Я** еще не. знаю, что такое материальное **и** нематериальное, но я убежден, что между ними нет железной преграды». Даже человеческое сознание, полагал Гердер, есть нечто возникшее в ходе развития живого материального мира. *Природа находится в состоянии непрерывного развития от* ***низших ступеней*** *к* ***высшим.*** И животный мир проходил через стадии развития от низшего к высшему, пока наконец не появилось «центральное существо среди земных животных» — **человек.**

Человеческое предназначение Гердер видел *в великом даре разума и свободы.* «Человек — первый вольноотпущенник творения; он ходит выпрямившись. В нем весы, на них взвешивает он добро и зло, истину и ложь; он может искать, он может выбирать», — такой философский гимн человеку создает Гердер. *Человек — царь,* он может быть плохим и хорошим. Но если подразумевать под «человеком» некоего **«общего человека»,** усредненного представителя всего человечества, то, полагал Гердер, чем дальше, тем все более человек изменяется к лучшему, меняя к лучшему и весь мир — *человеческая история движется по пути* **прогресса.**

Гердер, как он считал, обнаружил ту силу, которая одновременно является неотъемлемым качеством человека и мира вообще. Гердер обозначил ее термином **человечность,** или **гуманность.** Гуманность проявляется во всем — в человеческой способности любить, производить потомство, даже в строении тела. Человеку неотъемлемо присущи чувства правды и справедливости, благоприличия.

Не только в человеческом общественно и в природе, считал Гердер, все движимо гуманностью, все стремится к прогрессу. Одни народы приходят на смену другим, как бы становясь на их плечи, поднимаясь на ступеньку выше. Так древние греки поднялись на плечах египтян, а затем сами подставили плечи римлянам.

Что же передается и что развивается прежде всего? **Культура,** отвечает Гердер, которая включает в себя **язык** как инструмент разума и связующее звено между людьми, **науку** и **искусство,** а также **общественные институты.** Огромное влияние на формирование национальных культур, по мнению Гердера, оказывает климат.

Книга оказала огромное влияние на последующее развитие философии, литературы, искусства и даже науки и техники. Ибо многих людей на долгие годы и даже столетия захватила главная идея, высказанная в книге, — идея прогресса человечества, идея исторического поступательного развития и совершенствования гуманности.

РАЗУМНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И РЕАЛЬНАЯ РАЗУМНОСТЬ

Об этом великом немецком мыслителе, завершившем своей системой развитие немецкой классической философии, другой великий мыслитель, **Владимир Соловьев,** написал, что он «может быть назван философом по преимуществу, ибо изо всех философов только для него одного философия была всё».

Георг Фридрих Вильгельм Гегель (1770—1831 гг.) родился в немецком городе Штутгарте 27 августа **1770 г. В 1788** г. он поступил в Тюбингенский университет, где изучал теологию и философию. Когда в 1793 г. он

Гегель

получил диплом кандидата богословия, в котором характеризовался как молодой человек с хорошими способностями, но не отличающийся ни прилежанием, ни сведениями, весьма неискусный в слове и которого можно назвать идиотом в философии.

В течение семи лет после окончания университета Гегель был домашним учителем. В эти же годы он написал книгу *«Жизнь Иисуса»,* в которой всячески избегал упоминания о чудесах как научно не доказанных фактах. В 1801 г. он переехал в Йену, где подружился с **Шеллингом** и стал вместе с ним издавать «Критический журнал философии». Одновременно Гегель написал диссертационную работу, в которой попытался опровергнуть мнение великого астронома **Кеплера** о том, что между Марсом и Юпитером должно находиться какое-то планетарное тело. Получился конфуз, так как в том же году итальянский астроном Пьяцци открыл первый астероид — Цереру — примерно в том месте, где и предсказывал Кеплер.

После того как Шеллинг уехал из Йены, Гегель стал читать курс лекций по философии в Йенском университете. Уже тогда у него

вполне сформировалась концепция его знаменитой системы *«мирового духа».* А в 1807 г. Гегель переехал в Бамберг (Бавария) и издал там главный свой труд *«Феноменология духа»,* в котором изложил философскую систему, известную как **объективный идеализм.**

В этой работе Гегель разработал обоснование возможности **познания** человеком мира. Философ исходил из того, что в основе мира присутствует некая идеальная субстанция, которая явлена (объективирована) в мире через вещи (объекты). Эту субстанцию Гегель назвал **духом.** Дух одновременно и прост и сложен, самодостаточен и в то же время стремится к самопознанию, отделен от мира и в то же время связан с ним, движет миром, познавая в этом движении себя самого.

Характер человеческого мышления, считал Гегель, является родственным духу как абсолютному началу реальности — ив этом, по его мнению, заключается возможность человеческого познания мира. Человек, считал Гегель, познает не сам — через мышление человека дух познает себя. Познавая вещи в мире, мы проникаем прежде всего в их духовную основу, которая проявляется в понятиях или «определениях мысли».

Схема **самопознания** духа такова: дух в своем стремлении к самопознанию движется, создавая определенные формы реальности (вся **природа** — это форма отражения духа), которые познаются человеческим **сознанием.**

Полученное знание выражается в **понятиях,** которые и есть знание духа о себе, то есть — **истина.** Гегель считал, что сама **история философии** как история философских понятий есть история различных, следующих друг за другом стадий самопознания духа. Именно поэтому, полагал философ, тому, кто хочет встать на путь научного философского познания, необходимо изучить все предшествовавшие философские системы.

В гегелевской философии центральное место отводится **объективному понятию,** которое считается наиболее истинным определением **абсолюта — духа.** Понятия, которые формулирует в ходе познания человек, являются лишь подобиями объективного понятия — чем ближе они к нему, тем истиннее человеческое знание. Гегель разработал особый логический метод «доведения» понятий до объективного уровня — **гегелевскую диалектику.** Какое бы понятие **(тезис)** о мире мы бы ни составили в процессе познания, для него всегда найдется противоположное утверждение **(антитезис).** Поэтому, для получения более объективного знания, необходимо путем размышления сопрячь нужные стороны тезиса и антитезиса — и получить из них синтез. Главным критерием правильности произведенного синтеза Гегель полагал его разумность — чем более разумно понятие, тем точнее оно выражает истину действительности: *истина есть разумная реальность и реальная разумность.*

Теория самопознающего духа, или абсолюта, стала основой и для гегелевской философии истории. Гегель считал, что *история есть развитие духа во времени.* Развитие духа — это его самопознание, то есть познание своей сущности, а *сущность духа есть... свобода:* «Свобода является сама в себе целью, которая реализуется и является единственной целью духа. Мировая история была направлена к этой окончательной цели, которой на протяжении многих веков приносятся жертвы на алтаре мира». Поэтому история, по Гегелю, есть «прогресс в осознании свободы». Он различал три этапа мировой истории. Древние восточные народы знали, что свободным является лишь один-единственный человек (царь, деспот), греки и римляне думали, что свободной является определенная группа людей (аристократия, свободный демос), и лишь «германские народы», как полагал Гегель, полностью осознали, что все люди свободны.

В философии **истории** Гегель ввел два понятия: **дух эпохи** и **дух народа. В** своем продвижении к осознанию свободы дух создает в разные эпохи разные **исторические формы** организации жизни человеческого сознания, проявляющиеся в социальном, экономическом, политическом и научном аспектах жизни общества и государства. Это и есть дух эпохи. В каждой такой форме дух постепенно осознает себя, а когда возможности осознания исчерпываются для данной формы, то она «исторически завершается» —

образуется новая форма. При этом дух, который сам не может «ни работать, ни воевать», позволяет действовать за себя человеку.

Людям только кажется, считал Гегель, что они преследуют свои частные интересы. На самом деле, не осознавая того, они реализуют закономерности истории, толкают ход истории вперед. Особую роль Гегель отводил великим историческим личностям, «всемирно действующим индивидам», чьи потребности, интересы и страсти ведут к свершениям эпохального значения, поворачивают ход истории. Например, Юлий Цезарь, который действовал, руководимый жаждой личной власти, на самом деле способствовал образованию Римской империи.

Дух народа — термин, обозначающий еще одно проявление исторической закономерности. Дух эпохи в каждую конкретную историческую эпоху в каждом народе реализуется в разной степени. У каждого народа свой характер. В отличие от изменчивого духа эпохи, дух данного народа, считал Гегель, не подвержен изменению.

Гегель считал, что мир движется к некой завершающей стадии своего исторического развития, которой практически уже достигли некоторые европейские народы. К своей окончательной вершине, синтезу **«объективного понятия»,** или **абсолютной истины,** должно было подойти и человеческое познание. Правда о том, что должно было быть после этого, Гегель умалчивал.

ЗАПАДНАЯ ФИЛОСОФИЯ XIX ВЕКА

Западная философия XIX века

*Почему этот мир —
наихудший из возможных?*

Рыцарь веры

Наука как предвидение и действие

Призрак бродит по Европе

Так говорил Заратустра

ЗАПАДНАЯ ФИЛОСОФИЯ XIX ВЕКА

Примерно с 30-х годов XIX века европейская философия после былого «единства» в лоне немецкой классической философии вновь начала разветвляться по разным направлениям. Основными из них были три: «философия жизни», **позитивизм** и **марксизм.**

Основные представители **«философии жизни» — Артур Шопенгауэр, Серен Кьеркегор** и **Фридрих Ницше** — прежде всего не принимали попыток немецких классических философов, особенно **Гегеля,** создать систему некоего «окончательного» объективного знания о жизни. Кьеркегор сказал как-то о Гегеле: «Ворона и сыр, выпавший изо рта в момент приступа красноречия». Не следует воспринимать эту фразу как попытку оскорбить великого немецкого философа. Вспомним лучше еще одного персонажа из процитированной Кьеркегором басни: лиса-плутовка, которая убежала с этим выпавшим из вороньего рта сыром. Да, философская система Гегеля грандиозна и блистательна, но жизнь не может застыть даже в ее красивых рамках. И если «ворона» об этом забывает, то «сыр» уносит «лисица» — жизнь убегает из любых философских клеток. Потому что «живое» — это всегда «другое», быть живым — значит сохранять возможность изменяться, быть «другим», и только «мертвое» определено раз и навсегда.

Жизнь — это возможность иного, ничем не гарантированная, никем не определенная. Но это — и тяжкий духовный труд, сопряженный с «тоской» и «отчаянием», с радостью восхождения и горечью падения. Именно этот феномен «жизни» и исследовали в своих сочинениях «философы жизни». Форма, в которой были написаны их книги, резко отличается от философских трактатов предыдущих школ — она более свободна, близка к эссе, к художественной прозе, часто прибегает к поэтическим образам и афоризмам.

Совсем в другом направлении развивалась философия **позитивистов Конта, Спенсера** и др. Эти философы ощущали себя продолжателями Декарта, Спинозы, Канта и Гегеля. Они лишь стремились исключить из философии все связанное с **теологией** и **метафизикой.** Философия и **естествознание,** по их мнению, должны превратиться в строгую науку, занимающуюся не сущностями, но явлениями и их отношениями. **Наука** должна давать строгие достоверные знания, чтобы человек мог изменять мир по пути научного и социального прогресса.

Философия XIX века во многом подготовила почву для различных философских систем XX века, в ней четко обозначился главный центр философских проблем — *человек и его* ***сознание.***

ПОЧЕМУ ЭТОТ МИР — НАИХУДШИЙ ИЗ ВОЗМОЖНЫХ?

Знаменитый, но почти не понятый при жизни **Артур Шопенгауэр** (1788 —**1860** гг.) оказал большое влияние на лучшие умы второй половины XIX века. Прочитав его книгу *«Мир как воля и представление»,* Фридрих Ницше едва не сошел с ума: настолько резко она перевернула почти все его привычные представления о жизни и философии. Шопенгауэр выступил если не родоначальником, то как минимум провозвестником новой философии — **«философии** жизни».

Артур Шопенгауэр

Родился он в городе Данциге, в семье коммерсанта. Его отец был поклонником Вольтера и недолюбливал Пруссию за то, что та намеревалась присоединить к себе свободный город Данциг. Когда в 1793 году это все же произошло, то семья, возмущенная таким событием, переехала в Гамбург, хотя и понесла из-за этого значительные убытки. В 1797 г. девятилетний Шопенгауэр на два года уехал с отцом в Париж, после чего тот с удовлетворением отметил, что мальчик почти забыл

немецкий язык. В 1803 г. родители поместили сына на учебу в пансион в Англии. Отец готовил юного Артура к поприщу коммерсанта, но после его смерти Шопенгауэр отказался от роли продолжателя семейной традиции и поступил в Геттингенский университет на медицинский факультет.

. В университете он окончательно решил заняться философией. До этого Шопенгауэр увлекался древнегреческой и древнеиндийской философиями. Его любимым мифом был **миф о Нирване,** который он воспринимал как миф о постепенном «угасании» человека. В университете Шопенгауэр увлекся философией **Канта,** бюст которого с тех пор всегда стоял в его кабинете, как и бронзовая статуэтка Будды. В 1813 г. он написал докторскую диссертацию по философии, через пять лет опубликовал книгу *«Мир как воля и представление»,* переведшую европейскую философию на новые рельсы.

В чем же состоял переворот, произведенный Шопенгауэром? Европейская философия в центр своего внимания поставила человека с его познавательными способностями, «сердцем» которых был разум. И вдруг Шопенгауэр сделал резкое заявление о том, что сущность человеческой личности составляет отнюдь не разум, но **воля** — «слепое хотение», неотделимое от человеческого существа. Для Шопенгауэра воля была центром не только человека, но и всего мира. **Мировая воля,**

выступающая как слепая **воля к жизни,** составляет, по мысли философа, содержание всего сущего, бытия. Все явления мироздания есть лишь «объективированная» воля.

Воля к жизни, считал Шопенгауэр, буквально «тащит» человека, да и весь мир, неизвестно куда и зачем, заставляет человека желать. Воля творит **мир** как **представление,** он явлен человеческому сознанию как объект человеческих желаний. Человек стремится к удовлетворению своих желаний, в противном случае он испытывает страдания. Но здесь-то, считал философ, и кроется главная «ловушка» воли. Ведь даже если человек наконец достигнет желаемого, то взамен страдания от неудовлетворенного желания, возникнет особый вид страдания от пресыщения — **скука, отчаяние.** Удовлетворенное желание приносит человеку не меньшие страдания, чем неудовлетворенное. И даже большие, ведь человек от скуки и отчаяния теряет желание жить, теряет тот смысл жизни, который, как ему казалось, существует.

Состояние «счастья», к которому так стремится большинство людей, Шопенгауэр охарактеризовал как иллюзию. Мир, считал он, создан не для счастья человека, а для страдания. В отличие от Лейбница, называвшего этот мир «лучшим из возможных», Шопенгауэр называл его *«наихудшим из возможных миров».* Оптимизм, писал он, это просто насмешка над страданиями человека.

До Шопенгауэра европейская философия почти боготворила познание и науку, считая, что они облагораживают жизнь человека, дают ему возможность понять смысл собственной жизни. Но великий **скептик** Шопенгауэр доказывал, что наука является на самом деле лишь «служанкой» воли, удовлетворяющей ее практическим интересам. Каждый индивид, считал Шопенгауэр, считает себя «всей волей к жизни» и рассматривает всех прочих людей как нечто зависящее от него. Поэтому человек может быть беспредельно эгоистичен и направлять научные достижения на службу своим эгоистическим интересам. Таким образом, Шопенгауэр уже в начале XIX века предупреждал о том, что наука может пойти не только на пользу человечеству, но и во вред ему.

Единственным положительным видом **познания** Шопенгауэр считал **незаинтересованное созерцание,** а единственным достойным для человека занятием — отвлеченное эстетическое **творчество.** Понятие «незаинтересованности» означает, что человек не ищет в том, что он делает, практической пользы. Если, например, художник рисует картину для того, чтобы ее продать, то ни о каком «незаинтересованном» творчестве не может быть и речи. Если же он рисует картину просто потому, что любит рисовать, потому что хочет иметь ее перед собой как предмет эстетического удовольствия, то есть рисует картину

ради нее же самой, то это — «чистое», или «незаинтересованное», творчество. Шопенгауэр заимствовал этот термин из **эстетики Канта.** «Незаинтересованное созерцание» художника позволяет ему понять сущность воли. В творчестве воля выступает в своем чистом виде — здесь-то и можно разглядеть те механизмы, **с** помощью которых «воля к жизни» формирует мир.

Через год после опубликования книги Шопенгауэр стал приват-доцентом философии в Берлинском университете. Ему нельзя отказать в самолюбии, переходящем даже в самонадеянность — он назначал свои лекции на те же часы, когда их читал сам Гегель. Результат не заставил себя ждать — на лекции Шопенгауэра почти никто не ходил. Поэтому вскоре он бросил преподавание, уехал во Франкфурт, где и прожил в полном одиночестве до конца своих дней. Единственным его верным другом был пудель по кличке Атма *(санскр.* «мировая душа»). Шопенгауэр вообще очень любил животных и всегда их защищал. Он одним из первых выступил против вивисекции — опытов на собаках. А вот людей одинокий философ не жаловал.

В своей последней книге «Афоризмы житейской мудрости» Шопенгауэр много внимания уделил тем возможностям, которые есть у человека, чтобы избежать страданий от скуки и неудовлетворенных желаний. Люди, полагал философ, делятся на три категории. К

самой безнадежной категории «нормальных, средних людей» он относил тех, кто «вынужден искать жизненных наслаждений вне себя: в имуществе, чине, жене и детях, друзьях, в обществе и т.п.». **Счастье** такого человека рушится, если он их теряет или в них обманывается. Положение **«среднего человека»,** писал Шопенгауэр, можно выразить формулой: *центр его тяжести — вне его.* Таких людей он также называл «филистерами».

Ко второй, менее «безнадежной», категории Шопенгауэр относил людей «если и не с выдающимися, то все же с превышающими обычную скудную дозу духовными силами». Даже если у такого человека иссякнут все «внешние» источники радости, он начнет по-дилетантски заниматься искусством или же

реальными науками, найдет в них немало наслаждения и отдохнет за ними. Здесь Шопенгауэр упоминает афоризм Сенеки: «Отдых без занятий — это смерть, погребение живого человека». У людей, относящихся ко второй категории, *центр тяжести лежит отчасти уже в них самих.*

Наконец, к третьей категории относятся люди, *центр тяжести которых лежит целиком в них самих.* Их Шопенгауэр называл **гениями.** «Только гений, — писал он, — избирает абсолютной темой своего бытия жизнь и сущность предметов и глубокое их понимание стремится выразить, в зависимости от индивидуальных свойств, в искусстве, поэзии или философии... Только для такого человека занятие собою, своими мыслями и творениями насущно необходимо, одиночество приятно, досуг является высшим благом, все же остальное не нужно, а если оно есть, то нередко становится в тягость». В подтверждение своих слов Шопенгауэр на сей раз привел афоризм Аристотеля: **«Счастье** в том, чтобы без помех упражнять свои способности, каковы бы они ни были».

Таким образом, Шопенгауэр пришел к выводу, что перестать быть марионеткой «воли к жизни» человек может, только предпочтя навязанному ему волей представлению о реальном преходящем мире мир духовный, собственный внутренний мир идеального, который «неистощим и безгрешен».

РЫЦАРЬ ВЕРЫ

Личность великого датского мыслителя **Серена** Кьеркегора (1813—1855 гг.) по-разному воспринималась разными людьми, соприкасавшимися с его творчеством. Немецкий философ, живший в XX веке, **Карл Ясперс** назвал его «одинокой елью в пустынном ландшафте», подчеркивая тем самым его одиночество, непонятость современниками. Возможно на такое представление о личности Кьеркегора наводят его книги и статьи, в которых всегда подчеркиваются противопоставленность индивида и толпы, стояние человека на краю пропасти, один на один с собой и с... Богом. Но сам философ вовсе не был замкнутым и нелюдимым, да этого и не позволила бы ему его профессия критика и журналиста, испытывавшего живой интерес к театру и литературе, блиставшего остроумием и глубиной мысли в литературных салонах, всегда изысканно одетого.

Кьеркегору была свойственна особая тонкость, чувствительность в его отношениях с миром — почти каждое столкновение с ним причиняло боль, создавало ощущение страха и отчаяния. Но не «животного» страха за жизнь или здоровье — это был особый душевный страх перед неизмеримостью ответственности за каждый свой шаг, за каждое решение. Страх часто приводит к отчаянию, к потере смысла собственной жизни, но и в

таком положении (а может быть только в таком) человек может наконец обрести себя. Необходимо только на что-то решиться. В этом и заключается суть философии Кьеркегора, которого без преувеличения можно назвать отцом экзистенциализма.

Родители Кьеркегора были чрезвычайно набожны, особенно отец, разбогатевший на торговле шерстью. Сам Серен, очень любивший родителей, вырос глубоко верующим человеком. Но еще в юности он испытал удар, разочаровавшись в отцовском благочестии. С тех пор Кьеркегор не мог отделаться от мысли, что над ним и его семьей тяготеет проклятие. Поистине, было от чего прийти в отчаяние, с которым философ и жил, и боролся всю жизнь. Из-за этого же отчаяния он порвал со своей невестой, Региной Ольсен, с которой был помолвлен в 1840 г., после того как защитил диссертацию по философии. Вернее, не порвал, а просто сбежал от нее, укрывшись на время в Берлине.

Философию Кьеркегора иногда называют трагической, но это не совсем так, точнее назвать ее рыцарской. В трактате *«Страх и трепет»* он сам ввел это понятие — человек как **рыцарь веры.** Рыцарь веры не просто верит в **Бога,** он верит, несмотря на весь абсурд жизни и самой веры. В качестве примера рыцаря веры Кьеркегор приводил библейскую притчу об **Аврааме,** который по услышанному им повелению Бога собрался принести в

жертву своего сына Исаака, но в последнее мгновение Бог отвел уже занесенную руку с ножом. Кьеркегор так оценивал поступок Авраама: «Авраам верил не в то, что будет блаженствовать в ином мире, нет, здесь, в этом мире, он будет счастлив. Бог мог вернуть заклания к жизни. Авраам верил в силу Абсурда, всякий человеческий расчет для него перестал существовать». Само понятие «абсурда» Кьеркегор скорее всего заимствовал из знаменитого принципа веры христианского философа-апологета Тертуллиана: *Верю, ибо абсурдно.* Приведя столь страшный в своей непостилшмости пример, Кьеркегор до предела заострил вопрос — как быть человеку пред ликом Бога?

В земном мире, в этой «юдоли скорби», считал Кьеркегор, человек принужден жить в царстве разума, который сковывает человеческую волю всеобщими и необходимыми истинами. Этот разум признает человеческую свободу только в выборе между добром и злом, которые сам же и определяет — это псевдосвобода. Возможность свободы, утверждал Кьеркегор, состоит не в том, чтобы мочь выбирать между добром и злом, а в том, что *человек может.* В книге «Или-или» (1842), философ писал: «Мое «или-или» обозначает главным образом не выбор между добром или злом, но акт выбора, благодаря которому выбираются или отвергаются добро и зло вместе». Иными словами «добро» и «зло» появ-

ляются не до выбора, а уже после выбора — сам акт выбора **иррационален,** абсурден, основан только на вере. Но ведь и вера абсурдна: *вера есть парадокс, состоящий в том, что отдельный человек стоит выше общего.*

Для того чтобы узнать, понять, надо выбрать, совершить поступок, сделать шаг на свой страх и риск. Для того чтобы достичь истины, следует внутренне освободиться; мысли, идеи, всё, связанное с эгоизмом, отбросить. А на это способен, считал Кьеркегор, только рыцарь веры, чей императив звучит так: *будь пред **Богом** один на один.* Рыцарь веры как бы говорит — я поступаю так, потому что так поступаю, такова моя вера. Со стороны это может показаться абсурдным, но именно в этом абсурде только и может свершиться чудо веры, горчичное зерно которой, как известно, сдвигает горы. Парадоксальность философии Кьеркегора заключается в том, что, делая решительный шаг в ожидании **чуда веры,** рыцарь веры не отрекается от земного, конечного мира, от себя конечного, ради потустороннего. Напротив, он стремится обрести именно себя, осуществить себя в этой жизни. Сам Кьеркегор признавался, что у него не хватает сил быть таким рыцарем веры: «Сам я не верю, для этого мне не хватает мужества».

А мужество, считал философ, для этого требуется немалое: «Рыцарь веры предоставлен исключительно самому себе, и в этом весь ужас его положения». Он вынужден решать

все сам, на свой страх и риск, советоваться ему не с кем: «Одни лишь низкие натуры ищут закон своих действий в другом человеке, предпосылки своих действий вне себя самих». Здесь и появляется кьеркегоровское понятие страха. «Страх, — писал он, — есть чистое переживание возможного, страх того, что может произойти нечто гораздо более ужасное, чем есть в реальности». Ведь никаких гарантий, что совершенный рыцарем веры поступок есть благо, нет и быть не может. Там, где есть свобода, нет и не может быть никаких гарантий.

Страх, утверждал философ, неотделим от человеческой жизни: того, кто погряз в грехе, страшит возможное наказание, освободившегося от греха гложет страх нового падения. Потому что на самом деле для каждого последующего шага человека нет никаких гарантий, их можно найти, только обманув самого себя. Страх парализует человеческую активность, разрушает все начинания, обнажая их иллюзорность. «Ни одному инквизитору» — утверждал Кьеркегор, — не изобрести таких мучений, как страх. Он поражает в момент наибольшей слабости, от него не укрыться ни в суете развлечений, ни в работе, ни днем, ни ночью». Поэтому бесполезно убегать от страха, нужно просто шагнуть ему навстречу, и если рыцарь веры делает этот шаг, то проясняется, что на самом деле *«Бог гонит человека беспокойством, ибо хочет быть любимым»*.

Непреодоленный страх порождает **отчаяние.** Отчаяние, определял Кьеркегор, это «вина человека, внутренне не принимающего себя самого». Ощущение неосуществленной «возможности себя», т.е. отчаяние, может превратить жизнь человека в «вечное умирание без конца». Но у отчаяния может быть и положительная сторона — с него, как считал Кьеркегор, начинается философия, которая может, наконец, побудить человека сделать решительный шаг.

НАУКА КАК ПРЕДВИДЕНИЕ И ДЕЙСТВИЕ

Огюст Конт

Французский философ **Огюст Конт** (1798—1857 гг.), родоначальник философии **позитивизма** и «отец социологии», родился в городке Монпелье в скромной католической семье. Он окончил знаменитую Политехническую школу в Париже, увлекался математикой. Именно математика, как считал сам Конт, привела его к идее «великого обновления» философии.

В 1822 г. Конт сформулировал основные положения своего знаменитого **«закона трех стадий»,** который, по его мнению, объяснял закономерности человеческой эволюции, как индивидуальной, так и коллективной. Согласно этому закону, и все человечество, и каждый отдельный человек проходят в своем **познании** три последовательных стадии: **теологическую** (когда движущей пружиной реальности признаются сверхестественные силы), метафизическую (открывающую действие абстрактных сущностей или идей) и **научную** (исследующую действие природных, материальных сил).

Низшей стадией познания Конт считал теологическую, называя ее фиктивной в том смысле, что знания, полученные в ходе такого познания, основываются лишь на вере. Стадию метафизического познания философ рассматривал как промежуточную, переходную к высшей стадии познания — позитивной науке. «Только на позитивной стадии человеческий дух, поняв невозможность достижения абсолютного знания, не вопрошает более, каковы источники и судьба Вселенной, каковы внутренние причины феноменов, а ищет и открывает, комбинируя рассуждение с наблюдением, их действующие законы, то есть неизменные связи последовательности и сходства».

Конт таким образом ограничивал круг объектов познания **«естественными законами»:** все явления позитивная философия при-

знает подчиненными только им. Например, все общие явления Вселенной, считал Конт, должны быть объясняемы, насколько это возможно, ньютоновским законом тяготения, который описывает взаимодействие физических тел друг с другом. Что же до вопроса о том, каковы причины самого явления «притяжения» и «тяжести», то Конт исключает их из области рассмотрения позитивной наукой.

Исследование естественных законов, считал Конт, должно прежде всего помочь позитивной науке обрести одно необходимое качество — способность «предвидения». Наука должна научиться предсказывать последствия тех или иных действий, имеющих место быть в природе. Это позволит человеку целенаправленно воздействовать на природу в целях улучшения условий существования. *«Наука,* — писал Конт, — *там, где есть предвидение; предвидение там, где есть действие»*. Единственное, чего опасался Конт, это грядущее усиление специализации ученых в разных областях науки. Поэтому он настаивал на том, чтобы специализации ученого всегда предшествовало его ознакомление со всем «полем науки», а также подчеркивал необходимость разработки единого понятийного аппарата для всех специализаций. Идеи Конта нашли горячих сторонников в среде научной интеллигенции XIX века, особенно в России. Правда, уже во второй половине века с убедительной критикой теории Конта выступил русский философ **Владимир Соловьев.**

ПРИЗРАК БРОДИТ ПО ЕВРОПЕ

Мысли этого человека оказали огромное влияние на умы людей второй половины XIX века и Л.Х. века. На основе выработанных им идеологических и социально-экономических установок в Европе возникло широкое социал-демократическое движение, российские представители которого — большевики — совершили в октябре **1917** г. социалистическую революцию в России и намеревались построить сначала социалистическое, а затем и коммунистическое общество. Вплоть до середины 80-х годов XX века в СССР философия **Карла Маркса** вкупе с работами его друга **Фридриха Энгельса** и политико-идеологическим наследием их последователя **Владимира Ленина** признавалась «единственно верным учением». На Западе Маркса характеризовали как «выходца из философских радикалов, который продолжил их рационализм и неприятие романтиков». В истории философии Карл Маркс был одним из последних «великих системосоздателей», ве-

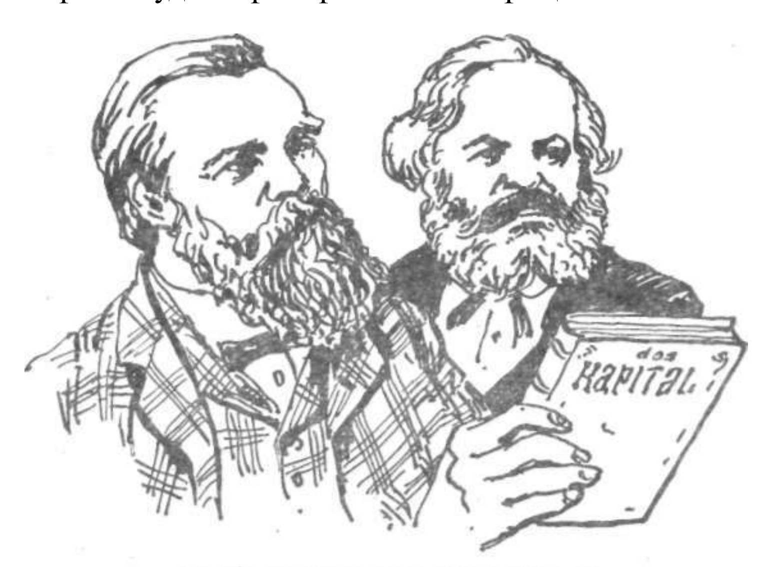
Карл Маркс

ривших в рациональную формулу, подводящую итог эволюции человечества.

Карл Маркс (1818—1883 гг.) родился в городе Трире в Германии. Его предки были раввинами, но родители перешли в христианство, когда Маркс был еще маленьким мальчиком. В университете Маркс находился под влиянием бурно распространявшегося в то время гегельянства, однако потом его так же увлекла философия **субъективного материализма Людвига Фейербаха.** После окончания университета Маркс занимался журналистикой, издавал *«Рейнскую газету»,* которая вскоре была закрыта властями. В 1843 г. он уехал во Францию изучать системы французского утопического социализма Сен-Симона и Фурье. Там он познакомился с Энгельсом. В 1848 г. он принял активное участие в революциях во Франции и Германии. И в том же году, по поручению тайного пропагандистского общества «Союз коммунистов», вместе с Энгельсом составил *«Манифест Коммунистической партии»,* в котором изложил основные принципы своей философии, **теорию классовой борьбы,** провозгласил неизбежность прихода к власти класса пролетариев и создания коммунистического общества. Начинался Манифест со знаменитой фразы: *Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма.*

В своей философии Маркс создал новую систему материализма. Старый материализм, считал он, ошибочно полагал человеческие

ощущения пассивными и таким образом приписывал активность главным образом объекту познания. По Марксу, ощущения **и** восприятия есть взаимодействие субъекта и объекта. Поэтому он считал, что «чистый объект», т.е. объект вне активности воспринимающего, является сырым материалом, который будет преобразован в процессе его по-

Фридрих Энгельс и Карл Маркс

знавания. *Познавая, человек изменяет мир и себя самого* — исходя из этого предположения Маркс сделал вывод о том, что для философии недостаточно только объяснять мир, ее истинная цель — изменить его. **Познающий субъект** и **познаваемый объект** находятся в непрерывном процессе «взаимного приспособления» — это и есть **диалектический**

процесс, положенный Марксом в основу теории **диалектического материализма.** Главный ее постулат — *бытие определяет сознание* — как раз и подразумевает взаимное приспособление субъекта и познаваемого им объекта. Диалектический процесс никогда не может завершиться полностью, его основным инструментом является **действие.** Любая теория, считал Маркс, оставляющая в стороне действие, является неверной абстракцией.

Маркс переосмыслил гегелевскую философию истории, заменив понятие «духа» как «двигателя» истории понятием «отношения человека к материи». Наиболее важная часть этого отношения — **способ производства,** который определяется характерными для каждой эпохи **средствами производства** (орудиями труда, например) и социально-экономическими отношениями между работниками и работодателями, то есть **производственными отношениями.** Способ производства определяет общественную **надстройку** — политику, религию, философию и искусство. В совокупности способ производства и надстройка составляют **социально-экономическую формацию.** Историю человечества Маркс рассматривал как историю сменяющих друг друга социально-экономических формаций. Эта доктрина получила название **исторического материализма.**

Если Гегель рассматривал в качестве носителей исторического движения нации, то

Маркс на их место поставил **классы** — «большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе производства, по их отношению к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают». По Марксу, *ход истории определяется борьбой классов,* которая в конце концов должна привести к победе класса пролетариев и установлению бесклассового общества.

В основу своих этических взглядов Маркс поставил понятие **социального прогресса.** Последствия любого деяния оценивались им не с точки зрения «добра и зла», а по их пользе или вреду для социального прогресса. **Аморализм** Маркса подверг критике русский философ Сергей **Булгаков,** охарактеризовав его этические взгляды как следование «религии человекобожия» Людвига Фейербаха.

После поражения Немецкой революции 1848 г. Маркс был выслан в Лондон, где в 1864 г. вместе с Энгельсом создал I Интернационал — международную политическую организацию социал-демократического толка, целью которой было провозглашение социалистической революции в Европе. **С 1867** г. и до самой смерти Маркс работал над главным трудом своей жизни — политэкономическим трактатом *«Капитал»*.

ТАК ГОВОРИЛ ЗАРАТУСТРА

Судьба **Фридриха Ницше** (1844—**1900** гг.), знаменитейшего философа, определившего во второй половине XIX века ход развития всей философии вплоть до наших дней, была трагической при жизни и не менее трагичной — после смерти.

Фридрих Ницше

И по сей день можно столкнуться с тем, что имя Ницше связывают с одним из самых страшных движений в истории XX века — нацизмом и фашизмом. Впрочем, по тем же основаниям в любом трагическом происшествии можно обвинить человека, в свое время предсказавшего это происшествие, да еще прокричавшего свое предупреждение на весь мир. А сам Ницше в свое время выступал против антисемитизма и новейших спекулянтов от философии.

При жизни Ницше часто не принимали всерьез как философа, после смерти — неправильно поняли и чудовищно исказили смысл того, что он пытался сказать людям, и только во второй половине XX века начали понимать,

что этот философ говорил почти век назад о серьезных и глубоких вещах, мимо которых уже невозможно пройти.

Ницше родился 15 октября 1844 года в деревне Рекен близ города Люцена в семье местного пастора, получившего свой приход от самого короля Пруссии Фридриха Вильгельма IV. Отец так и назвал мальчика в честь короля — Фридрих Вильгельм. В 6 лет Ницше пошел в школу, где чувствовал себя одиноким — одноклассники чурались его из-за его серьезности и замкнутости. Его рассудительность и пристрастие к декламации отрывков из Библии и духовных стихов вызывали насмешки. Фридриха прозвали «маленьким пастором».

Вскоре Ницше пригласили учиться в лучшей школе в Германии «Шульпфорте», но и там он не нашел общего языка с большинством учеников, поскольку их маленьким радостям предпочитал чтение древнегреческой литературы, изучение поэзии и музыки.

В 18 лет Ницше написал два своих первых философско-поэтических эссе «Рок и история», «Свобода воли и рок». В них он задал вопросы, на которые отвечала впоследствии вся его философия: в чем человек свободен, а в чем — нет, что есть история человечества и каким образом с ней связана судьба (рок) отдельного человека. «В свободе воли, — писал Ницше, — заключен для индивида принцип обособления, отделения от целого, абсо-

лютная неограниченность, но рок вновь органически связывает человека с общим развитием... Абсолютная свобода воли без рока сделала бы человека Богом, фаталистический принцип — механизмом».

Основное философское ощущение, которое испытывал Ницше, было ощущение человеческой потерянности — человек перестал ощущать живую реальную **жизнь.** Предшествующие философские теории, претендовавшие на объективное установление того, что есть добро и зло, что есть свобода и необходимость, и даже на то, что такое Бог, с одной стороны, ограничили возможности человеческого познания и самопознания, а с другой, отвлекли внимание людей от всматривания в то, что представляет собой сам **феномен жизни.** Что такое жизнь, что является главной отличительной особенностью «живого»? «Живое» сохраняет в себе возможность быть «другим». Только «мертвое» уже не изменяется, но «живое» — всегда «другое» и его невозможно раз и навсегда определить в каких бы то ни было объективно-понятийных рамках. Поэтому философию Ницше принято называть **философией жизни.**

В юности Ницше зачитывался немецкими поэтами-романтиками Гельдерлином и Новалисом, подробно изучал творчество Шекспира, Макиавелли, Пушкина, Лермонтова, Петефи и Шамиссо. Любимым его поэтом был

Байрон. Ницше всегда страстно увлекался музыкой, его кумирами были Моцарт, Гайдн, Шуберт, Бетховен и Бах. В 1863 году он даже написал статьи «О демоническом в музыке» и «О сущности музыки». В музыке Ницше видел силу, способную разбудить в человеке его дремлющую сущность, вырвать его из заскорузлости полуживого существования. Огромную роль в жизни Ницше сыграла его встреча в **1868** г. с немецким композитором Рихардом Вагнером, поразившим его своим независимым оригинальным мышлением и стремлением обновить немецкую культуру.

К этому времени Ницше уже учился на филологическом факультете Лейпцигского университета, однако не ограничивался только филологическими науками. Его продолжают интересовать философские вопросы. В руки Ницше попадает книга **Шопенгауэра** «Мир как воля и представление». По воспоминаниям самого Ницше, как-то раз он зашел в книжную лавку и взял в руки эту книгу. Словно некий демон прошептал ему: «Купи ее!» Ницше пришел домой и залпом прочел трактат философа. После прочтения он испытал глубокий душевный кризис и даже был близок к умопомешательству. Вторым философом, оказавшим столь же глубокое воздействие на Ницше, был Иммануил **Кант.**

В 1869 году Ницше, только-только окончившему университет, предложили стать про-

фессором Базельского университета. Он приезжает в Базель и отказывается от прусского гражданства, но не принимает и гражданства Швейцарии — Ницше так и остался до конца жизни человеком без подданства, космополитом. В 1870 г. он внезапно уезжает в качестве санитара на фронт недавно начавшейся франко-германской войны. Он пробыл на фронте всего неделю, после чего тяжело заболел и был демобилизован. Но и этой недели хватило философу, чтобы понять всю грязь и весь ужас войны.

В 1872 г. он публикует ключевое философско-культурологическое исследование *«Рождение трагедии из духа музыки»*. В нем Ницше дает свой новый взгляд на соотношение **дионисийского** и **аполлонического** начал в культуре, восходящей к религии бога Диониса и религии бога Аполлона в Древней Греции.

Дионисийство Ницше трактовал как своего рода воспоминание человека об изначальном единстве бытия. Это слияние духовного и телесного начал — в их стремлении к высшей гармонии. Так было до гибели Диониса, которая символизировала раздробление бытия, распавшегося на множество отдельных судеб, в результате чего возобладало рассудочное аполлоническое начало, расторгнувшее гармонию духа и тела. Для того чтобы почувствовать изначальное бытие, нужно преодолеть узкие рамки рассудочности, высвободить свои изначальные духовные силы: «Танцуя и напевая, являет себя человек как сочлен высшего сообщества: он разучился говорить и ходить, а в танце взлетает в небеса...». Необходимо, считал Ницше, преодолеть аполлоническое начало в культуре и вернуться к дионисийству.

В 1878 г. Ницше публикует новую книгу *«Человечество, слишком человеческое»* с подзаголовком «Книга для свободных умов». Эта книга стала важным шагом на пути создания теории **сверхчеловека.** Ницше критиковал то, что он назвал **слишком человеческим** в человеке — тягу к привычному, к четким границам дозволенного, к догмам, боязнь самостоятельного мышления и ответственности. Леность ума, притупленность чувств, боязнь волевого решения — все это, считал Ницше, принижает человека, делает его несвободным — «как все». Человеку, для того

чтобы быть человеком в высшем смысле этого слова, необходимо внутреннее духовное усилие, усилие ума и воли. В противном случае он становится частью «человеческого стада», «массы», опускается на уровень животного. Такие понятия, как честь, совесть, свобода, нравственность, не возникают сами по себе, для этого требуется усилие конкретного человека.

Эта тема нашла свое продолжение и в созданной в 1883—1884 гг. самой знаменитой книге Ницше *«Так говорил Заратустра»*. Поначалу, правда, эту книгу, написанную почти поэтическим языком, полную метафор, аллегорий, афоризмов и пародийных намеков на Библию, Шекспира, Лютера, Гомера, Гёте и Вагнера, почти никто не понял и не принял всерьез. Первый тираж ее составил всего 40 экземпляров. Но именно в ней Ницше наконец сформулировал понятие сверхчеловека: *«Я учу вас о сверхчеловеке. Человек есть нечто, что должно превзойти. Что сделали вы, чтобы превзойти его?»* Сверхчеловек есть человек, преодолевший в себе, через духовное усилие, «слишком человеческое».

В аллегорической форме Ницше описывает три стадии духовного превращения человека в сверхчеловека. Первая стадия — *верблюд:* «Все самое трудное берет на себя выносливый дух, подобно навьюченному верблюду, который спешит в пустыню». Затем совершается второе превращение — во *льва,*

который вступает в борьбу с «драконом», имя которому — «Ты должен»: «Завоевать себе свободу и священное "нет" даже перед долгом — для этого, братья мои, нужно стать львом». И, наконец, третья стадия —*ребенок:* «Дитя есть невинность и забвение, новое начинание, игра, самокатящееся колесо, начальное движение, святое слово утверждения».

Сверхчеловек

Философ критикует в этой книге и представление об устоявшейся добродетели — она нужна лишь для того, чтобы погрузить человека в сон, в «слишком человеческое».

Ту же функцию исполнили, по мнению Ницше, церковные догмы и правила. Человеческая религия попыталась определить, что

есть **Бог,** что есть **Добро** и тем самым человек... «убил Бога». «Бог мертв» — это не лозунг, а диагноз, поставленный Ницше человеческой культуре, религии и науке. Ницше считал, что центр духовной деятельности перемещается в человека. Раньше люди выносили его вовне, часто — в другие миры, поэтому актуальна была мечта «о другом мире», но, писал Ницше: «другой мир вполне сокрыт от человека... и недра **бытия** не говорят к человеку иначе как в лице человека». Иначе говоря, человек может соприкасаться с бытием через свою земную жизнь «здесь и сейчас».

Зимой 1885—1886 гг. Ницше написал еще одну книгу *«По ту сторону* ***добра*** *и зла»*. Он нарочито называл ее «ужасной книгой». Однако, книга эта — не проповедь аморализма и безнравственности. Напротив, Ницше пытается нащупать в ней ответ на вопрос — что же все-таки такое в действительности нравственность? «Слишком человеческая» нравственность формируется в рамках той или иной культурной системы, которая, считал Ницше, во многом отражает стремление «власть предержащих» властвовать и подчинять себе умы людей толпы.

Ницше фактически первым предостерегал от опасности наступавшей **массовой культуры** массового общества, в котором люди как пустые болванки будут наполнены **идеологическими** нормами и официозной моралью.

Таково, к сожалению, свойство «слишком человеческого». «Массовый человек» пуст — он наполняется извне определенной идеологией, которая одно называет **«добром»,** а другое — **«злом».** Только заглянув «по ту сторону» таких вот «добра и зла», заглянув в ту духовную область, в которой пребывают истинные законы **бытия** мира, человек перестает быть пустым. В нем появляется его знание, на котором он может основывать свой выбор и свои действия, — человек становится свободным.

Все эти книги Ницше писал в очень тяжелом, мучительном физическом состоянии. Болезнь мозга и нервов лишала его сна, он почти ничего не видел, изнемогал от непре-, рывной головной боли. Двадцать лет Ницше мыслил, пророчествовал, страдая мучительными припадками. Жители итальянского города Турина, где некоторое время он жил, прозвали его «маленьким святым». 25 августа **1900** г. он умер, по одной версии — на пороге своего жилища, от кровоизлияния в мозг, по другой — в своей постели, от воспаления легких.

РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ XIX ВЕКА

Русская философия XIX века
Объявленный сумасшедшим
Живое знание
Философия вечной женственности

РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ XIX ВЕКА

Если рассматривать развитие русской мысли до XIX века, то вряд ли можно обнаружить в ней наличие каких-либо систематических самостоятельных философских школ или направлений. В основном русская философская мысль высказывалась в трудах того или иного иерарха Православной церкви, то есть имела в основном богословский характер.

В XI веке **митрополит Иларион** написал книгу *«Слово о законе и благодати»,* в которой фактически противопоставил понятия **земного закона** и **Божьей благодати.** Во второй половине XII века мыслитель-книжник **Кирилл Туровский** создал теорию познания мира через аллегорическую интерпретацию святых книг: *познавай веруя* — таков был сформулированный им принцип познания.

В XVI веке псковский старец **Филофей** создал первую социально-политическую концепцию **Московского государства:** *Москва — третий Рим.* В ней он объявил Москву наследницей церковных и политических традиций Византийской империи («второго Рима»). Человеческая история подчинена строгой необходимости («провидению Божьему»), по которому, как считал Филофей, Москва назначена быть средоточием и хранительницей древних традиций изначального христианства и становится «третьим и последним Римом».

В XVIII веке, после Петровских реформ, **в** России постепенно начала зарождаться светская философия, во многом перекликавшаяся с западноевропейской философией Нового времени и эпохи Просвещения. Масон, последователь **мистической философии** Якова Беме, **Н. И. Новиков** (1744—1818), проповедовал нравственное самоусовершенствование и проявление действенной любви к ближнему. Новиков критиковал государственную и церковную жизнь в России при Екатерине II, за что был заточен в Шлиссельбургскую крепость, где сошел с ума. Другой просветитель **А. Н. Радищев** (1749—1802), помимо знаменитой книги «Путешествие из Петербурга в Москву», написал философский трактат «О человеке, его смертности и бессмертии», в котором доказывал независимость души от материальной оболочки, а также изложил свой вариант теории «переселения душ». Большой интерес представляет также философия моралиста и мистика **Григория Сковороды** (1722—1794), учившего о **внутреннем** и **внешнем** человеке.

Систематической русская философия стала лишь к 30-м годам XIX века. И практически сразу же русские философы разделились на два существенно различавшихся направления — начался известный спор **западников** и **славянофилов.** Западники считали, что России для лучшего развития необходимо включиться в систему европейских наро-

дов. Россия должна учиться у Запада, пройти через те же процессы становления и развития — сформировать свою **национальную идею,** соотнесенную с общехристианской европейской идеей, усвоить достижения философии Нового времени и эпохи Просвещения. Славянофилы же считали, что необходимо углубиться в корни русского Православия и выработать общенациональную идею на этой основе. Они были уверены, что русская жизнь развивалась и будет развиваться по своеобычному пути, отличному от европейского. Спор славянофилов и западников оказал огромное влияние на развитие русской культуры. Так или иначе он отразился во всех значительных произведениях русской литературы 2-й половины XIX века.

Русская философия XIX века достигла своей вершины в религиозной философии **Владимира Соловьева,** которую можно назвать **философией любви.** Учение Соловьева оказало огромное влияние на формирование русского искусства и литературы Серебряного века, а также на русскую философию первой половины XX века.

ОБЪЯВЛЕННЫЙ СУМАСШЕДШИМ

Первым русским профессиональным философом принято называть **Петра Яковлевича Чаадаева (1794—1856 гг.).**

Он родился 27 мая 1794 года в Москве в семье богатого помещика, полковника в отставке Якова Петровича Чаадаева, ведшего свой род от некоего Чаадая, «выехавшего из Литвы на Русь». По другим же источникам, род Чаадаевых восходил к одному из сыновей Чингисхана, хану Чагатаю. Прапрадед Петра Чаадаева, Иван Иванович, в XVII веке был известным воеводой и искусным дипломатом, а вот дед, Петр Васильевич, к концу жизни вдруг возомнил себя «персидским шахом» и был объявлен сумасшедшим. По материнской линии Чаадаев был потомком князей Щербатовых, ведших свой род от одного из русских святых, князя Михаила Черниговского. Дед Петра, академик М. М. Щербатов, был автором первой восемнадцатитомной «Истории российской с древнейших времен».

П. Я. Чаадаев

Родители Чаадаева умерли очень рано, и он воспитывался у родственников Щербатовых в Москве. Его домашними учителями были профессора Московского университета, студентом которого он стал уже в 14 лет. Там он изучил право, философские системы

Канта, Фихте и Шеллинга, историю античности, Европы и России, а также толкования Нового Завета.

По окончании университета Петр Чаадаев был зачислен подпрапорщиком в элитный гвардейский Семеновский полк в Санкт-Петербурге. Это произошло в мае 1812 года, Чаадаеву было тогда 18 лет. В 1812—1814 гг. он участвовал в Отечественной войне и в заграничных походах русской армии против Наполеона. В 1816 г. Семеновский полк был

расквартирован в Царском Селе, и Чаадаев познакомился там с **А. С. Пушкиным** и **Н. М. Карамзиным.** Блестящий, великолепно образованный офицер, ветеран наполеоновских войн произвел на юного Пушкина такое впечатление, что он написал посвященные Чаадаеву стихи:

Он высшей волею небес
Рожден в оковах службы царской;
Он в Риме был бы Брут, в Афинах — Периклес,
А здесь он — офицер гусарской.

В 1820 г. Чаадаев был послан на конгресс Священного Союза государей в Троппау для доклада Александру I. Какой разговор состоялся между будущим философом и государем, достоверно неизвестно. По одной из самых распространенных версий Чаадаев на предложение царя стать его личным адъютантом, ответил: *«Я хотел бы служить, государь, но не прислуживать»*. (Именно эту фразу поэт Александр Грибоедов вложил в уста главного героя своей знаменитой пьесы «Горе от ума», Чацкого.). Менее чем через год после этого Чаадаев ушел в отставку и уехал за границу. В Германии он познакомился с Шеллингом, с которым впоследствии активно переписывался.

В 1829—1831 г. Чаадаев написал свой главный философский труд — *«Философические письма»* на французском языке. Всего он создал восемь «писем», которые адресовались некой даме, пожелавшей посоветоваться с Чаадаевым о том, как устроить свою духовную жизнь. В первом письме Чаадаев дал развернутый анализ проблем исторического развития России в сравнении со всей остальной Европой.

По его мнению, Россия, в отличие от Европы, за все предшествующие столетия своего существования не имела должного исторического развития: *«Мы стоим как бы вне времени, всемирное воспитание человеческого рода на нас не распространилось»*. Под «воспитанием человеческого рода» Чаадаев подразумевал прежде всего «нравственный прогресс», который заключается в постепенном усвоении и претворении в жизнь тех нравственных идей, которые дало человечеству христианство.

В России, считал Чаадаев, по каким-то роковым обстоятельствам так и не произошло выработки своего самостоятельного **вектора внутреннего развития.** Не выработались те **национальные идеи,** которые, выступая двигателями нравственного прогресса, одновременно создавали бы крепкие связующие нити между прошлым и будущим: «Мы так удивительно шествуем по времени, что, по мере движения вперед, пережитое пропадает для нас безвозвратно». Чаадаев упрекал российское общество в том, что оно позволяет себе фактически паразитировать на «совершенно готовых идеях», выработанных другими народами в ходе их собственного исторического развития. «Лучшие идеи, — писал он, — лишенные связи и последовательности, как бесплодные заблуждения парализуются в нашем мозгу. В природе человека теряться, когда он не находит способа связаться с тем, что было до него и что будет после него».

Чаадаев резко критиковал такие черты «русского человека», как «холодность», «неуверенность», «равнодушие к добру и злу, ко всякой истине, ко всякой лжи», возникшие, по его мнению, из-за *«слепого, поверхностного, очень часто бестолкового подражания другим народам»*. «А между тем, — замечает философ, — раскинувшись между двух великих делений мира, между Востоком и Западом,... мы должны бы были сочетать в себе два великих начала духовной природы — воображение и разум». Но этого не произошло.

Столь жесткую критику российской истории Чаадаев увенчал Жутковатым пророчеством: *«Одним словом, мы жили и сейчас живем для того, чтобы преподать какой-то великий урок отдаленным потомкам...»* Что же стало причиной того, что Россия до сих пор «отторгнута от общей семьи» народов Европы? Чаадаев считал, что у истоков происшедшего лежит, во-первых, восприятие Россией **христианства** от Византии в момент раскола Вселенской церкви на Западную и Восточную ветви, и, во-вторых, татаро-монгольское иго.

Помимо философского анализа российской истории, Чаадаев высказал важную идею относительно связи христианской религии и истории. Христианство обладает двумя важными функциями: оно воздействует на **индивидуальное** и **общее сознание.** Воздействуя на общее сознание, христианство ставит зада-

чи как перед отдельными народами, так и перед человечеством в целом. Оно дает им идеи, которые определяют их историческое развитие, позволяют им идти «рука об руку». Все политические революции в Европе, по мнению Чаадаева, были прежде всего **революциями нравственными.** *Все остальные интересы — материальные, социальные, политические — подчиняются нравственным убеждениям,* развитие которых и определяет развитие европейской истории. Россия, сделал вывод Чаадаев, оказалась в своем незавидном положении потому, что «использовала воздействие христианства во всей силе лишь косвенно и с большим опозданием». Поэтому, для того чтобы войти в единую семью европейских народов, России «необходимо стремиться всеми способами оживить наши верования и наше воистину христианское побуждение».

В 1836 г. «Первое письмо» было опубликовано в журнале «Телескоп». Реакция царя Николая I последовала незамедлительно — журнал был закрыт, цензор, пропустивший эту «крамолу», уволен, а редактор журнала сослан на два года в провинцию. Самого Чаадаева объявили сумасшедшим и посадили под домашний арест. Вплоть до **1906** г. ни «Философические письма», ни другие его сочинения в России не публиковались. Только **в** 1935 г. были опубликованы второе, третье, четвертое, пятое и восьмое его письма. Письма

шестое и седьмое не публиковались вплоть до 1980-х годов из-за того, что Чаадаев в них положительно отзывался о влиянии Церкви на сознание людей, а такая точка зрения в СССР была недопустима.

Чаадаев считается основоположником так называемой **западнической философии** в России, проявившейся в страстном призыве к российскому народу присоединиться духовно к общеевропейскому историческому движению для совместного осуществления христианской идеи.

ЖИВОЕ ЗНАНИЕ

Иван Степанович Хомяков (1804—1860 гг.) был одним из самых выдающихся русских философов-славянофилов. Он родился **1** мая **1804** г. в очень богатой семье дворян-помещиков. С самого раннего возраста Хомяков был глубоко религиозен. Когда его в 7 лет впервые привезли в Петербург, то он назвал этот город языческим, а сам решил стать «мучеником за веру». Латыни его обучал французский аббат, и однажды маленький Иван, обнаружив опечатку в папской грамоте, задал ему вопрос: «Как вы можете верить в непогрешимость Папы?» В 17 лет Хомяков сбежал из дома, намереваясь добраться до Греции и участвовать в освободительной войне греков против турок, но был задержан в окрестностях Москвы.

В 18 лет Хомяков окончил физико-математический факультет Московского университета и поступил на военную службу в кавалерию, где проявил недюжинную силу воли и стоически выдерживал все трудности армейской жизни. В 1825 г. Хомяков вышел в отставку и уехал в Париж, а затем в Италию, Швейцарию и Австрию. В 1828 г. он вновь поступил в гусарский полк и принял участие в русской-турецкой войне на территории

Болгарии. Его сослуживцы рассказывали, что в бою он только поднимал свою саблю, но никогда не разил бегущих врагов.

После войны Хомяков поселился в своем поместье, где занялся философией и сельским хозяйством. Он даже получил патенты за два технических изобретения: «бесшумного» парового двигателя (который, правда, оказался

«странно скрипучим») и ружья для стрельбы по дальним целям.

Всех знавших Хомякова лично поражала его великолепная эрудиция в богословии, философии, истории и языкознании и блестящая память. Он мог поддержать философский диспут на любую тему. А однажды в споре с И. В. Киреевским сослался на одно место из книги, которую читал пятнадцать лет назад, и назвал даже страницу из этого издания.

Внешний вид Хомякова соответствовал его славянофильским устремлениям: он носил бороду и одевался в старинное русское платье.

Главным философским трудом Хомякова, работе над которым он посвятил последние двадцать лет своей жизни, была книга *«Мысли по вопросам всеобщей истории»*. Както раз **Гоголь,** мельком увидевший имя Семирамиды в рукописи, пустил слух, что труд якобы посвящен Семирамиде. С тех пор друзья Хомякова стали в шутку называть его книгу «Семирамидой».

Хомяков критически относился к тем рационально-логическим схемам познания, к которым, на его взгляд, пришла европейская философия. Он оспаривал теорию познания **Гегеля,** который считал, что логически правильно сформулированное понятие в голове человека раскрывает связи познаваемой им реальности. **Понятие,** полагал Хомяков, не может вместить в себя всю реальность — оно

слишком ограниченно для этого. Поэтому перед человеком остается проблема **познания жизненной реальности,** то есть познания мира во всей его духовной и материальной целостности.

В связи с этим Хомяков ввел понятие **живого знания,** которое приобретается человеком лишь при условии выхода за пределы самого себя. Естественно, речь идет не о физическом, а о духовном «выходе», при котором человек может почувствовать духовное, мистическое единство с природой, с другими людьми — со всем мирозданием. Эту проблему Хомяков рассматривал исключительно в русле христианской веры. Мир и человек созданы Богом, созданы **Божественной любовью,** следовательно и «выйти за себя», достичь духовного единения с миром человек может только на основе *нравственной силы искренней любви.* Даже в процессе познания вещей необходимо прежде всего помнить главный завет Христа: *Любите друг друга.* Только это, считал Хомяков, может дать возможность нашему сознанию «проникать внутрь вещей», непосредственно познавать **«вещь в себе»** в ее живом непрерывном существовании. Хомяков говорил, что *живое знание так отличается от знания отвлеченного, как действительное ощущение света зрячим отличается от знания законов света слепорожденным.* Впрочем, он не отвергал напрочь рассудочного познания: «Бесконечное богатство

данных, приобретаемых ясновидением веры, должно анализироваться рассудком».

На основе учения о живом знании Хомяков создал свою знаменитую теорию **соборности.** Человек — ограниченное существо, неспособное познать истину во всей ее полноте и бесконечности. Эта истина явлена лишь Богу, который впервые дал знать о ней человеку через воплощение **Бога Сына** в **Богочеловека** Иисуса Христа, несущего в себе «всю полноту божественной правдивости». Христос, считал Хомяков, с одной стороны, помог человеку осознать свою греховность, а с другой — дал человеку надежду на возможность его единения с Богом, который «объединяет Себя с каждым, кто Его не отвергает, кто прибегает к Его помощи и любит Его правду». Эта правда заключена Богом в «Его теле» — Церкви. Следовательно, сделал вывод Хомяков, людям, которые хотят постичь всю полноту веры и разумения, необходимо объединиться в едином духовном организме — Церкви.

Это объединение должно быть не формальным, не физическим, не социальным и, тем более, не на основе принуждения — только духовным, только на основе любви: «Б *делах веры принужденное единство есть ложь, а принужденное послушание есть смерть*». Основной принцип Церкви как живого духовного организма Хомяков полагал не в повиновении внешней, в том числе и государственной, власти, а в соборности. Под соборностью

философ подразумевал свободное духовное объединение всех членов Церкви «в деле совместного понимания ими правды и совместного отыскания пути к спасению, единство, основанное на единодушной любви к Христу и Божественной праведности». *«Христианство,* — писал Хомяков, — *есть не что иное, как свобода во Христе».*

В отличие от западника Чаадаева, славянофил Хомяков считал, что России определенно повезло в том, что она приняла христианство от Византии, ибо там, по его мнению, оно сохранилось в «чистоте и целостности» свободным от «одностороннего рационализма». Хомяков всячески превозносил смиренность русского народа, его набожность и стремление к идеалам святости, а также его общинность. Славянофилы вообще считали, что общинная жизнь Древней Руси представляла собой воплощение принципа соборности. Одновременно Хомяков выступал с резкой критикой рабства и крепостничества, а также против любого притеснения по национальному принципу. *Пусть каждая народность живет мирно и развивается самобытно,* считал Хомяков.

Философские труды Хомякова практически не издавались в России при его жизни. Ему не удалось увидеть отмену крепостного права: он умер от холеры 23 сентября 1860 года, не дожив до величайшего события в истории России всего нескольких месяцев.

ФИЛОСОФИЯ ВЕЧНОЙ ЖЕНСТВЕННОСТИ

В. С. Соловьев

16 января 1853 года в Москве в семье знаменитого русского историка Сергея Соловьева, родился мальчик, которого назвали Владимир и которому суждено было стать творцом великой **философии любви. В** истории русской философии **Владимир Сергеевич Соловьев** (1853—1900 гг.) имеет такое же значение, как **Декарт** — во французской, **Кант** — в немецкой, **Ф. Бэкон** — в английской философиях. С семи лет будущий великий философ по совету своего отца начал изучать Жития Святых и уже тогда совершал аскетические поступки — например зимой спал без одеяла.

С детства Соловьев воспринимал окружающий мир как живой, дышащий организм. Даже своему школьному ранцу он дал имя «Григорий», а карандаш называл «Андреем». Характерной чертой личности философа был глубокий мистицизм. Ему часто снились вещие сны и приходили видения. Однажды, когда десятилетний Соловьев был в церкви на богослужении, ему было видение Прекрас-

ной Дамы, которое он описал в стихотворении «Три свидания», написанном перед самой смертью:

> Пронизана лазурью золотистой,
> В руке держа цветок нездешних стран,
> Стояла ты с улыбкою лучистой,
> Кивнула мне и скрылася в туман.

В 13 лет Владимир Соловьев пережил тяжелый духовный кризис, продолжавшийся пять лет. Казалось, что вера в нем умерла, и он стал страстным последователем материалистической и нигилистической философий. Он увлекся социальными учениями о социализме и коммунизме. Но все это время он продолжал углубленно изучать философию. После прочтения Спинозы и Фейербаха он разочаровался в материализме и вернулся к религии. Затем он изучил Шопенгауэра, Шеллинга и Гегеля, после чего приступил к созданию собственной философской системы. В 1869—1873 гг. Соловьев успел окончить Московский университет по отделениям естественных наук, истории и филологии, а также в течение года учился в Московской Духовной академии.

Первым философским трудом Соловьева стала его магистерская диссертация «Кризис западной философии (против позитивистов)». В ней он критиковал европейскую позитивистскую философию за то, что она не учитывает такой важный аспект человеческого

познания, как **познание верой.** Соловьев отверг **«закон** трех стадий», сформулированный **Контом.** По этому закону человечество в своей истории прошло через преемственные стадии познания: теологическую, метафизическую, и достигло высшей стадии — позитивной науки.

Соловьев выдвинул теорию постоянного одновременного существования этих типов познания и невозможности преемственного их перехода друг в друга: «С самого начала умственного развития человечества мы находим религиозную веру, философские умозрения (метафизику) и положительные наблюдения (науку) существующими одновременно в своих различных сферах». Позитивисты, считал Соловьев, просто спутали **религию** и метафизическое мышление как особые состояния человеческого сознания с их применением для изучения «внешних естественных явлений». Такие явления действительно лучше всего изучает позитивная наука: «мир внешности изучается внешним образом, как это и следует». Религия и метафизика были и остаются важнейшими и необходимейшими областями познания. Соловьев в конце книги привел слова **Шопенгауэра:** «Сколько бы ни была продолжена плоскость, она никогда не получит кубического содержания; точно так же, какого бы совершенства ни достигла естественная наука, она по самой природе сво-

ей никогда не может заменить религиозную и философскую метафизику».

После защиты диссертации Соловьев уехал в Лондон для изучения индийской, гностической и средневековой философий. И там с ним случилось странное происшествие. Как-то раз, когда он сидел в библиотеке Британского музея, ему опять было видение Прекрасной Дамы, и внутренний голос прошептал: «В Египте будь!» Соловьев тут же поехал в Каир и оттуда, в цилиндре и пальто, направился через пустыню в Фивы. Ночь

застала его в пути. Ему повстречались кочевники-бедуины, которые сначала приняли его за черта. Но, разобравшись в чем дело и оправившись от испуга, они избили и ограбили его. Соловьев лежал один в пустыне и здесь ему было еще одно видение, которое он описал в том же стихотворении «Три свидания »:

Что есть, что было, что грядет вовеки —
Вее обнял тут один недвижный взор...
Синеют подо мной моря и реки,
И дальний лес, и выси снежных гор.
Все видел я, и все одно лишь было, —
Один лишь образ женской красоты...
Безмерное в его размер входило,
Передо мной, во мне — одна лишь ты.

Для Соловьева этот «образ женской красоты» был прообразом его философии **вечной женственности, Софии,** Божественной мудрости. **Бог** создал человека как вершину творения. Бог есть *сущее, единое, всё* — он есть **Истина.** Создав человека как Свой «образ и подобие», Бог одновременно создал его и как «другое» по отношению к Себе Самому. Но «другое» по отношению к Богу, который есть «всё», — это **«ничто»,** понимаемое Соловьевым как вечная пустота, чистая потенция, стремящаяся к воссоединению с Богом, чтобы стать «всем». Вот эта-то «вечная пустота» и выступает по отношению к Богу (как творящей, мужской сущности) в качестве пассивной женской сущности — Вечной Женственности. Совершенный Человек, человечество, стремящееся к высшему идеалу, Богу, и есть женское начало, София. Таким совершенным человеком был Иисус Христос, который воплотил в себе единство Божественного Логоса (Слова, Мысли) и Софии.

София, в мировоззрении Соловьева, выступает как идеальное духовное тело человече-

ства, «начало человечества», «идеальный, или *нормальный,* человек». «Для Бога, — писал Соловьев, — Его другое (т.е. Вселенная) имеет от века образ совершенной Женственности, но Он хочет, чтобы этот образ был не только для Него, но чтобы Он реализовался и воплотился для каждого индивидуального существа, способного с Ним соединиться». Философ считал, что все развитие человечества, весь процесс мировой истории заключается в «реализации и воплощении» Вечной Женственности «в великом разнообразии форм и степеней».

Одной из главных, основных форм «воплощения» Вечной Женственности в жизни человека Соловьев считал **любовь.** В своей работе *«Смысл любви»* (1892) он писал, что *«смысл любви есть оправдание и спасение индивидуальности через жертву эгоизма»*. Соловьев рассматривал несколько типов любви: мистическая любовь, дружба, родительская любовь, половая любовь между мужчиной и женщиной, любовь к родине и к человечеству. Соловьева интересовала именно **половая любовь** (безотносительно к деторождению), поскольку *«только эта любовь может вести к действительному и неразрывному соединению двух жизней в одну, только про нее и в слове Божьем сказано: будут два в плоть едину, т.е. станут одним реальным существом»*. Половая любовь, считал Соловьев, есть зримый, земной прообраз отношения

между Богом и Софией. Именно через такую любовь может быть осуществлено «свободное единство мужского и женского начал, сохраняющих свою формальную обособленность, но преодолевших свою существенную рознь и распадение». Мужчина и женщина в своей любви могут прийти, считал Соловьев, «к полноте идеальной личности», объединившей в себе мужское и женское начала. Любовь, не ставящая перед собой такой цели, является иллюзией, заканчивающейся «всегдашним крушением».

Соловьев создал и свое оригинальное этическое учение, выраженное в его книге *«Оправдание добра. Нравственная философия»* (1897). **Человека,** считал он, отличает от «низшей природы» прежде всего чувство **стыда.** «Стыдясь своих природных влечений и функций собственного организма, человек тем самым показывает, что он не есть только это природное материальное существо, а еще нечто другое и высшее». Человеческий стыд появился в момент первого грехопадения, и он доказывает, что человек все же остался «образом Божиим». *«Я стыжусь, следовательно существую»* — так перефразировал Соловьев знаменитое изречение Декарта.

Помимо стыда, Соловьев считал основными человеческими нравственными чувствами чувства **жалости** и **благоговения.** Способность испытывать жалость дает человеку возможность ощутить чужое страдание или потребность, а значит — возможность проявлять со-

лидарность с другими. Чувство благоговения или преклонения перед высшим, по мысли философа, «составляет у человека нравственную основу религии и религиозного порядка жизни». В результате «основные чувства стыда, жалости и благоговения исчерпывают область возможных нравственных отношений человека к тому, что ниже его, что равно ему и что выше его».

В конце жизни Соловьев написал работу ***«Идея сверхчеловека»***, в которой попытался разобраться с идеей **Ницше.** «Дурная сторона ницшеанства бросается в глаза. Презрение к слабому и больному человечеству, языческий взгляд на силу и красоту, присвоение себе заранее какого-то исключительного сверхчеловеческого значения — во-первых, себе единолично, а затем, себе коллективно, как избранному меньшинству «лучших»,... которым все позволено... — вот очевидное заблуждение ницшеанства». Но чем же все-таки ницшеанство в действительности привлекает?

Прежде всего тем, ответил Соловьев, что идея сверхчеловека открывает человеку глаза на таящиеся в нем возможности к практически безграничному духовному совершенствованию. Дело не в физическом изменении человеческого организма — *«при тех же двух глазах человек может стать пророком и сверхчеловеком, тогда как... существо, хотя бы снабженное и сотнею глаз, остается только мухой».* Идея сверхчеловека, считал Соловьев, положительна тем, что говорит о воз-

можности «сверхчеловеческого пути» духовного совершенствования человека, «которым шли и будут идти многие на благо всех», потому что в конце его «полная и решительная победа над смертью».

Мечта о **духовном развитии** есть неотъемлемое качество человека, отличающее его от животных. Иллюстрируя свои размышления, Соловьев привел такой анекдот. Как-то некий ученый-естественник стал «прививать» одному «отсталому» московскому купцу эволюционное учение Дарвина. Причем в его изложении выходило, что человек в сущности ничем не отличается от животных. Кончив объяснять, «естественник» спросил купца: «Понял?» — «Понял». — «Что ж скажешь?» — «Да что сказать? Ежели, значит, я — пес и ты, значит, пес, так у пса со псом какой же будет разговор?»

Жизнь Владимира Соловьева была нелегкой — ни своего дома, ни семьи. Кроме того у него были серьезные разногласия как с Православной, так и с Католической Церквями. Он считал, что между ними нет существенной разницы, что мистически они едины, а такие взгляды не приветствовались обеими Церквями. На несколько лет он был даже лишен права причастия у православного священника, ходили слухи, что он перешел в католичество. Все это обостряло духовные и физические страдания (у него была болезнь почек) великого русского философа. В июле **1900** года в возрасте 47 лет он скончался.

ФИЛОСОФИЯ XX ВЕКА

Философия XX века
Тайны подсознания
«Сколько видимости, столько и бытия»
Рождение и гибель цивилизаций
Между ананасами и картошкой
Провозвестник «третьего завета»
Русская интеллигенция и человекобожие
Наступит ли новое средневековье?
Мечты русских космистов
Пред лицом Бога
Человек и потаенность
Язык ищет истину
Искусство интерпретации
Власть и безумие

ФИЛОСОФИЯ XX ВЕКА

Философия XX века целиком перенесла свой центр тяжести на проблему личности, проблему человека и его сознания. XX век — век движения огромных масс людей, век мировых войн, **научно-технического прогресса,** перешедшего в научно-техническую революцию. Все это поставило проблему **«человеческой единицы»** — как ей не потеряться во всем этом, возможно ли найти смысл собственной жизни, возможно ли остаться самим собой. Кроме того, в XX веке для многих философов становится очевидным то, насколько *человеческое сознание подвержено влиянию извне.* Развитие средств массовой информации с жестокой ясностью показало, что сознание огромных масс людей можно просто запрограммировать через пропаганду, через **идеологические** внушения **и** направить их движение практически в любую сторону. Сформировался феномен так называемого **массового общества,** в котором главную роль играет **массовое сознание,** то есть подчиненность людей идеологическим схемам, социальным, культурным и научным **мифам. С** проблемой массового сознания и пытались разобраться философы XX века.

Можно сказать, что философия XX века началась с появления **психоаналитической** философии, основанной **Зигмундом Фрейдом.** Он доказал, что наше сознание не есть некая

сплошная область — оно состоит из трех ступеней: **сверхсознание, сознание** и **подсознание** (бессознательное). Вслед за Фрейдом **Карл Юнг** (1875—**1961)** создал **теорию коллективного бессознательного.** Человеческая культура, мифология и ритуалы, мораль и нравственность, организация общества — это не «выдумки» неких умных людей, а вложенная в каждого человека **структура** как бы общечеловеческого бессознательного. Юнг обнаружил особые онтологические (бытийные) мотивы человеческого поведения и творчества — **архетипы.**

Второе важное направление в западной и русской философии — **экзистенциализм** (определяющий сущность человека его жизнью), развивающееся по двум направлениям: **религиозного** экзистенциализма (Лев **Шестов,** Карл **Ясперс)** и **атеистического** экзистенциализма (Мартин **Хайдеггер,** Жан Поль **Сартр,** Альбер **Камю).**

Камю (1913—1960) в своем философском эссе *«Миф о Сизифе»* показал абсурдность человеческой жизни, возникающую из-за ее конечности (смерти). Сама человеческая жизнь, считал Камю, есть **опыт абсурда.** Что же остается человеку — отчаиваться? Нет, потому что опыт абсурда, по Камю, это и опыт свободы — «абсурдный человек» получает свободу «ума и действия», перестает оглядываться на подпорки общепринятой морали и неясные надежды (на вечную жизнь, например) —

человек становится **«человеком** бунтующим». И это есть «бунт сознания против окружающей его тьмы». Честно прояснить себе свое истинное положение, неизбежность смерти, неизбежность абсурда в жизни — мучительно. Однако потом, писал Камю, человек, подобно Сизифу, обретает силы смотреть. И неожиданно оказывается, что его судьба в его собственных руках, как камень — в руках Сизифа, и он, свободный и непокоренный, раз за разом втаскивает этот камень на гору. И пусть этот абсурд повторяется — если я вижу его и не отчаиваюсь, значит я обрел свою судьбу, свою свободу в этой судьбе, в этом абсурде. Таков **абсурдный человек** Камю.

Сартр (1905—1980) в эссе *«Экзистенциализм — это гуманизм»* развил положение о том, что экзистенциалисты рассматривают человека как особое единственное существо на Земле, *сущность которого не предшествует его существованию.* Скажем, делая стул, столяр уже знает о его предназначении, поэтому сущность стула предшествует его существованию. Но о человеке нельзя сказать ничего до того, как он начал совершать те или иные поступки, — лишь сделав что-то, человек становится чем-то, становится именно таким, а не другим. Поэтому, считал Сартр, *человек создает себя сам,* свою индивидуальную **сущность,** только в процессе жизни, существования, то есть **экзистенции.**

Логический **позитивизм** и **герменевтика** — философские направления, отстаивающие в XX веке честность многозначного **познания.** Мы не можем знать, мы можем только понимать Суть той или иной проблемы, смысл того или иного текста и толковать, интерпретировать их, постепенно достигая предельного (для себя) понимания — вот основной пафос этих направлений, представленных соответственно **Людвигом Витгенштейном** и **Карлом Гадамером.**

Прагматизм — философское направление, основу которого заложили работы американских философов **Чарльза Пирса** (1839—**1914** гг.) и **Уильяма Джеймса** (1842—**1910** гг.). Оно во многом объясняет исходные мотивы мышления самих американцев. Нельзя точно знать, истинны наши знания или нет, — можно лишь судить о том, к каким результатам приведет их применение на практике. Если результат положительный, значит исходные посылки истинны, если нет, то они ложны. Наша уверенность в правильности наших действий может быть подтверждена только одним — **результатом. Прагматический принцип** гласит: *постижение объекта — это постижение возможных практических последствий.*

Русская философия первой половины XX века в сущности пыталась решать те же проблемы, что и западная, но путь их решения

избрала другой. Осознание взаимосвязи **Божественного** и **личностного начал** в мире и человеке, познания и откровения, **любви Божественной** и **любви человеческой** — вот ее исходные мотивы.

ТАЙНЫ ПОДСОЗНАНИЯ

Зигмунд Фрейд (1856—**1939** гг.), врач, исследования которого привели к созданию теории психоанализа, произведшей настоящий переворот в развитии европейской философии XX века, родился в еврейской семье в Моравии. **В 1881** г. он получил в Вене диплом медика и какое-то время занимался анатомией мозга, а затем нервными болезнями.

Зигмунд Фрейд

В процессе врачебной практики его заинтересовала природа человеческой **истерии.** Что происходит с человеческим сознанием, почему дает сбои психическое здоровье людей? На эти вопросы он попытался ответить в первом своем труде «Исследования об истерии» (1894).

Жизнь человеческая нелегка и полна всяких событий, в том числе — весьма неприятных. Но обстоятельства часто складываются так, что человек, даже если с ним случилась какая-то беда, старается не потерять самообладания, скрыть от окружающих то, что делается у него в душе. В результате неприятные ощущения уходят куда-то внутрь человека, через некоторое время он забывает о них, из его сознания они вытесняются. Но вытесняются ли они куда-то вовне или скапливаются где-то внутри человека затем, чтобы в какой-то момент вдруг вспыхнуть, как сухое сено от искры, в результате провоцирующего события и вызвать эмоциональный взрыв, нервный срыв, истерический припадок? Да, ответил на этот вопрос Фрейд, эти забытые, вытесненные воспоминания скапливаются где-то внутри человека, но вне его сознания. Эту область венский психиатр и назвал **подсознанием**.

Всё, что откладывается в подсознании, рано или поздно проявляет себя. В лекциях, посвященных введению в новую науку о человеческом сознании — **психоанализ,** Фрейд описал различные случаи проявлений **подсознательных комплексов.** Помимо истерии, вытесненные эмоции проявляются в снах нечасто в смешном виде, в оговорках. Ученый приводил множество примеров таких «оговорок по Фрейду»: «Если одна дама с кажу-

щимся одобрением говорит другой: "Эту прелестную новую шляпу вы, вероятно, сами *обделали* [aufgepatzt]?" вместо — *отделали* [aufgeputzt], то никакая научность в мире не помешает нам услышать в этой оговорке выражение: "Эта шляпа безнадежно испорчена"».

Особое внимание Фрейд уделил **детским комплексам,** в частности **эдипову комплексу. В** раннем детстве, когда ребенок еще не ощущает обособленности своего Я, впечатления, которые он получает из мира, осознаются им автоматически, то есть без осознания самого процесса осознавания, и вытесняются в подсознание. Так образуется комплекс — своего рода «осадок», выпавший в подсознание в результате автоматического осознания того или иного воздействия. Эдипов комплекс (названный так по имени героя древнегреческого мифа об Эдипе) откладывается в подсознании младенца как впечатление от радости первого общения с матерью.

В этих же лекциях Фрейд ввел еще одно ставшее знаменитым понятие — либидо. Либидо есть изначальная фундаментальная психическая энергия сексуального влечения, которая, помимо осознания ее человеком, часто руководит многими его действиями и влияет на принятие им тех или иных решений. Помимо либидо, в человеке действуют и другие психические энергии, но либидо Фрейд считал одной из самых главных, сравнимых

лишь с инстинктом голода, требующего насыщения. Заговорив открыто о сексуальных влечениях, Фрейд сбросил покрывало ханжества и лицемерия, до того скрывавших эту важную реальность человеческого существования.

На основе разработанной им теории влечений и психоанализа Фрейд проанализировал многие проблемы человеческих обществ, культуры и религии. В частности, он дал интересную трактовку такого феномена человеческого поведения как **агрессивность** (враждебность по отношению к особям своего вида), а так же попробовал разобраться в механизме формирования третьего структурного элемента человеческого сознания — **Сверх-Я (совести).**

Человеку, считал Фрейд, свойственно стремиться к удовлетворению своих желаний, к получению удовольствий, и это порождает **в** нем посыл к агрессивности. С агрессивностью тесно связан еще один феномен. Людям свойственно образовывать общества, или так называемые «малые культурные круги», поскольку они создают возможность для выхода агрессивности вовне, направляя ее «на стоящих за пределами круга». «Всегда, — иронически заметил Фрейд, — можно соединить связями любви огромное множество; единственное, что требуется, — это наличие того, кто станет объектом агрессии». Особенно часто и легко вспыхивает вражда между «жи-

вущими по соседству и вообще близкими сообществами, например между испанцами и португальцами, северными и южными немцами, англичанами и шотландцами».

Возникновение Сверх-Я Фрейд так же связывал с агрессивностью, только направленной не вовне, а внутрь самого себя. Этому способствует т.н. «чувство вины», возникающее в результате давления на сознание человека общепринятых моральных и нравственных норм, внушенных этому человеку родителями, школой и другими общественными структурами (например пропагандой, средствами массовой информации). Часть человеческого Я перехватывает эту агрессию и начинает противопоставлять себя как Сверх-Я остальному Я, стремясь подчинить его себе. Несмотря на столь странное, на первый взгляд, негативное отношение к такому издревле почитаемому понятию, как совесть, нельзя не отдать должное прозорливости великого психоаналитика, который фактически первым вскрыл механизм воздействия на людей любых видов массовой пропаганды и первым заговорил о феномене **массового сознания.**

С массовым сознанием Зигмунду Фрейду пришлось столкнуться в конце своей жизни, когда в 30-х годах он был вынужден бежать из Австрии, охваченной нацистским психозом. В 1939 г. Фрейд умер в Париже от тяжелой болезни.

«СКОЛЬКО ВИДИМОСТИ, СТОЛЬКО И БЫТИЯ»

Основатель одного из самых интересных философских направлений — **феноменологии — Эдмунд Гуссерль (1859—1938** гг.) родился в городке Проснитце в Моравии. В юности он сначала изучал математику в Берлинском университете, а затем переехал в Вену, чтобы учиться психологии. С 1887 года он начал преподавать философию в Берлинском университете, а в **1900** г. был назначен профессором философии в Геттингене.

Основной вопрос, волновавший его, Гуссерль называл «архимедовой точкой» всей философии и всей науки вообще — каким образом я что-то могу знать о мире и о себе самом, живущем в этом мире? Как и многие философы рубежа веков, Гуссерль был обеспокоен тем, что и наука, и философия практически перестали обращаться к самой реальности и к тем процессам, которые протекают в познающем сознании человека. Между сознанием познающего человека и познаваемой им реальностью встала своего рода стена, сложенная из уже отработанных теорий, из терминов, которыми ранее были обозначены те или иные связи и причины.

Например, когда мы говорим: «Солнце восходит», то тут же в нашем сознании всплывают различные научные теории о Солнечной системе, о законе всемирного тяготения

и т.п. Но, замечает Гуссерль, эти теории и термины все же не могут объяснить того сложившегося в нашем сознании феномена, который говорит нам только одно: «солнце восходит». И это соответствующим образом влияет на нашу жизнь. Поэтому философ, считал Гуссерль, ничего не должен брать на веру, как уже кем-то познанное, а всегда должен быть готов начать познавать вроде бы уже знакомое явление с нуля, отбросив ранее сложившееся о нем знание.

В 1900—1901 гг. Гуссерль опубликовал свой двухтомный труд «Логические исследования», в котором ввел понятие **чистой феноменологии** — познавательной процедуры, основанной на исследовании человеком своего собственного сознания. Человек хочет знать истину. А что такое истина? По мнению Гуссерля, *истина есть то, что истинно само по себе,* она «тождественно» едина, воспринимают ли ее в суждениях люди или чудовища, ангелы или боги». Но дело в том, что каждый человек воспринимает разные проявления вещей.

Допустим, что кто-то украл кошелек. Если попробовать понять — почему украл? — то возникнут разные варианты ответа. Можно обратиться к социальным теориям и сказать, что виновата среда, экономические условия, воспитание и т.п. Такой ответ может удовлетворить нас, если мы хотим знать, почему люди *вообще* крадут. Но если мы хотим узнать, почему украл конкретный человек, то

этот ответ нас не удовлетворит. В нашем сознании все равно отложится «осадок»: «некто украл кошелек». Вот этот «осадок», взятый без каких-либо предшествующих теорий и объективированных причинных связей, Гуссерль назвал термином **«феномен».** Феномены создают в нашем сознании картину «чистого описания, предшествующего всем теориям». Поэтому они могут привести человека к пониманию истины происходящего.

Но каким образом этого можно достичь? Методом, названным Гуссерлем **феноменологической редукцией,** позволяющей изучать не сам объект познания (мы все равно никогда не сможем охватить его целиком), а наше «переживание» этого объекта. Феноменологическая редукция включает в себя два этапа. На первом этапе необходимо освободиться от накладывающихся на наше сознание каких-либо предшествующих суждений о воспринимаемом нами предмете, и суждений, которые касаются его пространственно-временного существования. На втором этапе необходимо описать сам феномен, то есть описать структуру того, что осталось в нашем сознании после первого этапа. Полученное таким образом знание и есть понимание истины нашего **бытия** в отношении к воспринимаемому нами явлению.

Гуссерль говорил: *«Сколько видимости, столько и бытия»,* подразумевая, что явления, воспринятые человеком через процеду-

ру феноменологической редукции, именно в этом виде бытийствуют для него и определяют его **бытие.** Если человек говорит: «Солнце село, и я иду спать», то сквозь это выражение, кроме всех астрономических, психологических и прочих теорий на нас «смотрит» структура жизни этого человека, смотрит его бытие.

Для того чтобы понять феномен, нужно его «пережить». Иными словами, чтобы «увидеть» структуру выражения «солнце село, и я иду спать», надо пережить его в своем собственном сознании, слиться с ним. Но что значит «пережить»? Это значит совершить акт осознания. Если человек, сказав, что солнце село, идет спать — это еще не значит, что он осознает этот феномен своего сознания. Он не видит его, не видит своего бытия.

В связи с этой проблемой Гуссерль разработал **теорию интенциональности.** Наше сознание всегда интенционально, то есть направлено на что-то в мире. Поэтому в нем присутствуют ноэмы — предметы сознания. Предмет сознания никогда не равен реальному предмету. Например, просто дерево и «дерево моего сознания» не равнозначны. Ноэмы выражают сущностное восприятие мира сознанием. Но само по себе восприятие ничего не даст. Для выявления истины важно совместить предмет сознания с самим актом сознания. Это можно выразить формулой: «Я сознаю, что сознаю дерево», или «Я сознаю,

что сознаю, что солнце село». Только в этом случае ноэма, или предмет сознания, превращается в феномен, то есть в сущностную истину сознания, которая отражает истину человеческого бытия.

РОЖДЕНИЕ И ГИБЕЛЬ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

1918 год — год окончания Первой мировой войны, в которой проигравшей стороной оказалась Германия. Именно в этом году вышел первый том книги» **Освальда Шпенглера** (1880—1936 гг.) *«Закат Европы»,* поразившей своих читателей пессимистическими прогнозами относительно будущего западноевропейской цивилизации. Можно сказать, что именно с этого момента и вошло в политический лексикон выражение *«загнивающий Запад»*.

Для Шпенглера история — это постоянное, вечное соперничество, борьба **ставшего** и **становящегося. В** XX веке он продолжил традицию философии жизни XIX века. *«Жизнь,* — писал Шпенглер, — *есть осуществление внутренне возможного.* В каждой душе, будь то душа народа, сословия или отдельного человека, с момента ее рождения в мире становления и судьбы вплоть до ее угасания, живет одно не знающее покоя стремление вполне себя осуществить, создать свой

мир как полную совокупность своего выражения».

. **История,** по мнению Шпенглера, есть история становления каждой отдельной **культуры,** каждой отдельной цивилизации. Понятие «человечества» Шпенглер называл «пустым словом»: *«У человечества нет никакой цели, никакой идеи, никакого плана, как нет цели* ***у*** *бабочки или орхидей».*

Культура каждого народа имеет свою душу, чем-то похожую на душу отдельного человека. Как в ребенке в какой-то момент его детства пробуждается внутренняя жизнь, когда душа его вдруг начинает осознавать саму себя, так и в народе какой-либо страны, до того представлявшем собой какую-то «бесформенную людскую массу», с загадочной стремительностью рождается вдруг великая культура. Но так же, как человек проходит стадии ребенка, взрослого, старика и рано или поздно умирает, так и *всякая культура проходит стадии зарождения, становления и смерти».* Любое становящееся рано или поздно становится ставшим, а *всё ставшее преходяще.* Через несколько столетий, считал Шпенглер, не будет западноевропейской культуры, немцев, англичан, французов. Это означает, что перестанет существовать **форма цивилизации,** «соединявшая некоторое число народов в одном общем жесте».

Что же остается от погибшей культуры? В процессе своего становления каждая культу-

ра создает свои **символы.** Символы — это и есть «ставшее» в становящейся культуре, они предметны, материальны. Но в эти предметы люди данной культуры вкладывают свои особенные значения. Когда культура умирает, предметы остаются, а вот значения исчезают. Люди другой культуры могут лишь воспринять пространственные формы умершей цивилизации, но. смыслы они в эти предметы вкладывают уже свои, в координатах своей цивилизации. «Достаточно проследить, — приводил пример Шпенглер, — судьбы античной колонны, начиная от греческого храма, где она поддерживает крышу..., далее в раннеарабской базилике, где она расчленяет пространство, наконец до построек Ренессанса, где она в качестве мотива включена в фасад, чтобы почувствовать, что означает перетолкование символа, заимствованного новой культурой у предшествующей ».

Теория Шпенглера впервые опровергла господствовавшее с начала XIX века представление об истории как линейном прогрессе человечества, идущего к некоему «идеальному обществу». Напротив, на протяжении всего существования человека, по мнению философа, разыгрывается «спектакль множества сильных цивилизаций», вырастающих из недр породивших их стран. У истории нет единой моральной цели, полагал Шпенглер: *«сколько цивилизаций, столько и моральных сие-*

тем». Мораль, философия, право имеют смысл лишь внутри данной цивилизации, за ее пределами они его теряют.

Смысл становления культуры заключается в становлении системы ценностей. Как только такая система утверждается, цель достигнута и возможности дальнейшего становления данной культуры исчерпаны — она превращается в цивилизацию, которая «коченеет» и «принимает направление к смерти, кровь сворачивается, силы убывают, наступает стадия упадка». По мнению Шпенглера, через процесс становления и умирания уже прошли такие культуры, как *египетская, индийская, вавилонская, китайская, аполлоновская* (греко-римская), *магическая* (византийско-арабская), культура *майя.* Шпенглер считал, что наступил черед умирания *фаустовской* (западноевропейской) культуры, которая достигла периода торжества своих идеалов: эгалитаризма (равенства), демократии и социализма. Дальше, считал Шпенглер, может родиться *русско-сибирская* культура. Правда, процесс умирания и процесс рождения культуры может занимать до нескольких сотен лет.

Шпенглер говорил, что *цивилизации — это организмы мира, история — их биография.* «Во всемирной истории, — писал он, — я вижу картину вечного образования и изменения, чудесного становления и умирания органических форм».

МЕЖДУ АНАНАСАМИ И КАРТОШКОЙ

В. В. Розанов

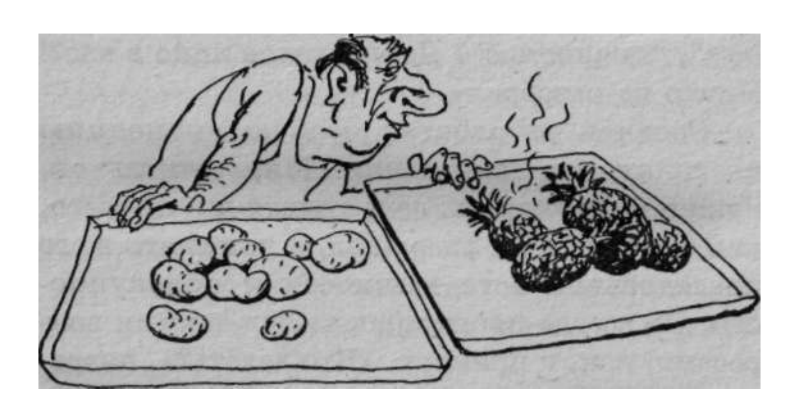
Василий Васильевич Розанов (1856—**1919** гг.) — самый оригинальный и самый противоречивый русский философ XX века. Окончив историко-филологический факультет Московского университета, он поначалу преподавал историю и географию в провинции. В университете он, как и многие студенты, подпал под влияние модного атеистического мировоззрения. Однако со временем атеизм стал претить ему: «Все рациональное, отчетливое, явное, позитивное мне стало скучно». В 35 лет в его мировоззрении наступил перелом, приведший его к вере: «*Боль жизни гораздо могущественнее интереса к жизни. Вот отчего религия всегда будет одолевать философию*».

В 1893 г. Розанов переехал в Петербург, в 1899 г. вышел в отставку в чине коллежского советника (полковника) и стал постоянным сотрудником консервативной газеты «Новое время», всецело отдавшись литературной деятельности. Его философские размышления не

носили какого-либо систематического характера, он всегда стремился увидеть жизнь и людей в обычности и повседневности их быта. Именно тогда, считал он, проявлялись вдруг совершенно неожиданные вещи, побуждавшие по-новому осмыслить вроде бы давно привычное. Многие свои книги Розанов составил из таких миниатюрных философских зарисовок: «Борьба этих двух усилий [остаться тайною или раскрыться] играет на стыдящемся и прекрасном лице девушки. Вот еще загадка: Что такое лицо? Что за странность, что тело наше имеет не только части, не одни органы, как подобало бы организму, но еще имеет нечто необыкновенное, непостижимое, крайне мало в утилитарном смысле нужное, что мы именуем в себе и даже именуем в мире "лицом", "личностью"? Да что такое лицо в нас?! Никто не разобрал».

Розанов разработал особую концепцию познания как понимания. Мир, считал он, нужно не познавать, заглядывая внутрь него, как в игрушку, и разрушая, а **понимать** в его повседневной естественности и целокупности. Он всегда иронизировал над такими вопросами, как, к примеру, «Что делать?», подразумевавшими стремление к переделке жизни: «Что делать?» — спросил нетерпеливый петербургский юноша. — Как что делать: если это лето — чистить ягоды и варить варенье; если зима — пить с этим вареньем чай».

Розанов внимательно всматривался в религиозные проблемы своей эпохи, связывая их с проблемой брака. Он критически сравнивал идеи Нового и Ветхого Заветов и критиковал **историческое христианство. По** его мнению, оно превратилось в печальную догматическую религию смерти, проповедующую безбрачие, пост, аскетизм, равнодушную к деторождению, лицемерно уходящую от проблем «телесной», половой жизни людей. Розанов стремился к религии без страха, **без** подчиненности, религии радости, **религии брака,** подразумевающей, что не брак подчиняется религиозным установлениям, а религиозные установления подчиняются интересам брака. По его мнению, таким характеристи-

кам соответствовали «религия Ветхого Завета» и античное язычество, провозглашавшие культ красоты, культ тела и деторождения.

Больше всего Розанова беспокоила «неотмирность» христианства, которая, по его мне-

нию, побуждала людей пренебрегать реалиями земного существования: *«Кто же после ананасов схватится за картофель?».* Противоречия между христианством и земным миром, считал Розанов, существенно исказили **проблему пола,** как важнейший аспект человеческого существования, одновременно и радостный, и трагический в своей запутанности.

Для Василия Розанова было важно прежде всего мышление «вне концепций», ощущающее присутствие *другого.* Розанов любил быт, любил жизнь такую «как она есть»: «Моя кухонная (приходно-расходная) книжка стоит "Писем Тургенева к Виардо". Это — *другое,* но это такая же ось мира и в сущности такая же поэзия. Сколько усилий! бережливости! страха не переступить "черты"! — и удовлетворения, когда "к 1-му числу" Сошлись концы с концами».

Умирая в 1919 г., в холоде и голоде гражданской войны, Розанов все же примирился с христианством. Исповедь его принимал о. Павел Флоренский в Троице-Сергиевой лавре,

ПРОВОЗВЕСТНИК «ТРЕТЬЕГО ЗАВЕТА»

Павла Александровича Флоренского (1882—1937 гг.) еще при его жизни называли «Леонардо да Винчи XX века» — настолько широка была эрудиция этого гениального

человека. Философия, богословие, искусствоведение, физика, математика, инженерное дело — во всех этих областях он сумел открыть что-то свое, совершенно неожиданное, захватывающее дух.

Родился Павел Флоренский 9 января 1882 г. в товарном вагоне посреди Закавказской степи — отец его получил назначение на должность начальника участка Закавказской железной дороги, а в том месте не было никаких домов, кроме нескольких товарных вагонов, приспособленных под жилье. Когда Павел учился в гимназии, им овладела, как он сам позже писал, «страсть к знанию», причем больше всего его привлекала физика. Незадолго до окончания гимназии он пережил духовный кризис — ему вдруг открылась ограниченность физического знания, наука для него перестала быть «предметом веры», перенятой от отца. Павел увлекся произведениями Льва Толстого, у него появился интерес «к простым людям с цельным мирочувствием и далее — интерес к религии».

В 1900 г. Флоренский поступил в Московский университет на физико-химический факультет, но посещал и занятия на историко-филологическом факультете. В университете он сформировал вокруг себя круг единомышленников, поставивших своей целью «произвесть синтез церковности и светской культуры,... воспринять все положительное уче-

ние Церкви и научно-философское мировоззрение вместе с искусством». По окончании университета Флоренский чуть было не постригся в монахи, но епископ Антоний Флоренсов уговорил молодого математика не делать этого, а поступить в Московскую Духовную Академию.

В 1905 году в России разразилась революция, и Флоренский произнес в академической церкви проповедь против совершающихся насилий, за что был подвергнут недельному аресту. Окончив Академию, он в 1910 г. женился и принял сан священника. С этого момента он — отец Павел.

В 1914 году Флоренский выпустил книгу *«Столп и утверждение Истины. Опыт православной Теодицеи»,* ставшую его самым знаменитым философским трудом. Он побудил многих русских философов начала XX века по иному взглянуть на загадку Высших мировых начал, вернуться к пристальному и глубокому обсуждению проблем Бога и веры. Истина, полагал Флоренский, не может быть постигнута как некая установившаяся раз и навсегда реальность. *Истина — это живая реальность.* Это то, что может быть другим, отличным от себя, предыдущего. Поэтому Флоренский утверждал, что в истине нет места рациональному закону тождества, по которому «А есть А». В любом А содержится переход к «другому», то есть к не-А: «А есть

А, что, вечно бывая не-А, в этом не-А оно находит свое утверждение как А». По мнению Флоренского, *истина есть реальная разумность и разумная реальность, конечная бесконечность и бесконечная конечность, мыслимая как цельнокупное Единство.*

Единая Истина, считал Флоренский, возможна только на Небе, а на земле всегда множество истин, осколков единой Истины, иногда внешне противоречащих друг другу. Таковы — Божественное единство и триипостасность, предопределение и свободная воля: «Только в момент благодатного озарения эти противоречия в уме устраняются, но не рассудочно, а сверхрассудочным способом».

С этим связаны и взгляды философа на проблему человеческого самопознания, которое возможно только на пути христианской любви, когда человек совершает творческий переход из своей самозамкнутости в сферу «другого», когда происходит его самораскрытие в «другом». Любовь двух людей, **онтологически** (т.е. до самых основных глубин) преображает их: «каждое Я, как в зеркале, видит в образе Божием другого Я свой образ Божий».

Идее любви противостоит стремление к самозамкнутости, выраженное тождеством «я-я». Человек, не относящий себя к «другому», остается во тьме, подвергает себя опасности «метафизического уничтожения».

Сам Флоренский испытал такое состояние на собственном опыте однажды во сне. «У меня не было образов, а были одни чисто внутренние переживания. Беспросветная тьма, почти вещественно густая, окружала меня. Какие-то силы увлекали меня на край, и я почувствовал, что это край бытия Божия, что вне его абсолютное ничто. Я хотел вскрикнуть, и не мог. Я знал, что еще одно мгновение, и я буду извергнут во тьму внешнюю. Тьма начала вливаться во все существо мое. Самосознание наполовину было утеряно, и я знал, что это — абсолютное метафизическое уничтожение. В последнем отчаянии я завопил не своим голосом: "Из глубины воззвах к Тебе, Господи. Господи, услыши глас мой!" В этих словах тогда вылилась душа. Чьи-то руки мощно схватили меня, утопающего, и отбросили куда-то далеко от бездны... Вдруг я очутился в обычной обстановке, кажется в своей комнате; из мистического небытия попал в обычное житейское бывание. Тут сразу почувствовал себя пред ликом Божиим и тогда проснулся, весь мокрый от пота».

Эгоистическое погружение в собственную самость приводит человека не к большей цельности, а, напротив, к ее разрушению. Только любовь, основой которой является прежде всего Любовь Божия, связует личность воедино. Противодействие любви со стороны **«самости»** приводит даже к психическим заболеваниям. Если «самость» победит, то, по мнению

Флоренского, может произойти «отделение души от духа» — это он называет «второй смертью». Философ считал, что именно эта проблема должна стать основной в так называемом *«Третьем Завете»,* который, по его мысли, должен будет соединить основные христианские понятия Веры, Надежды и Любви с основными понятиями античной цивилизации — Истиной, Добром и Красотой.

После большевистской революции 1917 года в философском отношении отец Павел Флоренский был обречен на немоту. Его философия неразрывно связана с понятиями Бога и Божественной любви, поэтому статьи и книги его не печатали, публичные выступления ему были запрещены. Флоренскому позволялось работать лишь в научно-технической области — он участвовал в разработке и воплощении плана Электрификации России (ГОЭЛРО), совершил ряд замечательных открытий в области физики диэлектриков.

В 1928 году он был сослан в Нижний Новгород. Потом его все-таки возвратили в Москву, но обстановка вокруг него только ухудшалась. «Был в ссылке, вернулся на каторгу», — так отозвался он о своем возвращении. В 1933 году его арестовали и осудили на 10 лет лагерей. 8 декабря 1937 года по тайному постановлению «особой тройки» НКВД Павел Алексанрович Флоренский был расстрелян.

РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ЧЕЛОВЕКОБОЖИЕ

Сергей Николаевич Булгаков (1871—1944 гг.) родился в городе Ливны Орловской губернии. Предки его во многих поколениях были священниками. Булгаков окончил духовное училище, поступил в духовную семинарию, но в 1888 г. ушел из нее, окончил гимназию в городе Ельце и поступил на юридический факультет Московского университета. Ко времени окончания университета в 1894 г. по кафедре политической экономии Булгаков был убежденным марксистом и социал-демократом. Первая его книга экономического содержания «О рынках при капиталистическом производстве» (1897) была замечена не только в России, но и в Европе. Однако позже, уже после душевного поворота, снова приведшего этого человека к вере, он напишет: «О, я был как в тисках в плену у "научности", этого вороньего пугала, поставленного для интеллигентской черни, полуобразованной толпы, для дураков!»

С 1902 по **1912** год в жизни Булгакова наступил период «идеализма», когда он стал все более критически переосмысливать марксизм, всматриваться в «темные, теневые стороны Марксова духа». Одновременно с этим в самом Булгакове, по его собственным словам, «зрела воля к вере, решимость совершить,

наконец, безумный для мудрости мира прыжок на другой берег, от марксизма и всяких следовавших за ним «измов» к... Православию». В своих философских статьях в этот период Булгаков анализировал сложный, противоречивый и трагический процесс перехода огромного числа людей от христианской **религии Богочеловека** (Иисуса Христа) к атеистической, нигилистической **религии человекобога.** Отправной философской точкой этого процесса Булгаков считал работы немецкого философа XIX века **Людвига Фейербаха,** суть которых была выражена в формуле Homo homini deus est *(человек человеку бог),* ставившей человека на место Бога.

В конечном счете, предупреждал Булгаков, человекобожие может привести к тому, что «богом для человека является глава государства», и тогда останется только «восстановить священные изображения главы государства, принесение им жертв». К концу XIX—нач. XX вв. гуманизм, пришедший когда-то на смену средневековому сознанию, разделился на два вида: **христианский гуманизм** (религия Богочеловека) и **антихристианский гуманизм** (религия человекобога). Антихристианский гуманизм «хочет ограничить духовный полет человечества ценой земного благополучия, он, как некогда [злой] дух в пустыне, предлагает обратить — и обращает чудесами техники — камни в хлебы, но при условии, чтобы ему воздано было божеское по-

клонение». Выбор между Богочеловеком и человекобогом, по мнению Булгакова, равносилен выбору между добром и злом.

Исследуя феномен человекобожия, Сергей Булгаков затронул и проблему **русской интеллигенции,** особенности которой заключаются в том, что ее характер складывался под действием двух факторов. Первый фактор, внешний: «непрерывное и беспощадное давление полицейского процесса» — это с одной стороны, закалило ее характер, но, с другой — изолировало ее от жизни, затруднило возможность «нормального духовного развития». Второй фактор, внутренний: ее «духовный склад», ее отношение к религии. Русской интеллигенции свойственны «неотмирность, эсхатологическая мечта о Граде Божьем, о грядущем царстве правды, вера в спасение человечества от страданий», свойственно «чувство виновности перед народом». И в то же время, «нет интеллигенции более атеистической, чем русская». Причем атеизм этот, по мнению Булгакова, «берется чаще всего на веру и сохраняет эти черты наивной религиозной веры, только наизнанку, и... принимает воинствующие, догматические, наукообразные формы». В результате, пришел к выводу Булгаков, «религиозный атеизм» русской интеллигенции превратился в религию человекобожия, причем со всеми чертами средневекового фанатизма: догматизмом, нетерпимостью, максимализмом, пренебрежением к естественным

нравственным нормам человеческой жизни, к проблемам духовной, внутренней жизни личности.

«Из противоречий, — писал Сергей Булгаков, — *соткана душа русской интеллигенции, как и вся русская жизнь... Нельзя ее не любить, и нельзя от нее не отталкиваться... Достоевский в "Бесах" сравнивал Россию и прежде всего ее интеллигенцию с евангельским бесноватым, который был исцелен только Христом...»*

В 1918 г. Сергей Булгаков принял священнический сан, а в **1922** г. он был выслан Советским правительством за границу. С 1925 г. он занимал кафедру догматического богословия в Парижском православном духовном институте. Умер в **1944** г. от кровоизлияния в мозг.

НАСТУПИТ ЛИ НОВОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ?

Николай Александрович Бердяев (1874—1948 гг.) родился в Киевской губернии в богатой аристократической семье, ведшей свое происхождение от древнего русского дворянского и татарского родов, от французских графов Шуазель и даже от королей Франции. Дед Бердяева был генералом, атаманом Войска Донского и в свое время не побоялся отстаивать традиционные казачьи вольности

перед лицом Николая I. Бердяев учился в Киевском университете, но не окончил его, поскольку в 1898 г. был арестован за пропаганду социалистических идей и отправлен в ссылку в Вологодскую губернию. Вскоре, однако, философские взгляды Бердяева стали все более расходиться с «ортодоксальным» марксизмом.

В 1903 г. Бердяев приехал в Санкт-Петербург, где. вместе с Сергеем Булгаковым начал издавать журнал *«Вопросы жизни»*. После революции **1905** г. он окончательно отошел от марксизма, поместив в сборнике «Вехи» статью «Философская истина и интеллигентская правда», в которой упрекал **интеллигенцию** за ее «веру» в марксизм как в «высшую правду» вместо поиска глубинных объективных истин бытия: *«Мы освободимся от внешнего гнета лишь тогда, когда освободимся от внутреннего рабства, т.е. возложим на себя ответственность и перестанем во всем винить внешние силы. Тогда народится новая душа интеллигенции».*

Философские исследования Бердяева посвящены проблемам человеческой личности и Бога, проблеме значения техники в жизни человека, а также анализу феноменов русского менталитета. В книге *«Царство духа и царство кесаря»,* написанной в последние годы жизни, он писал: «Человек стоит перед вопросом всех вопросов — вопросом о **Боге.** Вопрос этот редко ставится в чистоте и изначальности,

он слишком сросся с мертвящей схоластикой, с вербальной философией, с игрой понятиями». О Боге, считал Бердяев, нельзя мыслить рациональными понятиями, о нем «можно говорить лишь языком символики духовного опыта». В духовном смысле, говоря словами средневековых немецких миотиков *«нет Бога без человека»*, потому что Бог — *«это опыт любви, а не понятие»,* отвлеченный монотеизм есть форма идолопоклонства.

Бердяев понимал Бога как духовное воплощение человеческой мечты о возвышенном, бесконечном, бессмертном, совершенном добре и совершенной любви — в отличие от человеческой ограниченности и несовершенства. «Человек, — писал Бердяев, — не может быть самодостаточен, это означало бы, что его нет. В этом тайна человеческого существования: оно доказывает существование высшего, чем человек, и в этом достоинство человека». Без Бога для человека все становится лишенным смысла, все становится абсурдно, потому что тогда нет победы над смертью, нет вечной жизни. Поэтому человек по самой своей сути не нуждается в доказательствах существования Бога, а «показывает, свидетельствует о Нем».

Рассматривая проблему **человека** и **техники,** Бердяев отметил, что положение человека в природном мире трагично. Человек есть «духовное существо, несущее в себе образ божественного», он *устремлен* в бесконечность,

и потому смерть его есть трагедия. На протяжении своей истории человек то растворялся в природе, то пытался освободиться из-под ее власти (например путем аскезы). С желанием освободиться от природы связано и развитие техники, благодаря которой «возникает новая реальность, отличная и от природной неорганической реальности, и от природной органической реальности. Эта новая реальность есть реальность организованная». Человек имеет дело уже не с природой, сотворенной Богом, а с реальностью машины, **техники,** которых в природе нет. Бердяев назвал этот процесс *«новой ночью творения,* потому что солнечный свет может померкнуть».

Каковы же последствия технической революции? Во-первых, происходит возрастание **этатизма,** т.е. государство делается всемогущим и рассматривает человека только как свое средство и орудие. Во-вторых, происходит страшное ускорение времени, от человека требуется невероятная активность, которая делает его пассивным в духовном отношении. Все это, по мнению Бердяева, вводит человеческую цивилизацию в глубокий кризис. Господство техники делает ситуацию человека в мире абсурдной: «Мир приходит к рационализированной тьме». Есть ли выход? Бердяев видит только одно решение: «соединение социального движения с духовным движением может вывести человека из состояния раздвоенности и потерянности».

Поэтому возникает вопрос об отношении человека к обществу. Бердяев развил философскую теорию, ставшую популярной в Европе в середине XX века, — теорию **христианского персонализма.** Свобода человеку дается не обществом, она принадлежит ему как духовному существу. С другой стороны, писал Бердяев, «свободный дух общителен и не является индивидуалистически изолированным». Поэтому свободный человек может свободно общаться с другими людьми — т.е. выступает в качестве **персоны.** Дальнейший ход развития человеческой цивилизации Бердяев видел как приход эпохи *нового средневековья,* в которой должна будет оформиться «новая духовность» и «новая мистика».

С 1924 г. Бердяев жил в Париже, где и скончался 24 марта 1948 г. за своим письменным столом во время работы. В 1947 г. Кембриджский университет присвоил ему звание Почетного доктора. До него этого звания удостаивались И. С. Тургенев и П. И. Чайковский.

МЕЧТЫ РУССКИХ КОСМИСТОВ

На рубеже XIX—XX веков в России возникло оригинальное философское направление, названное **русским космизмом.** Его основоположником был **Николай Федорович Федоров** (1828—1903 гг.). Незаконный сын князя П. И. Гагарина, он окончил Лицей Ришелье

в Одессе, преподавал историю и географию в провинции, а затем стал библиотекарем Румянцевской библиотеки в Москве (ныне — Российская Государственная библиотека). О нем ходили легенды — об энциклопедичности его знаний, о его аскетизме. Однажды он серьезно поссорился с Львом Толстым, который, осмотрев книжные хранилища, заявил: «Как много люди пишут глупостей — все это следовало бы сжечь». «Я видел за свою жизнь многих глупцов, но таких, как вы, еще не видел», — ответил ему Федоров.

Федоров пытался представить себе, какими путями и к каким целям должно двигаться человечество. Главной целью идущих вперед поколений, считал он, должно стать *воскрешение всех наших предков,* потому что все их поколения отдали свои жизни для продвижения человечества по пути прогресса к счастливой жизни, и безнравственно не вернуть им их жизни, когда счастье будет достигнуто. Для этого необходимо сначала от эгоистического **зооморфического общества** перейти к **психократии,** то есть обществу, основанному на христианской любви, в котором нет ни классовых различий, ни принуждения. После этого объединенное человечество с помощью науки должно обуздать «слепые **и** смертоносные силы природы» и, превратив их в силы жизнедеятельные, управлять природой на земле и даже в пределах всей вселенной — тогда и появится, мечтал Федоров,

возможность возвратить жизнь ушедшим поколениям. Он также понимал, что в этом случае возникнет опасность перенаселения планеты, поэтому предрекал и необходимость расселения в космосе.

Владимир Иванович Вернадский (1863—**1944** гг.), продолживший направление русского космизма, был не только философом — он занимался геологией и минералогией, на которых во многом основывались его философские размышления.

В своем главном философском труде *«Научная мысль как планетное явление»* (1938) Вернадский попытался определить место человека на земле и в космосе. Он ввел понятие, означающее новую, образующуюся на наших глазах реальность Земли — **ноосферу,** охватывающую планету сферу **всечеловеческого** разума. Вернадский считал, что в современную ему эпоху происходит процесс грандиозного преобразования **биосферы** в ноосферу, явившийся результатом миллионов лет развития Земли. Биосфера меняется просто на глазах, порождая условия для повсеместного рассе-

В. И. Вернадский

ления человека не только на Земле, но и в космосе. Иными словами, человеческая мысль порождает технику, которая в свою очередь содействует тому, что передача мысли по планете все более ускоряется, превращаясь в перспективе в молниеносную и всеохватывающую. Скоро, предполагал Вернадский, люди смогут мыслить «в планетном аспекте». Основой биосферы станет новая субстанция — разум. Биосфера превратится в ноосферу, и на Земле наступит антропологическая эра, которая станет эрой борьбы сознательной жизни против «бессознательного строя мертвых законов природы».

Вернадский надеялся, что, охватив весь земной шар своим разумом, ноосферой, человечество решит задачу наилучшего устройства жизни. Ни философия, ни религия, ни государство не могли сделать этого. Это может сделать лишь наука, котороя должна привести людей к «вселенскости понимания».

ПРЕД ЛИЦОМ БОГА

Лев Исаакович Шестов (1866—1938 гг.) родился 31 января 1866 года в Киеве в семье крупного коммерсанта. Он не пошел по стопам отца, а поступил сначала на математический, а затем перевелся на юридический факультет Московского университета. Закончив университет в 1889 г., Шестов поначалу

занимался социально-экономическими проблемами. В 1895 г. он опубликовал первые свои литературные опыты, но вскоре с ним произошел тяжелый внутренний душевный кризис, и он уехал за границу для лечения. Там Шестов увлекся творчеством Шекспира, Канта, Ницше: «Моим первым учителем философии был Шекспир. От него я услышал загадочное и непостижимое, а вместе с тем столь грозное и тревожное: время вышло из своей колеи... От Шекспира я бросился к Канту... Но Кант не мог дать ответы на мои вопросы. Мои взоры обратились тогда в иную сторону — к Писанию». В Россию Шестов вернулся лишь в **1914** году, а до этого он жил в Швейцарии, где и началась его философская деятельность.

В европейской философии Льва Шестова считают родоначальником одного из основных направлений экзистенциализма — **религиозного экзистенциализма.** Анализируя движение европейской мысли в книге *«Афины и Иерусалим»* (1938), Шестов пришел к выводу, что европейская философия развивалась на эллинской основе, тяготевшей к рациональному началу, к созданию и рациональному объяснению постоянных «божественных» идеалов Истины, Добра и Красоты. Но, по мнению Шестова, человеческий разум не в состоянии сформулировать определение этих идеалов с точки зрения Бога — он лишь придумывает себе некие идолы, которыми от Бога

и отгораживается. Вместо истинного реального **Бога,** которого невозможно осмыслить рационально, философы придумывают себе «своего Бога», «Бога философов», «бога из машины». «В "пределах разума", — писал Шестов, — можно создать науку, высокую мораль, даже религию, но чтобы обрести Бога, нужно вырваться из чар разума с его физическими и моральными принуждениями и пойти к новому источнику».

Под «новым источником» Шестов подразумевал **веру. Он** отрицательно относился к системам **Фомы Аквинского, Декарта, Спинозы, Лейбница, Канта** за их приверженность «рационалистическим идолам». Ему гораздо ближе были мысли **Плотина, Тертуллиана, Оккама, Паскаля, Ницше** и **Кьеркегора,** отвергавших рациональные постулаты Добра и Истины. В ницшеанском «Бог умер!» он видел упрек в адрес рационалистической традиции, которая «убила Бога».

Шестов говорил о необходимости **религиозной философии.** Человек обычно боится заглянуть по ту сторону созданных в процессе рационального мышления монументов добра и зла, боится встретиться лицом к лицу с тем иррациональным, с человеческой точки зрения, началом, которое есть Бог. В книге «Potestas clavium» *(«Власть ключей»)* Шестов так ответил на аргумент Декарта о том, что «Бог не может и не хочет быть обманщиком»: «Если Бог обманывает людей, то это еще отнюдь

не значит, что Бог виноват. Виноваты люди — и не тем, что дались в обман..., а виноваты в том, что ограничили Творца своего, полагая Ему пределы в проявлении Его воли».

«Власть ключей» — право Папы Римского, унаследованное им, по католической легенде, от апостола Петра, решать, попадет человек в рай или нет. Это право судить отвергал еще **Ф. М. Достоевский** в своей *«Легенде о Великом инквизиторе»* (роман «Братья Карамазовы»). При таком восприятии «божественной воли» людям уже не нужен Бог, им нужны гарантии — кто даст им гарантии, тот **и** станет для них богом. Если кто-то заявляет, что может дать гарантии вечной жизни, то тем самым он присваивает себе функцию Бога. В этом же, по сути, Шестов обвинял рационалистическую философию от Аристотеля до Гегеля.

Обычаи, традиции, преемственности, основанные на схемах, которые внес в историю человеческий разум, по мнению философа, условны и временны. Для человека с самого начала и навсегда «распалась связь времен» — и каждый раз, снова и снова каждый человек стоит перед необходимостью начинать свой жизненный путь, свою экзистенцию «с нуля», один на один — *пред лицом Бога,* не опираясь на предыдущие философские построения, не «оглядываясь» на прежние рациональные схемы.

В 1921 г. Шестов эмигрировал из Советской России и поселился в Париже, где об-

щался с такими философами, как Гуссерль, Мартин Бубер, Мартин Хайдеггер. Он умер 20 ноября 1938 г. и похоронен в Париже.

ЧЕЛОВЕК И ПОТАЕННОСТЬ

Мартин Хайдеггер (1889—1976 гг.) родился 26 сентября 1889 года в немецком городке Месскирхе. Его отец, ремесленник-бочар, был также причетником и звонарем католического храма св. Мартина в этом городе. Большую часть своей зрелой жизни Хайдеггер провел в родных местах. Поначалу же он поступил в иезуитскую гимназию в Констанце, потом прослушал четыре семестра теологии и четыре семестра математики и естественных наук в Фрейбургском университете. Там он познакомился с молодыми начинающими философами, оставившими заметный след в философии XX века — Георгом Гадамером, Карлом Ясперсом, Максом Шелером.

В 1914 году Хайдеггер опубликовал свою первую крупную философскую работу, в 1916 г., защитив докторскую диссертацию и получив право преподавания, начал читать лекции. Слава о нем как «тайном короле философии» стала быстро распространяться, хотя в. течение 12 лет он ничего не публиковал. Зато на его лекциях «то, о чем он читал, люди видели перед глазами, словно телесное и осязаемое».

В 1927 году вышла книга «Бытие и время», сделавшая Хайдеггера знаменитым и оказавшая сильное влияние на европейскую философию. Хайдеггер обратился к понятию **бытия,** введенному в древнегреческой философии еще **Парменидом:** *бытие есть то, что может быть мыслимо нами.* Когда мы мыслим, то, считал Хайдеггер, выводим это «мыслимое нами» из **потаенности.** В этом смысле *человек есть существо, самой способностью мышления обусловливающее бытие как таковое.*

В результате Хайдеггер подошел к вопросу о том, что представляет из себя **феномен человека.** Сущность человека заключается в присутствии, в **бытии-вот** (то есть бытии, проявляющемся в каждый данный момент, «здесь и сейчас»). Человек есть возможность вместить в себя единое и целое, которое имеет место в бытии-вот.

Проблема человека, пришел к выводу Хайдеггер, заключается в реализации возможности осуществить себя. Человек открыт всему — от полноты присутствия бытия до провала в ничто. Его постояно подстерегает опасность «упустить себя», опасность «неосуществления себя». Человек свободен лишь при осуществлении своего присутствия, в бытии-вот, которое возможно только через напряжение мысли. И, напротив, когда человек не мыслит самостоятельно, когда действует «как все», тогда что-то действует через человека без

его воли, превращая его в часть людской массы, в ничто, пустое место, отсутствие бытия-вот. Слово **«экзистенция»** означает **«существование»,** но для Хайдеггера существование человека имеет смысл только тогда, когда в нем есть присутствие бытия-вот — это *«существование в свете мысли»*.

Когда в Германии пришли к власти нацисты, Хайдеггер некоторое время находился во власти иллюзий относительно их намерений. Ему казалось, что они ставят своей целью поднять экономику и дух униженной после поражения в Первой мировой войне Германии. Он даже согласился занять пост ректора Фрейбургского университета. Но очень скоро Хайдеггер понял свою ошибку: нацисты хотели одного — подчинить себе все и вся, превратить, в том числе и ученых, в слепых и послушных исполнителей их страшных замыслов по завоеванию мира и уничтожению всех, не согласных с ними. Уже в 1934 году Хайдеггер подал в отставку. Вторую половину своей жизни Хайдеггер прожил как одинокий затворник, мало общавшийся с внешним миром.

В конце 40-х — начале 50-х годов, когда научно-техническая революция уже стучалась в двери, Хайдеггера заинтересовал вопрос: какое сущностное значение **техника** имеет для человека? Почему развитие НТР неизбежно и какие проблемы она может принести? «Современная техника, — говорил Хайдеггер, — тоже

средство для достижения целей». Но каких? Техника, по мнению философа, выполняет для человека функцию раскрытия потаенности. Человек, строящий дом или корабль, или выковывающий жертвенную чашу, выводит производимое из потаенности, в которой до этого пребывали эти вещи, пребывали в качестве *возможности* дома, корабля или чаши. Таким образом, техника выводит возможное из потаенности и делает его реальностью. Процесс такого выведения из потаенности Хайдеггер обозначил термином «постав».

Этот путь таит в себе определенную опасность — все глубже погружаясь в потаенное, человек может забыть или перестать понимать непотаенное, то есть то, что есть само по себе — природу, например. Человеку под воздействием постава начинает казаться, что все предстающее перед ним существует лишь потому, что оно *им поставлено.* Но на самом деле постав — это определенный вызов человеку, прозевав который, он может прозевать самого себя. Если же человек заметит этот вызов, то роль постава, считал философ, может стать положительной, ибо в этом случае постав позволит «человеку увидеть высшее достоинство своего существа и вернуться к нему». Это достоинство, говорил Хайдеггер, в том, «чтобы беречь непотаенность, а с нею — тем самым заранее уже и тайну всякого существа на земле».

ЯЗЫК ИЩЕТ ИСТИНУ

Гениальные философы потому и называются гениальными, что им удалось в своих рассуждениях уловить одну из сторон многоликой истины, благодаря чему в философии потом возникали новые школы и направления. Людвига Витгенштейна (1889—1951 гг.) можно назвать гением вдвойне, ибо он стоял у основания двух весьма значительных и плодотворных направлений в философии XX века — логического позитивизма и аналитической (лингвистической) философии, которую называют также «Кембриджской школой».

Родился он 26 апреля 1889 года в Вене, к известному княжескому роду Витгенштейнов не имел никакого отношения — его отец был инженером, сумевшим сколотить довольно крупное состояние. Когда Витгенштейн получил наследство, то тут же отдал его на поддержание литературы. Он очень помог этим известным австрийким поэтам Георгу Траклю и Райнеру Марии Рильке.

Людвиг Витгенштейн

Витгенштейн с детства сильно выделялся на общем фоне. Он все время жил на грани психического расстройства, страх утратить рассудок преследовал его всю жизнь. Спасали его философия, техника и математика. В 17 лет Витгенштейн поступил в Высшую техническую школу. Пристрастие к технике он унаследовал от отца. Еще будучи маленьким мальчиком он смастерил маленькую швейную машинку, вызвавшую всеобщее восхищение. В 1908 году он был зачислен в качестве студента-исследователя на технический факультет Манчестерского университета.

В 1914 году началась Первая мировая война, и Витгенштейн добровольно отправился на фронт. Сидя в окопах на Восточном фронте, он обдумывал основные идеи своего ставшего потом знаменитым *«Логико-философского трактата»*. Именно там ему пришла в голову блестящая мысль о *сходстве структуры человеческого языка со структурой реальности, реальных событий, о которых наш, язык «говорит»*.

Однажды Витгенштейн сидел в окопах и рассматривал журнал, где на рисунках было изображено последовательное развитие событий во время автомобильной катастрофы. И вдруг он понял, что способ, которым соединены друг с другом эти рисунки, создает описание возможного положения дел. Ведь фрагменты изображения соответствовали предметам в реальности. Проведя аналогию визу-

альных изображений с теми образами, которые создает язык, Витгенштейн сделал вывод о том, что сам способ соединения слов в языке, описывающем нечто, происходящее в реальности, отражает возможное положение дел в этой реальности. Иными словами — язык, через который мы говорим, в свою очередь говорит нам нечто значащее о мире. Эти идеи легли в основу направления, названного **логическим: позитивизмом.**

После войны, освободившись из плена, Витгенштейн, уже прославленный философ, несколько лет не возвращался к философии — в нем всегда жило недоверие к профессиональному философствованию. Такой философии очень трудно быть честной — а это было главное, что требовал от нее, как, впрочем, и от себя самого, Витгенштейн. С 1920 г. Витгенштейн в течение шести лет работал учителем в глухих австрийских деревушках, потом — помощником садовника в монастыре и даже чуть было не постригся в монахи.

В 1926 г. он построил по собственному проекту дом для своей сестры в Вене. Стиль этого здания напоминает стиль его собственных философских текстов — оно лишено украшений и отличается строгостью размеров и пропорций. Витгенштейн любил, что называется, выражаться коротко и ясно. Ему принадлежит афоризм: *«То, что может быть сказано, может быть сказано ясно»*. Позже,

когда он все же вернулся к чтению лекций в Кэмбридже, его студентов поражала и захватывала та напряженнейшая работа по оттачиванию мысли и ее выражения, которую на их глазах постоянно проделывал Витгенштейн. И все равно со своих собственных лекций он всегда уходил неудовлетворенный собой, огорченный, даже измученный. Часто после них ходил в кино развеяться, сбавить давившее напряжение.

Около 1933 года в его философских взглядах произошли сильные изменения, относившиеся прежде всего к теории языка как образу реальности. Сколько бы мы ни старались, полагал Витгенштейн, любая сказанная нами или услышанная фраза не может быть понята точно и полно. В ней всегда будет оставаться лакуна (пробел, пропуск) непонятости. Необходимо помнить об этом и пытаться заглянуть за обыденный смысл говоримого, суметь «услышать» в сказанном то, что само «не слышится» — для этого необходимо мыслительное, аналитическое усилие.

Эти идеи Витгенштейна легли в основу **аналитической,** или **лингвистической,** философии. *«Загадки не существует»,* — говорил философ, намекая на то, что такого реального явления, как загадка, нет, есть просто наше неумение по-другому взглянуть на уже сказанное. «Человек, запутавшийся в философской проблеме, подобен человеку, который хочет выбраться из комнаты, но не знает как.

Он пробует через окно, но оно слишком высоко. Пробует через камин, но он слишком узок. Но если бы только он повернулся вокруг, то увидел бы дверь, которая все время была открыта!» В философии, считал Витгенштейн, *«проблемы разрешаются не путем поиска нового, а путем упорядочивания того, что мы уже знаем»*. Огромная роль здесь принадлежит языку, который у «позднего» Витгенштейна выступает не как картина мира, а как проекция человеческого мышления и в этом смысле тоже творит реальность. Поэтому философ подчеркивал важность детального изучения обыденной речи.

В дальнейшем жизнь Витгенштейна двигалась все по той же зигзагообразной траектории — он то занимался философией, то уезжал куда-нибудь. В 1935 г. он уехал в СССР и даже строил планы остаться там, но начавшиеся к тому времени репрессии остановили его.

Когда началась Вторая мировая война, он пошел работать санитаром в госпитале. После войны Витгенштейн уехал в Норвегию, где и умер в результате тяжелой болезни в 1950 г.

ИСКУССТВО ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Герменевтика, то есть искусство толкования (интерпретации) священных текстов, появилась еще в античную эпоху. Многие гре-

ческие философы толковали тексты **Гомера.** В эпоху христианской философии под герменевтикой стали подразумевать толкование текстов Ветхого и Нового Заветов. В XX веке немецкий философ **Ганс Георг Гадамер** (род. в **1900** г.) по-новому взглянул на проблему герменевтики — как метода философского познания. В герменевтике проблема познания рассматривается прежде всего как проблема «понимания», толкования, или интерпретации.

Язык, на котором человек говорит иди пишет, тоже является одной из реальностей мира, отражающей структуру человеческого сознания. Тексты, которые мы интерпретируем, содержат в себе смыслы, отражающие структуру языковой реальности, а значит и, структуру реальности как таковой. В своей книге *«Истина и метод»* (1960) Гадамер писал: *«Язык — это универсальная среда, в которой осуществляется само понимание. Способом этого осуществления является истолкование* ».

Понять, истолковать текст или речь — не значит понять то, что хотел сказать его автор, не значит проникнуться к нему сочувствием. Герменевтическое понимание означает стремление «прийти к взаимопониманию в том, что касается сути дела». А суть дела содержится не в авторе, но в самом тексте. Текст, утверждал Гадамер, задает интерпрета-

тору вопрос, понять текст — значит понять этот вопрос.

Допустим, ваш друг пишет вам: «В семь часов, когда уже рассвело, я иду за водой». Можно просто принять к сведению это сообщение и посочувствовать другу в его заботах, но если вы подходите к этому тексту с герменевтической точки зрения, то ваша задача извлечь из этого текста смыслы. Например, что «солнце в этой местности в семь часов уже встало», или то, что «в этой местности, по-видимому, нет водопровода». Иными словами, герменевтик ищет то, что говорит ему сам текст, что говорит ему язык этого текста: *«слушать и слышать текст — вот задача толкователя»*. Что же до автора текста, то он, по мнению Гадамера, «элемент почти случайный; однажды созданный им *текст начинает жить независимо от своего творца»*.

При **интерпретации** текста возникает одна существенная проблема. Суть ее заключается в следующем: к прочтению, к пониманию текста толкователь всегда подходит с уже сформированным **пред-пониманием.** Например — перед нами текст о Первой мировой войне. Мы заранее знаем о ней то, что она началась из-за таких-то и таких-то социально-экономических, политических причин. Читая текст о войне, мы, быть может, поймем нечто другое, извлечем смысл, который разрушит пер-

вичное пред-понимание, но сам при этом станет новым пред-пониманием, предваряющим следующее прочтение, и так далее — замыкается бесконечный так называемый **герменевтический круг.**

Гадамер, однако, увидел в этом и позитивные следствия. Во-первых, при восприятии текста может происходить столкновение противоположных версий пред-понимания — это позволяет воспринять проблему, явленную **в** тексте, в ее единстве и многогранности. Вторым положительным фактом является возникающее при этом осознание ограниченности собственной возможности понимания, помогающее интерпретатору правильно сформулировать адресованный тексту вопрос или выбрать правильный **горизонт вопрошания.**

Герменевтика, по Гадамеру, обращается к текстам как к субъектам с их собственной, индивидуальной истиной. Поэтому **в** ней мы воспринимаем тексты как предание, которое «есть язык, т.е. само заговаривает с нами подобно некоему Ты».

ВЛАСТЬ И БЕЗУМИЕ

Мишель Фуко (1926—1984 гг.) родился 15 октября 1926 года во французском городе Пуатье в богатой буржуазной семье, исповедовавшей принцип: «Что важно, так это уп-

равлять самим собой». Фуко отлично учился в лицее, а затем и в коллеже. Особенно интересовала его история — в 12 лет он начал читать лекции по истории своим брату и сестре. Позже философ писал, что он «зачарован историей и отношением, которое существует между личным опытом и теми событиями, во власть которых мы попадаем».

После войны Фуко учится в Париже. Здесь к увлечению историей добавилась страсть к философии, воспринятой через призму, казалось бы, совершенно разных учений Гегеля, Ницше, Маркса, экзистенциалистов и Фрейда. Во Франции в те годы очень сильные позиции занимала коммунистическая партия. Для многих французских интеллектуалов СССР выступал своего рода символом надежд на воплощение «идеального государства» Платона. Эта иллюзия была настолько сильна, что никакие предупреждения людей, реально столкнувшихся с советской действительностью, почти не действовали. В 1950 году Мишель Фуко, как и многие его коллеги, вступил в компартию. Свое решение он, уже в 1978 г., объяснил желанием «определенным образом производить опыт в духе Ницше», испытать «другое» по отношению к жизни в буржуазном государстве. Фуко относился к пребыванию в компартии (он вышел из нее через 2 года) как к маргинальному событию своей жизни.

Такова была его жизненная позиция — • многие его поступки часто расценивались как **маргинальные,** то есть выходящие на край, на грань общепринятого. Со стороны многим казалось, что это признаки безумия, психической или нервной болезни. Но для Фуко это стало его философской позицией: «В жизни бывают моменты, когда, чтобы продолжать смотреть или размышлять, нельзя не попытаться узнать, можно ли мыслить *иначе,* чем мыслишь, и воспринимать *иначе,* чем видишь».

В 1961 году Фуко выпустил книгу *«История безумия»,* в которой поставил вопрос о том, насколько человек в процессе познания может доверять самому себе, то есть рассматривать себя как самостоятельно мыслящего субъекта. Не получается ли так, что ощущение человеком своей собственной самотождественности является лишь иллюзией, и, следовательно, он не может ни понимать, ни быть понятым?

Человеческое знание и мышление, считал Фуко, всегда находится в рамках тех или иных исторически длящихся размышлений — дискурсах — по поводу определенных проблем (Бога, мира, человека, свободы, разума и т.д.). **Самотождественность** субъекта в таком случае есть только фикция, потому что на самом деле это лишь тождественность определенным дискурсам, которая может быть нейтрализована только в так называемых **опы-**

тах-пределах, или точках **безумия,** в которых сознание как бы «забывает» о дискурсах. По мнению философа, только тогда и возможна настоящая философия.

Фуко не стремился, как это может показаться на первый взгляд, унизить человека. Напротив, весь пафос его размышлений был направлен на то, чтобы вскрыть «ловушки», подстерегающие человека на его пути к пониманию себя самого.

В частности, Фуко утверждал, что понятия границ **безумия** на протяжении всей истории человечества формировались чисто условно, определялись, как правило, властью и той частью общества, которая полагала себя «знающей истину» или просто представляла себя таковой перед остальными.

Фуко считал, что *власть обязательно и принудительно действует на каждую личность в ее повседневной жизни.* **Власть** может проявляться совершенно непредсказуемо в самых разных сферах жизни. Основой власти Фуко полагал **власть научных дискурсов** — ***воля к знанию*** *лишь маскировка воли к власти.* В книге *«Воля к знанию»* он писал: «Даже в той широко распространенной форме, которую она принимает сегодня, воля к знанию неспособна постичь универсальную истину: *человеку не дано уверенно и безмятежно господствовать над природой.* Напротив, воля к знанию непрестанно увеличивает риск, порождает опасности повсюду... ее

рост не связан с установлением и упрочением свободного субъекта; скорее она все больше порабощает его своим инстинктивным насилием».

Каждая цивилизация в определенные исторические эпохи, считал Фуко, в определенные моменты своего исторического развития создавала свои «познавательные поля» — **эпистемы,** включавшие основные философские и научные проблемы и способы их разрешения. У европейской цивилизации таких эпистем было пять: античная, средневековая, возрожденческая, просветительская и современная. Эпистемы продолжают жить и после окончания соответствующей исторической эпохи, пересекаясь с новыми эпистемами, и человеческое сознание постоянно находится под воздействием **эпистемологического поля.**

Поэтому философ принял гипотезу, высказанную другим философом, **Роланом Бартом,** о так называемой **смерти субъекта,** утверждавшую, что человек практически потерял автономность своего мышления, возможность быть самим собой. По этой гипотезе, он жестко детерминирован социальными, идеологическими, культурными и научными дискурсами. Возможен ли выход из этой дискурсивной «тюрьмы»?

Пытаясь найти выход, Фуко выдвинул концепцию **антроподицеи** — человек обладает свойством **резистентности** (сопротивляемо-

сти), дающем ему силы сопротивляться властному действию различных дискурсов. Он писал: «Я мечтаю об **интеллектуале,** который ниспровергает свидетельства и универсалии, замечает и выявляет в инерции и требованиях современности слабые места, провалы и натяжки ее аргументации, который постоянно перемещается, не зная точно, ни где он будет завтра, ни что он завтра будет делать». Для Фуко символом такого резистентного человека стала фигура «безумного художника», маргинала, не боящегося нарушить культурные табу, которые, как он писал, «зиждутся на фундаменте человеческой практики и человеческой истории, и, поскольку эти вещи были сделаны, они могут — если знать, как они были сделаны, — быть и переделаны».

* * *

Вот мы и дошли до последней страницы нашей книги. Путь наш был долгим, мы прошагали двадцать пять веков человеческой цивилизации. Трудно даже представить себе, сколько миллиардов человеческих жизней включило в себя это время, сколько мыслей, идей, высказанных и невысказанных, хранит в себе история человека. Философы, о которых рассказано в этой книге, важны и интересны для нас именно тем, что их философ-

ские идеи, созданные ими теории и понятия способны раскрыть перед нами самую сердцевину мыслительных кладовых человечества.

Однако не всё здесь зависит от философов, многое зависит от нас самих — сумеем ли мы как следует разглядеть то, что они оставили нам в наследство. Забыть об этом наследстве, не использовать его должным образом было бы не только одной из самых больших глупостей, но и просто безнравственно.

Это не значит, конечно, что нужно посвятить всю свою жизнь изучению чужих философских трактатов. Философию не нужно зубрить, ее надо лишь попытаться понять — для себя же. Ведь наша жизнь продолжается, и каждый в ответе перед самим собой за свою судьбу, за то, чтобы осуществить себя настолько, насколько это возможно. И здесь нам уже нельзя будет спрятаться за чужие философские спины, придется думать и мыслить самим, на свой страх и риск.

• В жизни бывают ситуации, кажущиеся совсем неразрешимыми, когда мы готовы вот-вот сдаться, впасть в отчаяние. И тогда нам потребуется собрать все мужество-мысли, найти опору в себе самих. Тогда вспомним о философах, которые мыслили, несмотря ни на что, находили в себе силы противостоять самым тяжелым обстоятельствам и, стоя, казалось бы, на краю пропасти, выходили победителя-

ми. Не всегда в физическом, но всегда в духовном смысле.

Изучая философию, мы рано или поздно узнаем философа, чьи мысли и идеи, чей образ жизни нам ближе всего. И тогда он может стать нашим «философским» другом, с которым не страшно отправиться в часто суровый и опасный путь *своей* мысли, *своего* мышления. А такого пути, если мы хотим остаться самими собой, если хотим осуществить себя, если хотим *быть,* нам не избежать. И эта книга желает вам — в добрый путь!